

Дарья Донцова

З апасной
ВЫХОД ИЗ КОМЫ

Детектив на диете Татьяна Сергеева

Annotation

Ну кто бы мог подумать, что путешествия во времени возможны?.. Начальница особой детективной бригады Татьяна Сергеева во что бы то ни стало должна разыскать свою исчезнувшую коллегу Лизу Трифонову. Та взялась за совершенно глухое дело, которое еще много лет назад зашло в тупик: загадочное похищение младенца. Татьяна уверенно шла по следам пропавшей, и вдруг... все провалилось во мрак глубокой комы. Сергеева очнулась в таинственной лечебнице, окруженная излишне-заботливым персоналом. Невероятно, но память у Татьяны словно ластиком стерли! Через распахнутое больничное окно она мило беседует со своей «свекровью Эtti», напрочь позабыв, что та давно умерла. И Таню ничуть не смущает, что календарь на ресепшен клиники датирован еще прошлым веком...

- [Дарья Аркадьевна Донцова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Дарья Аркадьевна Донцова
Запасной выход из комы

© Донцова Д.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

«Причина язвы желудка не в том, что вы едите, а в том, что ест вас».

Я посмотрела на доктора:

– Филипп Андреевич, у меня ничего не болит.

Эскулап нежно погладил рукой тетрадь в мягкой желтой обложке.

– Душа моя! Начнем заново. Какое сегодня число?

Я напрягла память и поняла, что ничего не помню. Взгляд упал на открытое окно, за которым буйно цвела сирень.

– Май! – обрадовалась я.

– Июнь, но почти угадали, – похвалил меня Филипп Андреевич, – увидели сирень и сообразили.

– Доктор Маслов, подойдите на ресепшен, – раздался откуда-то приятный женский голос.

Доктор встал:

– Танечка, можете посидеть пару минут в одиночестве?

– Конечно, – улыбнулась я.

– Не испугаетесь? У меня тут скелет стоит!

– Он не настоящий, – засмеялась я.

– А многие боятся, – усмехнулся врач и покинул кабинет.

И зачем ему держать в кабинете то, что нервирует больных?

Долго раздумывать над этим вопросом я не стала, огляделась по сторонам и взяла со стола тетрадку. На ней было написано: «История болезни Сергеевой Татьяны».

История болезни? До сих пор я считала себя абсолютно здоровой. Я поежилась и открыла тетрадь.

«Состояние после двухнедельной комы». По моей спине пробежал озноб. Документ был заполнен от руки. Но вопреки всем анекдотам про почерк врачей я легко разобрала каждое слово. Похоже, Филипп Андреевич увлекался каллиграфией, буквы он писал так, что любой японец мог бы прийти в восторг от красоты их начертания. Понимая, что Маслов вот-вот вернется, я быстро посмотрела историю болезни. И вскоре мне стало плохо, закружилась голова, к горлу подступила тошнота.

Стало ясно, как я оказалась в кабинете Маслова. В конце мая я ехала в машине своего любовника Леонида Ильича Коровина. Тот не справился с управлением и врезался в дерево. Леонид погиб на месте. Удивительно, но я, сидя около водителя, не получила ни одной царапины, зато потеряла

сознание и не приходила в себя четырнадцать дней. И что самое удивительное, в медцентр меня поместила свекровь, мать моего мужа.

– Я занят с пациенткой, – долетел из коридора голос Маслова. – Освобожусь, и поговорим.

Я закрыла свою историю болезни и вернула ее на место.

Через секунду в комнате возник Филипп Андреевич.

– Простите, Танечка. Давайте вернемся к нашей беседе. На чем мы остановились?

Я попыталась собраться с мыслями. Что говорил Маслов перед уходом? Почему он ушел? Вроде его куда-то позвали...

– Танюша, – нежно произнес хозяин кабинета, – сконцентрируйтесь, попытайтесь, душа моя, сообразить... Ну?

– Не получается, – пробормотала я. – Вы говорили... про мясо... вроде.

– Ерунда, душенька, мы справимся, – успокоил меня врач. – «Причина язвы желудка не в том, что едите вы, а в том, что ест вас». Вот главное, что многие забыли.

– У меня ничего не болит, – вякнула я.

– В анамнезе у вас есть язва, – уточнил доктор. – Ранее считалось, что сия неприятная болезнь, способная даже привести к смерти, вызывается исключительно неправильным питанием. В зоне риска были любители острого, жирного, соленого, копченого. Потом выяснилось, что недуг вызывает бактерия.

– Хеликобактер пилори, – неожиданно осенило меня.

Маслов зааплодировал.

– Верно. Ну и ну! Только что вы уверяли, будто начисто все забыли.

– Я помню свое имя, – ответила я. – Откуда знаю про возбудитель язвы желудка, для самой загадка, – смутилась я. – Язык помимо воли это произнес. О! Вот еще что выплыло из тьмы. Врачи считают, что большое значение имеет моральное состояние пациента. Если он нервничает, злится, «ест себя», то труднее вылечивается.

– Ай, молодец, – обрадовался Маслов, – не знай я, что вы учительница русского языка и литературы, подумал бы, что вы доктор. Отлично материал изложили. Откуда столь обширные познания?

Я пожала плечами:

– Понятия не имею. Словно кто-то подсказал.

Филипп Андреевич потер руки:

– Прекрасно. Давайте выясним, что еще вам этот «кто-то» мог нашептать. Что вы можете о себе сообщить?

– Меня зовут Таня Сергеева, – ответила я. – Работаю в школе.
– Bravo, – восхитился Маслов.
– Сами только что назвали мою профессию, – вздохнула я.
– Сколько вам лет?
– М-м-м, – промычала я, – ну... раз я педагог... значит, окончила вуз... мне точно за двадцать.

– Гениально, – восхитился эскулап. – Поточнее получится?
– Наверяд ли, – призналась я.
– Так, попробуем с другой стороны. Имя Этти вам знакомо?
Я уставилась в окно. Этти?
– Мать Миши, – подсказал врач, – ваша свекровь...

Меня словно стукнули по голове медным тазом, в голове взорвалась граната. На секунду свет померк, затем перед глазами запрыгали разноцветные огоньки, меня затошнило, комната завертелась, потолок поменялся с полом.

– Этти! – закричала я. – Ну, конечно! Этти!

Со свекровью мне повезло феерически. В свое время бабы в учительской рассказывали про такое! Кровь сворачивалась в жилах, а по спине тек холодный пот от услышанного. Бесконечные упреки матерей мужей типа: «Вижу, что сын сильно ошибся в выборе жены», поджатые губы, кислые мины... Как назло, мужья обожали своих мамаш и каждый раз заявляли супругам: «Не смей спорить с мамой, у нее разболится голова». У всех свекровей моих коллег были слабое здоровье, ранимая нервная система и ядовитые зубы, которые они пускали в ход, только когда оставались с невесткой наедине.

Этти оказалась другой. Начнем с того, что я не знаю, сколько ей лет. Своего сына она родила неизвестно от кого. Вернее, свекровь, естественно, знает имя отца Миши, какое-то время она состояла с ним в браке, но распространяться о бывшем супруге не любила.

– Мы с Ильей прожили всего ничего, – как-то в минуту откровенности призналась она, – а когда он сбежал от меня и крохотного Мишки и не оставил ни копейки денег, я вдруг поняла, что совсем не знала своего супруга. Поэтому теперь говорю: мой сын родился неизвестно от кого, то есть от неизвестного!

Когда я в первый раз увидела свекровь, то приняла ее за сестру жениха. На кухне стояла тоненькая хрупкая девочка с копной каштановых кудрей.

– Это Этти, – улыбнулся Миша и, видя мое недоумение, добавил: – Моя мама, твоя будущая свекровь.

– Здрассти, – растерянно брякнула я, весьма удивленная тем, что Михаил представил мать по имени, без отчества и всяких церемоний.

– Привет, – весело ответила Этти, – топай к столу. Ты чай с чем любишь, с лимоном или с вареньем?

С первой минуты Этти стала вести себя так, словно мы были одногодками. Спустя несколько месяцев мне стало казаться, что Этти чуть больше двадцати, она не занудничала, не поучала меня, не совала нос в кастрюли, не поджимала губы при виде плохо выглаженной рубашки Миши, наоборот, спрашивала:

– Не надоело утюгом махать? Да брось, и так сойдет. И вообще, пусть он сам гладит, мужиков баловать нельзя.

Свекровь частенько подсовывала мне в карман денежки, приговаривая:

– Мишке не говори, это наше с тобой дело. Знаю, знаю, небось новую помаду купить мечтаешь.

Родная мать не заботилась обо мне так, как Этти, она вечно дарила какие-то милые пустячки, а приходя в гости, всегда приносила шоколадные конфеты. Этти единственный человек, перед которым я не стесняюсь раздеться. Меня смущал даже Миша, я всегда старалась нырнуть первой под одеяло, пока муж принимал душ. А с Этти я спокойно хожу в баню...

Свекровь работает переводчицей, знает в совершенстве три языка, легко переходит в разговоре с немецкого на французский, а если надо, на английский. Миша же не получил высшего образования, ему не достались материнские мозги.

Отец Этти был известным ученым, а мать поэтессой, в ее случае природа отдохнула не на детях, а на внуках. Миша был... Я замерла. Миша был... Почему я говорю о муже в прошедшем времени? Миша был замечательным, добрым, ласковым человеком, он много читал, но у него не было способностей к систематическим занятиям. Большинство родителей, увидев в дневнике у чада сплошные двойки, примутся наказывать ребенка, топтать ногами и орать:

– Вспомни, из какой ты семьи! Не смей позорить память о дедушке и бабушке. Немедленно берись за ум, ты должен поступить в институт!

Девяносто девять из ста матерей поведут себя именно так, но Этти оказалась сотовой, она спокойно спросила у Миши:

– Ты хочешь поступить в вуз?

– Нет, – испугался он, – лучше в техникум, мне автодело нравится.

И Этти отвела сына, куда он хотел.

Муж говорил, что его никогда не ругали, не ставили в угол, не читали ему нудных нотаций. Если честно, я завидовала супругу: мое детство было

другим, мне не позволялось иметь собственного мнения. Родители сами выбрали будущую профессию для дочери, мне велели идти в педвуз. Представляю, какую истерику могла закатить мать, услышь она от меня фразу вроде: «Хочу стать портнихой» или «Мечтаю учиться на парикмахера». Да она бы сначала грохнулась в обморок, ну а потом начала бы вопить: «Интеллигентная девочка обязана иметь диплом о высшем образовании. Вспомни о родителях, дедушке-ученом, бабушке...» Впрочем, нет, Анна Семеновна не тот человек, которого можно поставить в пример. Она всю жизнь варила суп, пекла пироги, жарила котлеты. На взгляд моих родителей, мать отца не достигла никакого успеха, родители презирали скромную старушку, что, впрочем, отнюдь не мешало им лакомиться вкусными борщами, лопать великолепные пирожки и надевать чистые старательно отглаженные вещи. Бабушка считалась в нашей семье домработницей, ее охотно ругали за ошибки и никогда не хвалили. Отец звал ее коротко: «мать», а моя мама величала свекровь: «Анна Семеновна», ни разу на моей памяти она не обняла и не поцеловала ее, всегда говорила с ней холодно-вежливым тоном. Доживи мать до моего замужества, восторга при виде зятя она бы не испытала. Миша-то лапоть, без диплома о высшем образовании, его место у туалета.

Вот Этти другая, много вы найдете свекровей, которые, похоронив сына, окружают невестку-вдову любовью? Этти после смерти Миши поддерживает меня, если честно, то сейчас я просто живу за ее счет... Конечно, пытаюсь быть ей благодарной, но что я могу? Убрать квартиру, помыть окна... И это все. Правда, я стараюсь изо всех сил, взвалила на свои плечи тяжелую физическую работу, таскаю Этти картошку, драю унитаз и ванну, мне очень хочется отплатить ей за добро, но это такая малость по сравнению с теми моральными и материальными подарками, которые я получаю от свекрови.

Я замерла, слова, которые лились потоком, закончились.

– Потрясающе! – ахнул врач. – Люди считают двухнедельную кому ерундой. Не год человек на аппаратах лежал. Ан нет. Даже сутки, которые вы провели в состоянии измененного сознания, могут нанести вам непоправимый урон. Восстановление займет месяцы, годы! А вы идете на поправку семимильными шагами, прямо бегом! Что еще вы помните?

– Миша, – протянула я, – мой муж... он ведь умер! А Этти... Что-то с ней произошло... не знаю! Так странно. Вдруг в моей голове взорвался фейерверк. И я вижу свекровь. А сейчас снова туман клубится. Что со мной случилось? Как я очутилась в этой клинике?

Глава 2

– Все хорошо, дорогая, – заулыбался Маслов, – вам надо отдохнуть.

– Я хочу знать правду, – возразила я.

Маслов склонил голову к плечу:

– Не думаю, что сейчас вам нужен шоковый удар.

– Все так плохо? – испугалась я. – Тем более расскажите, а то я с ума сойду от пустоты в голове.

– Хорошо, – после короткой паузы согласился хозяин кабинета и заговорил.

Чем дольше я слушала доктора, тем хуже себя чувствовала. Оказывается, я ушла с работы, потому что мне надоело сеять зерна разумного, доброго, вечного в мозгах глупых детей, которые совершенно не желали читать ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя. Да еще у меня сложились конфликтные отношения с коллегами, которые все были намного меня старше. Последний год я провела дома, где тихо дурела от безделья. О домашних делах я никогда не беспокоилась. Пылесосил квартиру, гладил белье, ходил за продуктами мой муж, готовила свекровь. Этти привозила нам судки с вкусной едой и загружала их в холодильник. Чем занималась я? Ела то, что было в холодильнике, смотрела шоу по телевизору, спала и в результате здорово растолстела. А еще я стала закатывать скандалы Мише, обижаться, что он занят работой, а не мной. В конце концов свекровь не выдержала и силой вытолкнула меня на работу. Рассказывая Маслову о том, что происходило в ее семье, Этти объяснила:

«Мне не трудно содержать двух человек. Танюша не очень много получала, сами знаете, какие у учителей зарплаты. Кошка и то больше нарыдает. И Миша не принадлежал к специалистам, которые миллионы получают. Я им всегда подбрасывала денюжат, вкусные продукты, всякие милые мелочи. Но Таня должна была выйти на службу. Я понимала, что, сидя дома, невестка заболит, получит от непомерного потребления сладкого диабет второго типа, превратится в кучу, от безделья начнет все сильнее и сильнее пилить мужа, и брак рухнет. Не из вредности или корысти я спихнула невестку с дивана. Ради блага их семьи старалась. И вот что получилось!»

Маслов прервал рассказ и стал наливать в стакан воду из бутылки.

– Что получилось? – переспросила я.

Филипп Андреевич сделал глубокий вдох и продолжил.

Свекровь нашла мне место в фирме Леонида Ильича Коровина, своего знакомого. Меня посадили в маленькой комнате, вменили в обязанность проверять на грамотность тексты, которые сочиняли сотрудники отдела рекламы и пиара. Креативность у молодежи была через край, а вот грамотность хромала на все ноги и в придачу болела эпилепсией. Но я недолго занималась нудным делом. Через неделю после устройства на работу я, выпив в буфете кофе, пошла к лифту и столкнулась в коридоре с пожилым, но вполне бодрым мужчиной. Тот стал задавать новой сотруднице разные вопросы. Я хорошо воспитана, не глупа и не поинтересовалась, с кем говорю, просто вежливо ему ответила. На следующий день меня вызвали в отдел кадров и огорошили назначением личным помощником владельца предприятия. Любопытным незнакомцем оказался сам Леонид Коровин.

Не прошло и двух месяцев, как отношения мои и Коровина вышли за рамки уставных, превратились в интимные. Этти умудрилась перевыполнить задачу, которую перед собой поставила: невестка слезла с дивана, и теперь она на него даже не садилась, потому что почти перестала забегать домой. Миша молчал, делал вид, что ничего не происходит, свекровь впервые в жизни растерялась. А я, похорошев, повеселев, с утра до ночи находилась на работе. И, если уж совсем честно, я не всегда спала в супружеской кровати. Старый, но богатый Леонид Ильич показался мне намного привлекательнее молодого бедного Миши.

У меня снова закружилась голова.

– Я изменила мужу?

– Да, – кивнул Филипп Андреевич, – уж извините. Понимаю, вы неловко себя чувствуете, но...

– Невероятно, – прошептала я, – с трудом в это верится. Понимаете... э... ну...

– Говорите спокойно, – приободрил меня Филипп Андреевич, – доктора не надо стесняться.

– У меня лишний вес, – пробормотала я, – поэтому я никогда не считала себя красавицей. Одежда на мне сидит плохо, купить ее – проблема, на толстух шьют нечто мешкообразное, серо-буро-малинового цвета. Видела один раз программу «Модный приговор», там стилисты нарядили тетку, типичного слонопотама, в ярко-голубое платье, повесили ей на шею колье. Еще она выходила в джинсах с узкими штанинами и свитере до колен. Выглядела прекрасно. Я решила приобрести себе такой же наряд, но не нашла в магазинах ничего подобного.

– Танечка, вы таковы, каковы есть, – улыбнулся Филипп Андреевич, –

громоздкость фигуры существует лишь в вашей голове. Вы носите, думаю, пятидесятый размер. Такой у большинства российских дам. А что касается...

– Не угадали, – перебила его я, – у меня пятьдесят шесть-восемь.

– А что касается, – повторил Маслов, – господина Коровина, он обожал корпулентные фигуры. Только не говорите того, что хотите сказать.

– Вы знаете, что я собираюсь сказать? – фыркнула я.

– Конечно, – кивнул врач. – Вы сейчас запоете: «Я уже не молода, тридцатилетие на носу...» Леониду Ильичу семьдесят. Вы для него сочный сладкий персик... Он был уже не молод.

– Был, – повторила я.

Маслов развел руками:

– Увы! Коровин погиб в автомобильной катастрофе, а вы остались невредимы. Вас привезли на «Скорой» в муниципальную клинику и, обнаружив, что никаких травм или угрозы вашей жизни нет, оставили лежать на каталке в коридоре. Вам надо каждый день молиться за свекровь. Она мне рассказала, что позвонила сыну домой, хотела поговорить с вами. Миша сказал:

– Танечка сегодня не ночует дома.

Этти ощутила беспокойство.

– Миша, случилась беда.

– Ты же знаешь, Танюша очень много работает, – деликатно ответил сын, – она завтра вернется.

Но Этти принялась обзванивать больницы и нашла невестку, которая впала в кому.

– Этти меня определила к вам, – пробормотала я.

– Верно, – кивнул Филипп Андреевич, – вы умница, не переживайте. Я знаю людей, которые, забыв прошлое, прекрасно живут дальше.

– Намекаете, что я никогда не восстановлюсь? – уточнила я.

– Кто это сказал? – делано возмутился доктор. – Вы демонстрируете успехи. Вспомнили Этти, мужа, своих родителей, бабушку.

– Ну да, – промямлила я, – а вот момент аварии начисто забыла.

– Отлично, – вдруг рявкнул Маслов, – зачем держать в уме травмирующие воспоминания о том, как Леониду оторвало голову?

– Оторвало голову? – повторила я.

– Нет, нет, немедленно это забудьте, – приказал доктор. – Я абсолютно уверен: вы впали в кому из-за того, что провели пару часов в машине рядом с изуродованным трупом.

Книжный шкаф, который стоял у противоположной стены, стал

качаться, я вцепилась в подлокотники кресла. И вдруг поняла: мое состояние не связано с рассказом о страшной смерти Коровина. Я ничего не помню. Леонид Коровин для меня всего лишь имя-фамилия.

– Не можете вспомнить своего любовника, – догадался Маслов, открыл письменный стол и положил передо мной фотографию.

– Узнаете?

– Конечно, я вижу себя, – после небольшого колебания ответила я, – хотя...

– Если что-то вас тревожит, удивляет, сразу сообщите мне, – велел эскулап.

– Очень уж я тут толстая, – вздохнула я, – и платье старое, вроде я уже не ношу его.

Я умолкла. Что не так на снимке? Почему он мне кажется странным? Вроде обычное фото. Я в темно-синем сарафане, в руках сумка, из которой торчит полотенце.

– У машины стоит Леонид, – пояснил Маслов.

Я уставилась на немолодого мужчину, смело одетого в розовые брюки и голубую рубашку.

– Никаких эмоций, – пробормотала я.

– Они появятся, – заверил Филипп Андреевич, – хотя иногда лучше, когда чувства присыпаны душевной анальгезией, как угли пеплом.

Я зевнула, один раз, другой, третий...

– Вы устали, – констатировал врач, – пора отдохнуть.

Глава 3

Очутившись в своей палате, я пошла в санузел, хотела посмотреть в зеркало и обнаружила, что его нет. На стене между стаканчиком для зубных щеток и мыльницей висела картинка с изображением водопада.

Я вышла в коридор, подошла к стойке, за которой сидела медсестра, и сказала:

– Простите, пожалуйста!

Девушка в белом халате подпрыгнула на стуле, захлопнула книгу и выдохнула:

– Вот напугали!

– Простите, я не хотела, – смутилась я, глядя на обложку.

Медсестра читала книгу Смоляковой.

– Очень старый детектив, – неожиданно сказала я.

– Почему? – удивилась дежурная. – Вчера купила его у метро.

– Можно посмотреть роман? – попросила я, потом взглянула на бейджик на ее халате и добавила: – Надя, я аккуратно книгу полистаю.

– Пожалуйста, – разрешила блондинка.

Я взяла криминальное чтиво в потрепанной обложке и увидела год издания. Почему-то мне стало не по себе.

– Надя, какое сегодня число?

– Не поверите, ни день недели, ни дату не помню, – захихикала медсестра, – прямо день сурка. Встала, кофе попила, градусники-лекарства раздавала, и понеслось так до ночи, завтра то же самое и послезавтра. Все сутки похожи, как яйца. Календарик висит на стене.

Я подошла к глянцевому календарю, увидела красное окошечко и опять занервничала.

– Что-то не так...

– Позвать врача? – спросила медсестра. – Опишите свое самочувствие: голова болит, кружится, сердце трепыхается, затылок тянет, душно, нос заложило...

– Ничего такого, – успокоила я ее, – просто я волнуюсь. Душевного спокойствия нет.

– Забейте, – махнула рукой Надя, – тут все такие. Нервные. Вы, наверное, устали.

– Есть немного, – призналась я.

– Ложитесь спать, уже поздно, – посоветовала Надежда. – Любите

кефирчик?

– Да, – кивнула я.

– Сейчас принесу, – пообещала медсестра, – умывайтесь пока.

Я вздохнула:

– У меня в санузле нет зеркала. Наверное, кто-то разбил, а новое повесить не успели. Немного неудобно, что не можешь себя видеть.

– Зачем вам на свое отражение любоваться, – хихикнула Надежда, – небось миллион раз свою мордочку обзревала. Ничего нового не увидите. Вы красавица.

– Спасибо, – засмеялась я и пошла по коридору в сторону двери с табличкой WC.

– Танечка, ваша палата напротив поста, – напомнила Надя.

– Это я пока помню, – сказала я, – хочу зайти в туалет.

– Он для сотрудников, – пояснила Надя, – у вас в палате свой унитаз есть.

– В служебный санузел больным запрещено заглядывать? – уточнила я.

– Что вы, – опешила Надежда, – разве у нас тюрьма? Можете бродить где душе угодно, все открыто, кроме кабинетов врачей и шкафов с лекарствами. Просто в нашем туалете кафель и сантехника дешевые...

– Пустяки, – отмахнулась я и вошла в сортир.

Помещение и впрямь выглядело аскетично. Сразу у двери стояло два бачка с новыми и использованными бахилами. Над ними висел приказ: «Как вошел, надень! Перед уходом сними». В кабинке стоял простой унитаз с бежевым пластмассовым кругом. К стене был прикреплен держатель с рулоном серой дешевой туалетной бумаги. Рукомойник тоже был не из дорогих, слева и справа от него висели полочки. На одной стояла бутылка с этикеткой «Антисептик», на другой – дозаторы с гелем и какой-то бордовой жидкостью. Зеркала не было. Вместо него висело объявление: «Медперсонал! После посещения уборной сначала тщательно обработайте руки синим мылом, потом используйте красное. Смойте. Высушите. Нанесите дезинфицирующий состав. Не ополаскивайте. Не путайте последовательность действий: синее мыло – красное – мирамистин. Внимание! После выхода в коридор обязательно снимите бахилы. Персонал, который не соблюдает правила, будет первый раз строго предупрежден, во второй оштрафован, в третий уволен».

Я вернулась на пост:

– Строго здесь у вас!

– Вы про плакатики? – спросила Надя. – У нас такие во всех

отделениях. А как иначе? Народу кнут нужен. Хотя некоторых что бей, что не бей – толку ноль. Любите корицу?

Я удивилась неожиданной смене темы беседы.

– Да. Почему вы интересуетесь?

– Кефирчик мы даем с разными вкусовыми добавочками, – зачирикала Надя. – Лично я корицу предпочитаю. Но она не всем нравится, больные говорят: «Никогда ее в кисломолочный продукт не кладем».

– Мне тоже это не приходило в голову, – призналась я.

– Хотите попробовать? – предложила Надя. – Если не по вкусу придется, дам другой кефир, черносмородиновый.

– Пойду на эксперимент, – решительно ответила я.

– Правильно, – одобрила Надя, – а то некоторые всю жизнь одно и то же пьют-едят, надевают. Тоска зеленая. Сейчас трудные времена. Российских продуктов почти нет, все заводы в перестройку порушили, только-только они из руин встают. Все продукты импортные! Цены жуть! За кефир состояние отдать надо. Поэтому пейте и ешьте у нас побольше. У меня завтра отпуск начинается! Жду не дождусь! Такие планы! На море полечу!

Безостановочно тараторя, Надя не забывала работать руками. Под аккомпанемент собственной болтовни она открыла холодильник, вынула оттуда бутылочку с этикеткой «Кефир. Корица», налила в стакан.

– Угощайтесь.

Я сделала глоток.

– Ну как? – осведомилась Надя. – Супер, да?

– Необычно, – протянула я, – вкус не совсем кефирный.

– Выпейте, на пятом глотке распробуете и еще попросите, – пообещала медсестра.

Я послушно осушила стакан.

– Все равно странно. Специя забила вкус кефира, навряд ли я стану фанатом этого продукта. А почему в туалете нет зеркала?

Надежда махнула рукой:

– Народ безответственный. Зайдет в сортир и давай рожи корчить, волосы поправлять. Вместо пяти минут полчаса у рукомойника повертится, устроит себе внеплановый перерыв. А работа стоит.

– Но и в палате нет возможности на себя посмотреть, – напомнила я.

Надя оглянулась по сторонам и понизила голос:

– Нам не разрешено правду говорить, но вы-то нормальная. У нас особая клиника. Сюда привозят тех, кто... ну... э...

– Говорите как есть, – посоветовала я.

Надежда облокотилась о стойку:

– Иногда с человеком после операции случается неприятность. Дали ему наркоз, все хорошо, провели, например, удаление аппендикса. Не на открытом сердце работали. Никто особенно не волновался, отправили больного в стабильном состоянии в реанимацию. И! Бац! Кома! Почему? Отчего? Кабы я точный ответ знала, получила бы Нобелевскую премию. Нарушение сознания – подлая штука. Даже один-два дня пребывания в коме могут человеку нанести непоправимый урон. Предугадать ничего нельзя. Я видела больных, которые месяц пролежали без сознания и быстро восстановились. Вот вы, например, две недели в коме провели и вмиг восстали. А другой сутки провел в коматозе и еле-еле потом на ноги встал, разумом помутился. Ладно бы он тихо себя вел. Так нет! Сползет с койки, пошлепает в тубзик, глянет в зеркало и... испугается донельзя. Кто там весь бледный, синий на него уставился? Чужой? И даст кулаком по своему отражению. Человек со скрипом соображает. Плевать на зеркало, да один раз мужику осколком вену перерезало. Вот после того случая зеркала повсюду сняли. Стекла на окнах затянули прозрачной пленкой, свет проходит, сад видно, а отражения нет.

– Понятно, – кивнула я, – но, может, разрешите в вашу пудреницу взглянуть?

– Нам запрещено их на работе держать, – отказала Надежда, – безопасность больных во главе угла.

– Слышала, что кого-то врачи специально погружают в кому, – продолжала я. – Зачем это делать, если больной может очнуться невменяемым?

Надя улыбнулась:

– Медицинская кома – другое дело. Ее используют, например, для пострадавших на пожарах. Ожоги болезненны. Перевязки превращаются в пытку не только для пациента, но и для медперсонала. Мы-то живые люди, с эмоциями. Человек кричит, его жалко невероятно, а прервать процедуру нельзя. В таком случае погрузить больного в бессознательное благо. Но из нее выходят иначе, потому что врач дозу лекарств точно рассчитывает, строго следит за показателями. Грубо говоря, больной пребывает в наркозе. Понимаете разницу?

Я зевнула:

– Более или менее.

– Спатеньки пора, – пропела девушка, – пойдете, одеялко подоткну, песенку спою. Шутка. Ни голоса, ни слуха не имею.

Безостановочно зевая, я добрела до кровати и рухнула на нее. Надя

заботливо меня укрыла одеялом, выключила свет и предложила:

– Давайте окошечко распахну. Душно в палате, а ночь такая теплая, цветами пахнет.

Слова медсестры донеслись до меня как сквозь вату.

– Угу, – пробормотала я и отключилась.

Глава 4

– Таня, Таня, Таня, – заговорил хриплый голос, – Тань, Танюша, ау, очнись.

Я села, открыла глаза и спросила:

– Кто здесь?

– Этти!

– Кто?

– Мать Миши, твоя свекровь.

Я потрясла головой:

– Никого не вижу.

– Я стою снаружи у окна. Выгляни. Только осторожно вставай. Не дай бог голова закружится.

Я сунула ноги в тапки и приблизилась к открытому окну. В саду маячила темная фигура с абсолютно белым лицом.

– Как самочувствие? – спросила она.

– Нормально, – ответила я. – Этти?

– Что-то не так?

– Или у меня с глазами беда, или у тебя рта-носа нет, – пролепетала я, – подойди поближе.

– Нет, – просипела свекровь, – я простудилась сильно, сопли текут. Боюсь тебя заразить. С лицом у меня порядок, я маску нацепила.

– А-а-а, – с облегчением выдохнула я.

– Слышишь, как я говорю? Словно пьяный ежик, – продолжала мать Миши, – бронхит замучил.

– Ой! Зачем ты пришла? – испугалась я. – Да еще ночью.

– Сейчас одиннадцать, – прокашляла Этти, – это ты рано легла, наверное.

– Возможно, – согласилась я, – тут часов нет. Уезжай домой, выпей чаю с малиновым вареньем. Мне приятно, что ты меня навестила, но побереги себя.

– Тань, я никогда тебя не обманывала, – вдруг сказала свекровь, – ты мне как дочь.

– Знаю, – подтвердила я, – меня мать родная так не любила.

– И мое отношение к тебе не изменится независимо от того, что случилось.

Мне стало зябко.

- Этти! Врач рассказал, что я вышла на работу и... э... короче...
- Изменила Мише, – договорила за меня свекровь. – Да, это правда. Теперь меня охватил жар.
- Честное слово, я ничего не помню.
- Не волнуйся, все функции мозга восстановятся.
- Я не могла изменить мужу.
- Почему?

– Не такая я. Ну вообще ничего не всплывает в памяти. Филипп Андреевич фото показал. Я на нем с женщиной. Никаких эмоций при виде любовника я не испытала.

– Танюша, врач не говорит тебе все как есть. Опасается, что ты остро отреагируешь, – перебила меня Этти, – но я не хочу, чтобы ты правду от посторонних узнала.

Мое сердце замерло, потом быстро-быстро застучало.

- Что случилось?
- Сядь на кровать. Боюсь, ты упадешь, – велела свекровь. На подкашивающихся ногах я добрела до постели.
- Только не волнуйся, – взмолилась Этти.

И как вы отреагируете, услышав подобную фразу? Лично я при такой просьбе сразу понимаю: сейчас на голову бетонной плитой рухнет беда.

– Сидишь? – уточнил Этти.

– Ага, – прошептала я.

– Дорогая, – прокашляла свекровь из сада, – еще раз говорю: ты мне как дочь. Никогда не сердилась на тебя и впредь не стану. То, что случилось, никоим образом не повлияет на наши отношения. Моя поддержка, любовь, помощь останутся неизменными. Восстанавливайся, возвращайся домой, я найду тебе новую работу. Во сто крат лучше прежней. С большим окладом.

– Что произошло? – пролепетала я.

– Только не нервничай. Тебя не винят в аварии, за рулем сидел Коровин. Ему давно следовало шофера нанять. Возраст не юный, реакция замедленная, плюс алкоголь в крови. Сколько он выпил?

Я растерялась:

- Не знаю.
- Неужели не видела?
- Нет.

Повисла пауза, потом Этти продолжила:

- Танюша, вы вместе сидели в ресторане.
- В каком? – спросила я.

– А названия никто, кроме тебя, не знает, – растолковала свекровь. – ГАИ обнаружила машину на шоссе после ДТП, водителю оторвало голову. Ты находилась рядом в состоянии ступора, похоже, очень испугалась.

Я молча слушала Этти. Ничего себе «испугалась»! Я, скорей всего, онемела-ослепла-оглохла от ужаса. Очутиться около обезглавленного тела – мощный стресс.

– Когда приехала машина ДПС и тебя вытащили из салона, гаишник спросил: «Ваше имя?» Ты ответила: «Мы с Леной ужинали в ресторане. Поехали к нему домой. Где Коровин, позовите его скорее».

– Ничего не помню, – с отчаянием призналась я.

– А что накануне происходило, задержалось в твоей памяти? Ваша беседа с Мишей?

– Нет, – простонала я.

– О господи! Я думала, хоть тот разговор не выветрился.

– Этти, – взмолилась я, – перестань ходить вокруг да около. Говори начистоту. Имей в виду, у меня никаких воспоминаний нет. В голове компот! Про то, что завела любовника, я начисто забыла. Аварию тоже.

– А что ты можешь о себе рассказать? – поинтересовалась Этти. – Меня ты узнала?

Я кивнула:

– Да, да. Что еще? Миша жарит картошку с сосисками, очень вкусно у него получается. Вот!

– Отлично! – слишком бурно обрадовалась Этти. – Гениально. Ладно, слушай.

Я наострила уши. Свекровь начала излагать события. Первая часть рассказа совпала с тем, что я уже слышала от доктора Маслова. Но потом я услышала другую историю...

Сообразив, что законная жена пошла налево, Миша приехал к матери и попросил совета, как ему теперь жить? Этти попыталась починить любовную лодку, объяснила, что в измене виноваты оба супруга. Наверное, он был холоден с женой, невнимателен. А она обиделась, стала искать внимания на стороне. Надо им просто сесть вдвоем и поговорить. Михаил уехал в плохом настроении, неделю не общался с матерью, а потом произошла авария.

Когда сотрудники милиции сообщила родственникам о ДТП, свекровь и муж прилетели в клинику. Этти не пустили в реанимацию, а Михаилу разрешили войти. Он пробыл в палате меньше минуты, вышел с белым лицом.

– Таня умерла? – ахнула Этти.

– Нет. Скончался я, – отчеканил сын.

– Господи, что случилось? – задержалась его мать. – Доктор сказал, что она без сознания.

Миша расхохотался:

– Да ну? Я взял Таню за руку, она глаза открыла и на всю ивановскую объявила: «Доброе утро, Ленечка. Как ты спал? Люблю тебя сегодня больше, чем вчера». Ну я и ушел!

Этти никогда не теряла дар речи, но в ту минуту она не нашлась что сказать. Сын, продолжая смеяться, убежал. Мать поспешила за ним, но Миша успел первым влететь в лифт и уехать. Этти пришлось минут пять ждать кабины, когда она очутилась в вестибюле, сына и след простыл. Несколько часов Этти не могла связаться с Мишей, поехала к нему домой, открыла дверь своим ключом и увидела на зеркале листок бумаги, приклеенный скотчем. На нем было одно слово: «Маме». Этти развернула послание, прочитала: «Я в спальне», перепугалась...

Свекровь замолчала.

– Дальше, – еле ворочая языком, попросила я.

– Миша покончил с собой, – наконец-то выговорила свекровь, – оставил тебе записку.

Послышался шорох, на подоконнике появился конверт.

– Извини, его милиционеры вскрыли. Тань?

– Слушаю, – только и смогла сказать я.

– Миша всегда отличался излишней нервозностью. Не думай, что ты его убила.

Я сидела молча.

– Он сам повесился, – продолжала Этти, – не позволяй произошедшему исковеркать твою жизнь. Не поступай, как Катя, дочь Светы, моей подруги. Она тоже мужу изменила. Федя отравился, а Катька вслед за ним отправилась, таблеток наглоталась. Не оставляй меня одну. Давай жить дальше.

– Эй, что вы в саду делаете? – забасил грубый голос.

– С невесткой общаюсь, – пояснила Этти.

– Отбой сыграли, уходите, – велел мужик, – нечего под окном прыгать.

Завтра, если врач разрешит, в палате свидитесь.

– Нам поговорить надо.

– После восьми вечера посторонним запрещено находиться на территории.

– Я ее свекровь.

– Женщина, уматывайте по-хорошему.

– Прочитай и отдай мне записку, – велела свекровь.

Я кое-как поднялась, держась за стену, подошла к подоконнику, взяла конверт, вынула неровно оторванный листок и прочла: «Татьяна! Жизнь без тебя мне не нужна. Счастья тебе с Леонидом. В моей смерти виновата ты. Прощай. Встретимся в аду. Миша».

В висках застучали молоточки, под черепом зазвенело. В спину будто воткнули острый нож, он не давал возможности вздохнуть, ноги отнялись.

– Таня! – прохрипела Этти. – Я скоро вернусь.

Раздался звук шагов.

Не спрашивайте, как я добралась до койки, я ничего не помню.

Глава 5

С веселым лаем Роки прыгнул мне на грудь и облизал лицо.

– Уйди, безобразник, – попросила я и взглянула на будильник. – Который час? Шесть? С ума сошел.

– И Мозес тоже, – пробормотал с другой стороны кровати муж, – давно скачет.

– Что с собаками? – спросила я.

– Намекают, что пора вставать, – зевнул супруг, – кофе хочу.

Я ощутила аромат арабики, и вдруг все завертелось перед глазами, я очутилась в трубе, пронеслась по ней и услышала:

– Танечка – душечка! Танечка – ягодка! Танечка – кисонька!

– Очень кофе хочется, – произнесла я.

Послышалось бульканье.

– Танюша, глазки распахнем! Водичка тут.

Я открыла глаза и не сразу сообразила, где нахожусь.

– Доброе утро, – ласково сказала симпатичная девушка в белом халате. – Как спалось?

– Здесь бегали собаки, – протянула я. – Две, скакали по кровати, вроде и...

– Танечка, в больницу нельзя приводить животных, – перебила меня незнакомка, – вам привиделся сон. Давайте познакомимся. Я Карина, медсестра.

– Таня, – машинально представилась я, – Сергеева, начальник...

Язык замер. Начальник? Вот же глупость! С чего это мне в голову взбрело! Никогда я никем не руководила.

– Знаю вас, – затараторила Карина, – в медкарте все сведения есть, – Татьяна Сергеева, замужем, москвичка, по образованию преподаватель русского языка и литературы. Ой, как я вам завидую!

– Чему? – вздохнула я. – Кофе? Потере памяти?

– Профессии, – защебетала Карина. – Наверное, учителю нужно много читать!

– Дружить с книгой полезно всем, – заметила я.

– Обожаю романы, – закатила глаза девушка, – да времени нет. Дома дел полно, на работе еще больше. А вам по службе положено любовные сюжеты изучать.

– В школе преподают классику, – уточнила я, – «Анна Каренина»,

«Война и мир».

– Скучотень, – поморщилась девушка, – я люблю страсти.

– В «Анне Карениной» их много, – усмехнулась я.

Карина отмахнулась:

– Ерундово написано. Нудно. Предложения длинные. В «Войне и мире» вообще половина текста на немецком.

– На французском, – поправила я.

– Однофигственно, – махнула рукой девушка, – все равно непонятно. Надо сноски, примечания смотреть. Влом это. Вот когда дело происходит в замке на берегу моря, она у него горничная, ее не замечают, а потом наконец любовь. И про постель красиво написано... Обожаю!

– Хочу только пакет забрать, – раздался из коридора сердитый голос.

– Сказано, проваливай, – прозвенел дискант, – иначе охрану вызову.

– Тапки взять хочу.

– Уматывай!

– Они мои собственные.

Карина поспешила к двери:

– Простите, я сейчас вернусь!

Не успела за медсестрой закрыться дверь, как я встала и приоткрыла захлопнутую створку. В щель я увидела коридор, стойку, за которой сидела незнакомая женщина. Карина и худенькая девушка в синем платье стояли спиной ко мне.

– Оборзели совсем, – возмущалась последняя, – моя обувь, на мои деньги куплена.

– Уматывай подобру-поздорову, Лизка, – зашипела медсестра на ресепшен, – неровен час Филипп Андреевич появится. Тебя-то совсем на фиг пинком вышибут, и нам с Каринкой влетит, штраф наложат.

Девушка зашмыгала носом:

– Злые вы. Про меня не знаете, а судите!

– Лиза, – начала Карина, – я и Фаина в курсе твоих проблем. У тебя ребенок без мужа, родных нет. Сыну няня нужна, продукты свежие, за съемную квартиру платить нечем.

– Ты каждому жалуешься, – ехидно заметила Фаина, – а, между прочим, у нас с Карой тоже в кошельках не густо.

– Вы в два раза больше моего получаете, – заныла Лиза.

– Я стараюсь выполнять работу безупречно, – отрезала Фаина, – потому меня и повысили. Мы безотказные с Каринкой. Двое суток дежурить надо, трое? Да мы с радостью. А ты стонала: «Спать хочу».

Елизавета опустила голову:

– Я просто так говорила. Хотела с вами подружиться.

– Средний медперсонал не имеет права болтать, – покраснела Фаина, – нашла аргумент глупее некуда. Сваливай отсюда. Да скажи спасибо Филиппу! Не выгнал тебя вон, перевел в пятый корпус.

– К маразматикам? – возмутилась девушка. – Они под себя ходят! А мне им пеленки менять! Отдайте тапки! Они дорогие.

– Елизавета, покиньте отделение, – тоном диктора заявила Фаина. – На правах старшей медсестры приказываю вам очистить помещение.

– Фигу тебе, – взвизгнула бывшая коллега и кинулась по коридору вперед.

– Лови ее! – азартно взвизгнула Фая, бросилась следом и с криком «Кара, скорей!» пропала за поворотом галереи.

Вторая девушка полетела на зов. И тоже исчезла за поворотом. Но уже через секунду зазвенели голоса.

– Упирается дрянь, – сказала Фаина.

– Вот пакость, – подхватила Карина.

Потом в зоне видимости появилась живописная группа из трех медсестер.

– Отпустите меня, гадины, отдайте тапки, мне их подарил любимый человек, – голосила Елизавета, которую две другие девушки тащили за руки.

– Врешь много, – фыркнула Фаина, – то сама купила, бездну баблосиков потратила, то это презент, оказывается!

– Приобрела сама, а он денег дал, – пояснила девица, тормозя ногами. – Остановитесь. Мне плохо! Голова кружится, тошнит! Вы меня до смерти доведете. Я заболела! Будьте милосердны!

– Слушай, – разозлилась Карина, – у нас эксперимент идет, работать надо. А ты мешаешь. Зная твои обстоятельства, мы охрану не вызвали, по-человечески к тебе отнеслись. Если сейчас не свалишь, позовем парней. Прощайся тогда со службой в медцентре навсегда.

– Тапки верните, – простонала Лиза.

Фаина пинком распахнула дверь, медсестры вытолкнули возмутительницу спокойствия за пределы отделения.

– Фу, – выдохнула Карина. – Как она вошла?

– Да фиг его знает, – тяжело дыша, ответила Фаина, – сижу, журнал заполняю. Опаньки! Стоит, красота неопиcуемая, у стойки!

– Может, отдать ей чертовы шлепки? – вздохнула Карина. – У Лизки и правда денег нет.

– А кто виноват? – взвилась Фаина. – Эмилия ее еще пожалела. Не

выперла на улицу. В медцентр перевела. А следовало лентяйку и сплетницу сунуть в помойку головой. С финансами у нее проблема? Ой, сейчас зарыдаю. Кто Лизке велел не пойми с кем спать, а потом от него еще и рожать?

Карина издала протяжный вздох:

– Она сказала, что влюбилась в мужика. Тот был намного ее старше, женат, обещал развестись, расписаться со Снеговой...

– Еще остались те, кто в это верит? – рассмеялась Фаина. – Ну так они редкостные дуры. Нормальные бабы давно усекли: не замай чужое, самой потом хуже будет. И никогда мужик законный брак не разобьет, он просто с очередной кретинкой переспать хочет. Ты Лизку зря жалеешь...

И тут у меня в носу зачесалось, я потеряла переносицу, но все равно чихнула, громко, со вкусом, так и не успев прикрыть рот ладонью. Медсестры вмиг замолчали. Я опрометью кинулась в ванную, через секунду из палаты раздался голос:

– Танечка, вы не простудились?

Я замотала на голове полотенце и высунулась из санузла.

– Так громко получилось, что вы на посту услышали?

– Да, – улыбнулась одна из девушек, – я испугалась, вдруг вы насморк подцепили.

– Нет, – затараторила я, – мыло очень душистое, запах нос защекотал...

– Слава богу, – обрадовалась медсестра, – но давайте для моего спокойствия градусник поставим. Кушать хотите? Завтрак через полчаса. Могу вам кофейку сварить.

Я похлопала себя ладонями по бокам.

– Мне не вредно полгода на диете посидеть. Толстая я очень.

Фаина махнула рукой:

– Неправда. Комплексы у вас расцвели, которые злые люди в детстве посеяли. Кто-то маленькой Танюше в уши жужжал: «Жирная корова, жри меньше, должно помочь».

Я опустила глаза.

– Ага! Я угадала, – обрадовалась девушка, – одноклассница вас тиранила? У нас в школе была одна вредина, маленькая крыса, вечно всех шпыняла. Вот меня гадюка третировала за прическу.

Фая сняла косынку и стянула с «хвоста» резинку.

– Видите?

– У вас роскошные волосы, – восхитилась я. – Вьются. Цвет потрясающий, как у дорогого горького шоколада.

Фаина снова сделала «хвост» и повязала косынку.

– Девчонка всем наговорила, что мой отец негр, поэтому я его не знаю. Сколько я из-за нее слез пролила! Море. И ведь ее нельзя было упрекнуть во вранье! Одно не понятно, кто правду крысе рассказал, что Вяземская ни биологического отца, ни мать никогда не видела, имен их не слышала. У меня смуглый цвет кожи, карие глаза, темные вьющиеся волосы. Может, я и впрямь мулатка или креолка, квартеронка?

– Дети от смешанных браков всегда очень красивы, – заметила я, – и вы тому доказательство.

Фаина опустила глаза:

– Ой! Это неправда. Но спасибо за комплимент. Лет до двадцати я считала себя уродиной, дворняжкой... И это несмотря на то, что меня удочерили, обожали, хвалили. Но в школе была мелкая дрянь, и она на меня сильно повлияла. Я не помню интерната, хотя провела там начало жизни. А вот школу не могу выкинуть из памяти. Детские комплексы трудно изгнать. Но я со своим справилась. И вам лучше забыть про лишний вес. Давайте градусничек. Тридцать пять и девять. Не волнуйтесь. С вашим анамнезом такая температура естественна.

В дверь постучали, раздался голос Карины.

– Танечка, завтрак можно подавать?

– О-о-о! Сегодня пораньше, – обрадовалась Фаина, – кушайте на здоровье. Надо все-все съесть. Без остатка. И вот таблетка. Позавтракайте и примите. Только после еды, а то желудок заболит.

Карина с Фаей ушли, я взяла розетку с пилюлей и уронила ее себе на грудь. Следующие минут пять я искала лекарство, но так и не нашла его. Решив не переживать из-за пропавшей таблетки, я собралась с аппетитом позавтракать.

Глава 6

– Эй! Тебя как зовут? – прошептали из окна.

Я уронила на кровать нож, которым намазывала масло на кусок очень вкусного, возможно, домашнего хлеба.

– Выгляни в окно, – попросила женщина, ее голос показался мне знакомым.

Я последовала совету и увидела медсестру.

– Привет, – прошептала та, – Елизавета! Господи! Боже!

На секунду мне стало обидно. Я такая толстая, что молодая женщина, чье лицо почему-то кажется мне знакомым, затряслась от ужаса.

– Мое имя не Елизавета, а Таня, – возразила я. – Вы испугались, увидев меня? Я такая страшная? Жирная корова?

– Елизавета это я, – объяснила медсестра. – Никого я не боюсь, просто у меня присказка такая, постоянно ни к селу ни к городу твержу: «Господи! Боже!» Ночью тебе дрянь снится? Память потеряла? Так?

– А что? – задала я свой вопрос.

– Если сможешь мне, объясню, как от твоих чудовищ избавиться, – зашептала Лиза, – тебя тогда отсюда выпрут домой как неподходящую.

– Для чего? – удивилась я.

– Потом объясню, – отмахнулась Лиза. – Ты ничего не помнишь, на голову словно ватный матрас накинута, ноги слабые. Верно?

– Да, – подтвердила я, – но, говорят, после комы это вполне нормально.

– Предлагаю бартерную сделку, – совсем понизила голос Елизавета, – через минут сорок Файка и Каринка свалят на летучку. Отделение они запрут, чтобы ты не удрапала.

Я сказала:

– Тот, кто лежит на первом этаже, в любое время дня и ночи в окно выскочить может.

– Ага, – хихикнула Лиза, – и куда ты денешься? На воротах охрана, забор до неба, гладкий, как обсосанный леденец. Назад идти придется. Так-то. Медсестры всегда парой на головомойку бегают, завтрак разнесут, наркоту раздадут. Все объясню, расскажу, что сделать надо, чтобы память вернулась. Но только если ты выполнишь мою просьбу.

– Какую? – предусмотрительно уточнила я, рассматривая через распахнутое окно симпатичную девушку.

На лице Лизы сияли огромные небесно-голубые глаза, у нее был

крупный рот, красивые зубы. Одета она была в синий халат, или это платье? Нижняя часть фигуры девушки была скрыта. Зато я отлично разглядела огромный медальон на ее шее: круглый, размером с дно стандартной кружки. На нем был выдавлен белый ангел с розовыми крыльями, в руках перед собой он держал православный крест во весь свой рост. Я уставилась на украшение. Почему оно мне кажется знакомым?

– Сделаешь? – поинтересовалась Елизавета. – Чего молчишь?

– Разве можно что-то обещать, не зная, о чем идет речь? – спросила я.

– Ерундень. Мои тапочки. Я забыла их в лаборатории. Понимаешь, мне велели по делам сходить, я рабочую обувь сняла, надела уличную и ушла. А когда вернулась, узнала, что меня отправили работать в другой корпус. Сюда я не вернулась. И что? Они мне туфли не отдают. Когда Файка и Каринка, две змеи, уползут, пройди по коридору до последней двери, на ней увидишь табличку: «Посторонним вход воспрещен, своим тоже не стоит часто сюда ходить».

Я покачала головой:

– Мило.

– Дурдом, – вздохнула Елизавета, – обувь под маленьким столиком, на нем чайник стоит. Кстати, кипятить воду в сестринской строго запрещено. Да Файке с Каркой наплевать на инструкцию. Ради себя они любые законы нарушат. А вот если о других речь идет, тут все крошечки проверят-пересчитают. Жабы!

Я подошла к окну:

– Вы хотите, чтобы я забрала ваши тапки?

– Да! – обрадовалась Лиза.

– А вы за это расскажете, как мне память себе вернуть?

– Точно. Сообщу про все, чем в лаборатории занимаются.

Я облокотилась о подоконник:

– Зачем мне знать о научных исследованиях? Я лежу не там, где что-то изучают.

– Дурочка, это отделение и есть лаборатория, – хмыкнула Елизавета, – пока ты мне не помогла, ни звука не вымолвлю, и, уж поверь, если правду не узнаешь,дохнешь тут в корчах. Я же тебе дам шанс спастись. Решай.

– Хорошо, – согласилась я.

– Молодец! – обрадовалась Лиза. – Давай, вперед.

– Как открыть запертую дверь? Или она не запирается? – осведомилась я.

Лиза протянула небольшой предмет, похожий на шариковую ручку:

– Это...

- Электронная отмычка, – ляпнула я.
- Откуда ты знаешь? – прищурилась медсестра.

Но я сама пребывала в удивлении. Каким образом в голову учителя русского языка и литературы попали сведения об этом инструменте? Где Пушкин и где отмычка? Поэт и приспособление для воров далеки друг от друга, как белый медведь от черепахи. Возможно, в зоопарке эти животные могут подружиться и даже полюбить друг друга, но в природе у них нет шансов встретиться. Хотя, вероятно, в мою бытность секретарем Коровина кто-то познакомил меня с отмычкой.

Я взяла «ручку» и уверенно повернула ее нижнюю часть, появилась тонкая стальная палочка.

– Вау! В свободное от обучения детей время ты грабишь квартиры? – ухмыльнулась Елизавета.

– Нет, – ответила я, – мне больше нравится печатать денежные купюры на домашнем станке.

– Тапки в пакете, – продолжила Лиза. – Когда жабы появятся, попросись погулять. Тебе дадут плед на скамейку постелить, спрячь под ним кулек с обувкой и топай в парк. Территория, где на дорожках красная плитка – парковая. А тропинки с желтым покрытием – садовые. Тебе нужна одна из них с указателем: «Сторожка». Маршируй по ней до тупика. Встречаемся там через полтора часа. Если чуть задержишься, не страшно. Все ясно?

– Вроде да, – подтвердила я и пошла в ванную, чтобы почистить после еды зубы, наклонилась над раковинкой... В ту же секунду откуда-то выпала таблетка и провалилась в слив. Пилюля на сей раз пропала безвозвратно. Идти просить другую? Объяснять, какая я идиотка? Ну уж нет! Я себя и без лекарства прекрасно чувствую. А если ничего не болит, то зачем мне препарат? Врачи любят запихнуть в пациента побольше химии, но мне она явно ни к чему.

Глава 7

Около небольшого домика, где, скорей всего, садовник хранил лопаты-грабли-лейки, я очутилась в указанное время и еще издали увидела Лизу, которая, вот уж странность, лежала на скамейке. Я приблизилась к медсестре и тихо сказала:

– Я принесла тапочки.

Девушка молчала.

Я повысила голос:

– Я пришла.

Снова никакой реакции, Елизавета даже не пошевелилась. Я посмотрела на нее, потом приложила два пальца к ее шее, не ощутила пульса и задумалась. Что делать? Пойти назад и сказать Фаине с Кариной, что их коллега мертва?

Я повернулась, отошла к большому дереву с дуплом, которое росло неподалеку, и замерла. Минуточку. Почему я решила, что Лиза умерла? У нее приоткрыт рот, не моргают глаза. Оба эти признака подсказали мне проверить шейный пульс. Но откуда я знаю про то, как определить – жив человек или нет? Я преподаватель русского языка и литературы, не сотрудница органов. Почему я не испугалась, не закричала, не умчалась прочь? Где я набралась хладнокровия, которое позволило мне спокойно прикоснуться к трупу? Ответ один: я сплю и вижу очередной сон. Ночью мне снились веселые собаки Мози и Роки, а сейчас вот привиделась история с Елизаветой. Мы с ней не беседовали, я не ходила в сестринскую. На фоне лекарств, которые мне выписал Филипп Андреевич, у меня возникают яркие сновидения, и я принимаю их за реальность.

Я сделала несколько шагов, снова остановилась, вытащила из-под пледа, который несла в руках, пакет, открыла его и обзрела содержимое. Внутри были белые кожаные туфли на платформе, на мой взгляд, весьма неудобная обувь для медсестры. Лиза-то отнюдь не Золушка, ее хрустальные башмачки размера этак сорокового, впрочем, рост у девушки больше метра семидесяти. Но она считает себя коротышкой, поэтому приобрела тапочки на высокой платформе. Меня в детстве бабушка раз по десять на дню называла обжорой, толстухой, вероятно, к Лизе добрые люди обращались: «Эй ты, гном коротконогий!»

Я поставила туфли на траву и снова засунула нос в пакет, на котором была надпись: «Супермаркет “Макс”». На самом дне валялась скомканная

бумажка, которую я не заметила, когда проверяла в сестринской содержимое пакета. Я не шарила в нем, просто открыла его, убедилась, что внутри тапки, и отправилась на прогулку. Я вытащила комок и расправили его. Чек! Некто купил чуть более недели назад в шесть утра две булочки с изюмом, пакет морса, сто граммов сыра в вакуумной упаковке, столько же сырокопченой колбасы, пачку творога, орешки кешью, чай и шоколадку. Заплачено за все...

Я замерла. Стоп! Отлично помню, какой год на дворе, месяц и день. Вчера медсестра Надя показала мне календарь. И она же посетовала, что сейчас трудно с продуктами. Те, что есть в магазинах, бессовестно дорогие, потому что привезены издалека. А наши, российские, отсутствуют, потому что во время перестройки производство рухнуло. Но некто, скорей всего Елизавета, идя на службу, купила в магазине «нашенские» сыр, колбасу, творог, чай, орехи, морс, шоколад. И заплатила за них недорого.

– Помогите! – заорали слева. – Кто-нибудь! Люди! Скорей! А-а-а!

Вопль начал удаляться. Я осторожно выглянула из-за ствола дерева и увидела спину женщины, которая убегала по дорожке. На незнакомке был синий халат, в правой руке она держала метлу, левой сильно размахивала. Мой взгляд переместился на скамейку, где лежала Лиза. Я поняла, что скоро сюда явится охрана, бросилась к дереву с дуплом, засунула в отверстие пакет с обувью и пошла назад. Перед глазами плясали разноцветные круги, в голове будто включили кофемолку. Судя по календарю, который висит в отделении, сейчас середина девяностых. Ладно, допустим, что Елизавета имела доступ к магазину для элиты, где продукты продают почти даром. И там можно купить деликатесы вроде отечественной сырокопченой колбасы. Но кто объяснит мне, почему на чеке указана совсем иная дата, чем на календаре? Чему верить? Численнику или скомканному чеку в пакете, который свидетельствует, что сейчас уже двадцать первый век? Я схожу с ума? Или сплю? Мне дают наркотики, поэтому у меня глюки? Надо позвонить Эtti, попросить в отделении разрешения воспользоваться телефоном.

Я побежала по желтой дорожке, свернула на красную, долетела до перекрестка и растерялась. Куда идти? Указатели отсутствуют, гуляющих нет!

Я повернула налево и минут через десять очутилась у запертых ворот.

– Ищите что-то? – поинтересовался охранник, выходя из маленького домика.

– Заблудилась, – ответила я, глядя на двух старушек, которые мирно бродили по территории за изгородью.

– Вы живете в доме престарелых? – осведомился парень.

Отлично. Я выгляжу столетней бабкой. Поймите меня правильно, я уважаю пенсионеров, но, когда ты совсем молода, не хочется слышать вопрос, который задал мне секьюрити.

– Девушка, как вы сюда попали? – осведомился охранник. – Лежите в медцентре? Далеко забрели. В каком корпусе лечитесь?

– Все в порядке, она наша больная, – раздался за спиной женский голос.

Я обернулась и увидела Карину.

– Заблудились? – заулыбалась та. – Небось устали. Свежий воздух утомляет, а вы совсем слабенькая. Надо вернуться в палату.

Я показала рукой в сторону трехэтажного дома, вокруг которого цвели кусты сирени.

– Почему там люди, а здесь никого нет?

– Потому что это разные учреждения, – пояснила Карина, – за забором дом престарелых.

– Охранник спросил, не там ли я живу, – с обидой в голосе наябедничала я.

Медсестра улыбнулась:

– Это не значит, что вы похожи на египетскую мумию. В интернате живут и молодые, несколько человек с синдромом Дауна. Родители, узнав о диагнозе, оставили их в роддоме. Судьба таких малышей чаще всего печальна, они попадают в детдома, и не во всяком учреждении с ребенком обходятся хорошо. Вот тем крошкам, которые оказываются при монастырях, повезло. Знаю, что в Марфо-Мариинской обители в Москве открыт приют для девочек-даунят. Монахини с ними активно работают, там есть и педагоги, и психологи, и логопеды, занимаются развитием мелкой моторики, танцами, гимнастикой. В результате девочки умеют читать, писать, обладают хорошим здоровьем, и можете мне не верить, но их удочеряют православные семьи. Судьба же тех, кто вырос в муниципальных интернатах, не завидна, чаще всего бедняг запирают в домах престарелых. Тут опять кому как повезет. Есть прекрасные интернаты, где для стариков и несчастных молодых людей создают семейную обстановку. Увы, знаем мы и о других заведениях. Но наши подопечные счастливы. Смотрите.

Карина подвела меня к решетке:

– Старушку, которая сидит в инвалидной коляске, зовут Софья Петровна, ей восемьдесят. Катает ее двадцатилетний Игорь.

– Они выглядят счастливыми, – ответила я, – старушка смеется,

похоже, юноша ей что-то веселое рассказывает.

Карина заправила под косынку прядь волос:

– Баба Соня попала к нам после того, как сломала шейку бедра. Ей должны были поставить эндопротез, но он стоит денег. У сына ее средств на мать не нашлось, зато на бутылку хватало. Он сажал бабулю у магазина, ставил перед ней картонную коробку с табличкой: «Собираю на операцию», вечером забирал деньги и пропивал. Эмилия Францевна увидела из окна машины старушку, сидевшую без зонтика под проливным дождем...

Карина махнула рукой:

– Все хорошо, что хорошо кончается. Теперь баба Соня живет у нас, в большой комнате с телевизором и личной ванной, получает пятиразовое питание, лекарства. Ей поставили протез, она хорошо ходит, в коляску садится, чтобы Гарик ее покатал. Она считает его своим сыном. Пьяницу начисто забыла, думает, что любимый Игорь купил им квартиру за городом. Это не деменция. Баба Соня прекрасно себя обслуживает, разумна, активный читатель библиотеки. Человеческий мозг хитер, он оберегает тело, поэтому может скрывать информацию, которая, по его мнению, вредит хозяину. Софья Петровна не помнит ничего из прошлой жизни. Для нее существует только сегодня, сейчас. Но наутро она проснется и не вспомнит, чем вчера занималась. Вот Гарика, который ее обожает и зовет мамой, она не забывает. Он же...

– Пи-пи-пи, – полетело из кармана белого фартука с красным крестом.

– Ох, простите, – улыбнулась Карина и вынула рацию, – да, так, ясно! Мы тогда пойдем другой дорогой.

– Что-то случилось? – осведомилась я, видя, что на лице медсестры появилось озабоченное выражение.

Карина потрянула головой и зачастила:

– Звонил садовник, неподалеку от заднего забора в зоне желтых дорожек упало дерево. Хорошо, что в этой части сада редко кто бывает, дуб свалился, не причинив ни одному человеку вреда. Не беда, пройдем в отделение другим путем.

– Так пошли, как вы хотели, – предложила я, – обойдем дерево.

– Нет, оно перекрыло путь.

– Перелезем через него, – азартно воскликнула я.

– Помешаем рабочему, он ствол пилит, – вывернулась Карина. – Не волнуйтесь, длинная дорога не займет много времени. Нам налево.

– Пи-пи-пи, – снова ожила рация.

– Вернусь через пять минут, – пообещала кому-то Карина. – Что?

Врешь. Прости, Фая, я от неожиданности это ляпнула. Немедленно предупреди охрану. Не может быть!

– У вас еще какая-то неприятность случилась? – спросила я.

Карина убрала переговорное устройство:

– Да! Очень большая. У мамы есть кошка Беатриса. Эмилия Францевна обожает ее до потери пульса. Би весьма своенравна, бегает где хочет по маминым апартаментам, по интернату, к нам залетает. Безобразница, но все ее обожают. Сейчас киса куда-то удрала, ее со вчерашнего вечера нет. Утром она не ела.

– Убежала за территорию? – предположила я.

– Я мыслю, как вы, – согласилась медсестра, – но мама в шоке. Надо во что бы то ни стало поймать Би и вернуть ее домой. Фая предупредила охрану.

– Эмилия Францевна ваша мать? – только сейчас догадалась спросить я.

Карина молча кивнула, но я не отставала:

– Это ей принадлежат дом престарелых и клиника?

Медсестра ответила:

– Мамочка милосердный человек. Ее муж заработал в свое время много денег. Мать решила помочь тем, кто наименее защищен в социальном плане: старикам и инвалидам. Она не любит, когда ее детище называют домом престарелых, именуется его «Солнечный сад». Пенсионеры и молодые люди живут там совершенно бесплатно. Но любой денежный запас рано или поздно исчерпывается. Когда мама поняла, что ее казна пустеет, она создала медцентр. Клиника, в которой лечитесь вы, платная. Она уникальна. Только мы можем восстановить человека после длительной комы. Трудная задача, но нам это удастся. Услуги больницы недешевы. Все заработанные средства идут на содержание «Солнечного сада» и оснащение клиники.

Глава 8

Не успела я помыть после прогулки руки, как в палату заглянул Филипп Андреевич.

– Добрый день! Как ваше самочувствие?

– Спасибо, хорошо, – ответила я.

– Готовы пройти тест, а потом пройти на аппаратную процедуру?

Я занервничала:

– Тест? Возникли какие-то вопросы?

– Не надо пугаться, – улыбнулся врач, – давайте скажу иначе: вы можете поговорить со мной?

– Конечно, – заверила я.

– Вот и славно, – сказал врач, – пошли.

– Куда? – уточнила я.

– В мой кабинет, вы там уже были, ничего страшного, опасного, – замурлыкал Маслов, – посидим рядком, поговорим ладком. Тра-ля-ля.

Продолжая напевать, доктор вывел меня в коридор и проводил в комнату, где мы вчера беседовали.

– Садитесь, дорогая. Как спали?

– Очень хорошо, – ответила я, и тут раздался звук льющейся воды.

Филипп Андреевич нахмурился:

– Опять!

– Трубу прорвало? – предположила я. – Надо вызвать сантехника.

– Все в порядке, – заверил врач, – я покину вас на секунду.

Маслов открыл дверь в стене и исчез. Я осталась в кабинете одна, но ненадолго: доктор, как и обещал, вернулся очень быстро.

– Ну-с. Начнем.

– Ш-ш-ш, – снова полетело по комнате.

Эскулап закатил глаза и взял телефон.

– Фаина, сантехник приходил? Почему? Просто нет слов! Неужели для решения такой ерунды придется беспокоить Эмилию? Ладно. Понял.

– Ш-ш-ш-ш, – в очередной раз донеслось до моих ушей, – ш-ш-ш-ш.

– Не знаю, как вам, а мне мешает звук водопада, – рассердился Маслов, – невозможно сосредоточиться.

– И может затопить помещение, – добавила я. – У вас там санузел?

– Да. Душ, умывальник, туалет, – пояснил Филипп Андреевич. – Иногда приходится оставаться здесь на ночь, а после рабочего дня хочется

привести себя в порядок. Еще утром я попросил вызвать слесаря, так он, видите ли, занят! «Василий не имеет времени, чтобы зайти к Маслову и устранить неполадки, заявка поставлена в очередь, ждите», – вот так Фаине ответил наш зам по хозяйственной части. Мужик с вантузом как министр! Можно защитить десять диссертаций, стать академиком, но в клинике всегда останется главным сантехник. Перед ним весь персонал расшаркивается, потому что профессоров в медучреждении, как тараканов на кухне, а слесарь один, и у него времени нет таким пустяком, как починка моего бачка, заниматься! И...

Договорить Маслов не успел. Дверь кабинета без стука распахнулась, внутрь вплыл запах дорогих духов, за ним появилась женщина лет тридцати, одетая в светло-розовый костюм.

– Что вы хотите? – сердито спросил Маслов. – Я занят с пациентом. Кстати, перед тем как врываться к врачу, неплохо бы постучать. Вдруг здесь обнаженный человек.

– Вы заняты? – язвительно осведомилась дама.

– Как видите, – повысил голос Филипп Андреевич.

– Гектор! – крикнула незнакомка.

– Вот только собаки мне тут не хватало, – разозлился врач. – Никаких животных в моем отделении!

– Я не пес, – прокряхтел маленький старичок, втаскивая в комнату здоровенный сундук. – Гектор Шлиссельбург, помощник госпожи Мюллер.

Филипп Андреевич опешил:

– Не хотел вас обидеть.

– Услышали имя и решили, что сейчас вбежит дог, – сказал дедок. – У всех такая реакция. Я давно к ней привык и не серчаю, поскольку понимаю: в наше время мало кто может похвастаться фундаментальным образованием. Редкий человек знает, что старший сын троянского царя Приама и Гекубы носил имя Гектор. Или вспомнит великого певца, баса-кантанта, Гектора Гандольфи, он родился в Турине, но потом очутился в СССР. Ну и, конечно, гениальный Гектор Берлиоз, французский композитор периода романтизма. Кроме того...

– Гектор, если ты продолжишь нести чушь, я тебя уволю, – рявкнула дама, – а вы, доктор, уж определитесь, вам мастер по обследованию, корректировке и устранению проблем водоснабжения и отвода нужен или нет? Меня из-за вашего каприза сняли с другого объекта.

Глаза Маслова округлились.

– Вы кто?

– Эбелина фон Мюллер, – живо представил даму старичок, – у нее

дипломы с отличием института компьютерных технологий в Лондоне, высшей академии коммунальных услуг в Нью-Йорке, университета имени графа Сортира в Париже. Она не раз побеждала в международных конкурсах планетарного значения, таких как «Золотой унитаз», «Платиновый ершик», «Бриллиантовый сифон»...

– Вы слесарь? – обомлел Филипп Андреевич.

– Что не так? – прищурилась дама.

– Ну... э... э... – замямлил доктор.

Я тоже была шокирована и, наверное, поэтому начала объяснять:

– Слесарь – человек в грязном комбинезоне, он входит в квартиру, не снимая обуви, топает без разрешения на кухню, за ним тянется запах алкоголя и курева. Бормоча себе под нос слова, которые не стоит произносить представителям ни сильного, ни слабого пола, водопроводчик чешет в затылке, потом басит: «Хозяйка, тута фигня ваще сломалась. Че ты с унитазом делаешь? Сама виновата! Хренятину для тебя надо брать на складе. Сначала заявку выписать, потом ждать, когда дадут. Неделю в сортир нельзя ходить. Но ты мне ваще понравилась, поэтому предлагаю: дам тебе ерунденцию, которая другой жадной бабе не достанется. За наличный расчет, прямо тут. Деньгами. Не нравится? Хочешь квитанцию? Жди хрень со склада». А когда вымогатель наконец уйдет, придется долго оттирать на полу следы от его обуви, собирать мусор, проветривать квартиру. И фигня, которую он прикрутил, через день отваливается.

– Вы, наверное, антисемитка? – вдруг спросила дама. – Расистка? Ненавидите собак-кошек? Кем вы работаете?

– Учителем русского языка, – ответила я.

– О-о-о! Они все гримзы, толстухи в растянутых трикотажных кофтах и с прической «Замок монстров». Взятчицы. Принесешь такой конвертик, и твой ребенок станет отличником. Не дашь кошмарной бабе мзду, и злобная климактеричка ребенка затравит, – с самой милой улыбкой заявила дама.

– Что за чушь вы несете? – возмутилась я. – Да, встречаются подобные педагоги, но их мало. Основная масса учителей – добрые умные люди, которые любят детей. И что за ерунду вы сказали про антисемитов и ненависть к братьям меньшим?! Вы со мной незнакомы, по какой причине сделали такие выводы?

Мюллер шагнула в сторону:

– А вы со мной чай не пили! По какой причине нарисовали портрет слесаря в черных тонах? Вот я и предположила, что вы чванная, дурно воспитанная особа, которая решила унижить меня рассказом о таких

специалистах, которых давно нет. Вы в вате прожили? Советское время давно закончилось! Нынче сантехник – высококвалифицированный человек, а унитазы – компьютерные устройства. Ненавидите нас? Может, евреев-негров-китайцев-индейцев тоже? Бьете собак-кошек?

Я начала оправдываться:

– Вы меня не так поняли.

– Вы сантехник? – перебил меня Филипп Андреевич.

– Доктор технических наук, специалист по устранению проблем, – процедила дама сквозь зубы.

Маслов расплылся в улыбке:

– Дорогая Эвелина...

– Э-бе-ли-на, – поправила дама.

– У меня сейчас больная, – продолжил врач, – вам лучше прийти в районе семнадцати часов.

Эбелина достала нечто ярко-золотое и, громко сказав: «Мой айфон самый дорогой и современный из всех на рынке», приложила не пойми что к своему уху. И начала говорить. Я заморгала. Айфон? Это, похоже, телефон! Эбелина тем временем громко вещала:

– Хочу отметить, что здоровых людей в природе нет. Десятое декабря вас устроит?

– Не понял? – опешил Маслов.

– Специально для вас я нашла свободное местечко в своем плотном графике, – пояснила Эбелина. – Сегодня мне из-за вашего каприза пришлось отменить вызов другого клиента. Вы отказываетесь от моих услуг, более ради вас я свой график не нарушу. У вас есть окошко десятого декабря!

– Но сейчас июнь! – напомнил врач.

– И что? – прищурилась Эбелина.

– У вас не может быть расписания, как у оперной певицы, – отрезал Маслов.

– Почему? – поинтересовалась дама.

– Вы слесарь!!!

– О! – восхитилась Эбелина. – Ясно. Не первый раз сталкиваюсь со снобизмом малокультурного человека, который считает, что заливаться соловьем на сцене – почетно, а девушка, которая чинит унитаз, – пятый сорт. Возникает вопрос: когда вас от безудержного потребления вредной пищи прохватит понос, куда вы помчитесь? В оперу или в туалет? Кто вам будет нужнее в случае, если на двери ватерклозета окажется табличка: «Не работает». Лучшее меццо Италии или пятисортная Эбелина? Кому вы

больше обрадуетесь, если, прыгая у клозета, увидите оперную диву, распевующую арию Татьяны из бессмертного «Евгения Онегина», или меня с набором инструментов?

Я не выдержала и рассмеялась.

– А вот мне невесело, – поморщилась Мюллер, – плакать хочется из-за человеческой глупости, снобизма, высокомерия и гордыни.

Филипп Андреевич пошел к двери.

– Татьяна, давай переберемся в другой кабинет. Эвелина здесь займется починкой.

– Нет, – возразила дама, – во-первых, мое имя Эбелина! Во-вторых, владелец унитаза обязан присутствовать во время ремонта.

– Зачем? – изумился Маслов.

– Вы оставите младенца в кабинете педиатра одного? – поинтересовалась Эбелина.

– Конечно, нет, – ответил Филипп Андреевич.

– Доктор, запомните: унитаз ваш новорожденный ребенок, – продекларировала Эбелина, – хрупкий, нежный, эмоциональный, ранимый.

– Ш-ш-ш-ш, – донеслось из туалета.

Маслов взглянул на меня.

– Я подожду, пока Эбелина устранит поломку, – успокоила я врача, – никуда не тороплюсь.

Глава 9

Дама открыла дверь, мне стали видны унитаз и душевая кабина.

– Как его зовут? – поинтересовалась Эбелина.

Я подумала, что она проверяет, запомнили ли мы с доктором имя старика, и живо произнесла:

– Гектор.

– Здорово, он мой тезка, – обрадовался старичок.

– Кто? – не поняла я.

– Унитаз, – уточнил дедуля. – Милый Гектор, не плачьте, все будет хорошо.

– У толчка не бывает имени, – отрубил Маслов. – Чушь какая-то.

– Вот поэтому он у вас и не работает, – печально констатировала Эбелина. – Ваши варианты? Его надо как-то назвать.

– Увольте меня от присвоения имени сортиру, – фыркнул Филипп Андреевич.

– Полная дискриминация, – вздохнула Эбелина, – я не могу работать с безымянным оборудованием. Дорогой, уж прости, я сама назову тебя, нам придется общаться. Как тебе имя Иван?

У меня закружилась голова. Иван, Ваня, Ванечка, Ванюша, Мози, Роки, Альберт Кузьмич... Я потеряла лоб. «Иван» вовсе не редкое имя, часто встречается в литературе. Правда, сейчас оно потеряло былую популярность. Но я, скорее всего, видела его в книгах. Мози и Роки – псы из моего сна, но кто такой Альберт Кузьмич? Кем он мне приходится? Вот уж не думала, что без воспоминаний о прошлом так трудно жить.

Эбелина вытянула руки:

– Перчатки!

Гектор открыл сундук, достал из него упаковку и хотел ее открыть.

– Стоп! – скомандовала Эбелина. – Сто раз я говорила! Сначала покажи хозяевам: закрыто герметично, соблюдена стерильность. Теперь надевай их на меня. И на себя.

Старичок замер, подняв руки на уровень груди.

– Что не так? – рассердилась его начальница.

– Я не могу применить одну пару к вам и к себе, – доложил дедок.

Эбелина закатила глаза:

– Будь проклят тот день, когда меня шантажом заставили взять этого ученика. Гектор, объясни, почему ты решил, что нам надо носить одну пару

защитных перчаток? Это и впрямь невыполнимо!

– Так вы велели: «Теперь надень их на меня. И на себя», – процитировал старичок.

– Ежу понятно, что я имела в виду: возьми себе вторую пару, – прошипела его хозяйка.

– Тогда нужно было сказать иначе, – не сдался Гектор. – «Надень на кисти моих рук эти перчатки и сам воспользуйся другими». Кстати, фраза «Натяни их на меня» подразумевает, что в эти изделия нужно поместить госпожу Мюллер целиком. Но я уже привык немного к вашей не всегда правильно построенной речи, поэтому сообразил, что надо заняться только кистями рук.

Дедуля мне определенно нравился, а Эбелина не вызывала положительных эмоций, поэтому я решила поддержать Гектора.

– Я тоже подумала, что к использованию рекомендуется одна пара перчаток на двоих.

– О, поздравляю, вы не еж! – обрадовался старичок. – Госпожа Мюллер сказала: «Ежу понятно, что я имела в виду». А раз нам с вами это непонятно, то мы не ежи.

– Ежами в данном случае являются Эбелина и Филипп Андреевич, – подхватила я, – они все поняли правильно.

Доктор и дама переглянулись, мы с Гектором уставились на них.

Первой опомнилась Эбелина:

– Хватит болтать о пустяках. Где лестница?

– В кабинете ее нет, – начал Филипп Андреевич, – сейчас позвоню...

– Расслабьтесь, – приказала слесарных дел красавица, – неужели я буду рисковать своей жизнью, используя чужой инвентарь? Гектор! Покажи людям мою научную работу.

Старичок покорно выудил из сундука комок канатов с железками.

– Вы видите мою первую докторскую диссертацию под названием «Создание оригинального лазательного-карабкательного устройства, применимого во всех отраслях ненародного хозяйства».

– Это же обычная веревочная лестница, – хмыкнул Филипп Андреевич, – ею еще пираты пятнадцатого века пользовались.

– Вы жестоко ошибаетесь! – рявкнула Мюллер. – Гектор! Крепи!

– Куда? – спросил старичок.

– К потолку! – велела Эбелина. – Хозяин решил продемонстрировать задатки дизайнера и поставил в туалете стилизацию под ретробачок, он поднят на трубе почти к небу.

– Мне он вместе с кабинетом достался, – стал оправдываться

Маслов. – Я пользуюсь тем, что здесь еще до моего появления стояло.

– Притачаю его к емкости для воды, – рассуждал вслух Гектор и стал бросать веревки на бачок.

– Встаньте на унитаз, – посоветовала я.

– А еще лучше возьмите нормальную стремянку, – процедил Филипп Андреевич.

– Вы считаете мое изобретение ненормальным? – вкрадчиво осведомилась Эбелина.

– Нет, ну что вы, – стал выкручиваться доктор, – просто... э... ну... э...

– Готово! – провозгласил Гектор.

– Займите ремонтную позу номер один, – велела его начальница.

Старичок начал медленно карабкаться к бачку.

– Побыстрее, – велела дама, – у нас жесткий график.

– Ступеньки круглые, металлические, ноги скользят, – пожаловался Гектор, – деревянные удобнее.

– Вам лучше замолчать, – прошипела Эбелина, – мне не интересны мысли дилетанта. Дерево от соприкосновения с водой гниет, трескается, такая лестница не может быть долговечной. А моя прослужит пару тысяч лет! Железо! Никелированное!

– Веревки порвутся, – ввернул шпильку Маслов, – и кому нужен предмет, который переживет своего хозяина?

– Значит, «Мону Лизу» надо выкинуть? – окрысилась дама. – Заменить ее фанерным щитом?

– Я не говорил этого, – опешил Филипп Андреевич.

– Это явствует из ваших слов про предмет, который хозяина переживет, – скривилась Эбелина, – значит, если владелец раритета умер, шедевр никому уже не нужен.

– Я наверху, – прокряхтел дедок.

– Снимайте крышку с бачка! – отдала приказ его босс.

– Чем?

– Руками.

– Как?

– Просто поднимите ее!

– Как?

– Руками, – повторила Эбелина. – Чем вы слушаете?

– Ушами, – ответил Гектор. – Не получится убрать крышку.

– Почему? – возмутилась шефиня.

– Я держусь всеми руками за ступеньки, – пояснил дедуля, – если

отпущу, грохнусь.

– Поэтому я и говорил про стремянку, – не преминул заметить Филипп Андреевич, – на ней можно стоять со свободными верхними конечностями.

– Открыл, – прокряхтел дедуля.

– Вот видите! – заликовала Эбелина. – Надо было просто постараться. Скажите, в чем там проблема?

– Не знаю!

– Так узнайте!

– Как?

– Посмотрите в бачок.

– Как?

– Глазами!

– Не могу!

– М-м-м, – простонала дама. – Почему?

– Они в голове!

– Боже! Пошли мне терпения! – взвыла Эбелина.

– Многоуважаемый Гектор, – сдерживая смех, сказал Маслов, – у всех людей орган зрения находится в черепе. И это не мешает, а, наоборот, помогает человеку хорошо видеть.

– Сейчас мне бы не помешали глаза, сделанные по принципу перископа подводной лодки, – вздохнул Гектор, – моя голова находится на уровне середины бачка.

– Так поднимитесь выше, – простонала Эбелина.

– Не могу.

– Почему?

– Ступеньки закончились!

– Да будет проклят тот день, когда я согласилась взять вас в ученики! – взвизгнула дама. – Сама бы давно уже все сделала, починила и ушла!

– Пусть дедушка слезет, а вы вместо него вскарабкаетесь, – предложила я.

– Это невозможно! – возмутилась дама. – Странно, что вам такая идея в голову пришла!

– А что в ней плохого? – удивилась я. – Вы профи. Гектор ваш ученик. Лучше всего обучать его на собственном примере.

– Я многожды раз доктор наук, королева технического оборудования, – гордо возвестила Эбелина, – монаршие особы собственноручно унитазы не чинят.

Глава 10

Филипп Андреевич мигом ввязался в спор.

– Не согласен. Царица, которая правит какой-то страной, и впрямь не должна марать руки об унитаза. Но вы-то сантехник, вам и карты, вернее, вантуз в руки.

– Вижу потроха бачка! – прокряхтел Гектор. – Встал на цыпочки.

– Только не упадите, – испугалась я.

– Я не заинтересован в полете с четырехметровой высоты, – ответил старичок, – спасибо вам за заботу. Дай вам бог здоровья и жениха богатого.

– Что вы видите внутри? – перебила дедулю Эбелина.

– Железная штука, на ней другая, ее держит третья, четвертая сбоку, внизу калоша, к ней палка приделана, – отрапортовал Гектор.

– Штангенбромцгевинтер в порядке? – осведомилась его начальница.

Гектор глянул вниз, на его лице явно читалась растерянность.

– А также необходимо проверить состояние вращательно-поворотной рукояти спицкантиринера и набалдашник рукманкболипрессатора, – продолжала Эбелина, – поскольку весь бачок, равно как и спуск накопленной в нем жидкости, плюс непосредственно санитарно-утилизаторный ковш для отходов жизнедеятельности теплокровных млекопитающих сделаны целиком из бронзы, то я уверена: отверстие впадения кампертуфеля в камперсапог забито натрий-калиевой-магневой-фосфатной щелочью, образованной из некачественной воды плохой очистки. Проверьте все упомянутое и доложите результат.

– Не могу, – прошептал Гектор.

– Почему?

Я думала, что старичок сейчас честно признается: понятия не имею, где эти штуки находятся. Но он постеснялся расписаться в собственном невежестве и заявил:

– Не вижу механизма.

– Почему? – снова задала давно надоевший всем вопрос Эбелина.

– Ноги устали, пальцы онемели, цыпочки не получают, – застонал Гектор. – Если бы я руки свободные имел, но в них крышка...

– Избавьтесь от нее! – велела босс.

– Как?

– Положите!

– Куда?

– На бачок!
– Тогда я точно не увижу, что внутри, – логично ответил Гектор.
– Возьмите ее в зубы, – отдала очередной приказ Эбелина.
– Съемными протезами даже газету не удержишь, а тут бронзовый набалдашник!

Мюллер потеряла терпение:

– Деньте его куда-нибудь!
– Назовите место, куда я могу отправить крышку!
– Да бросьте вы ее! Сил больше нет! – заорала Эбелина.

Через секунду прямо передо мной рухнула здоровенная штуковина, очень похожая на крышку утятницы.

– С ума сошел? – взвизгнула Эбелина и, забыв про вежливое «вы», рявкнула: – Ты мог убить женщину!

– Вас? – обрадовался дедок. – Попал? Но...

Послышались треск, визг, вопль, звон, грохот. Я инстинктивно зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела Гектора, который сидел в унитазе. Да, да, предлог поставлен правильно не «на», а «в». Зад старичка оказался вне зоны видимости, наружу торчали ноги, руки, торс, шея и голова.

– Как он туда попал? – изумилась Эбелина.

– Упал, – прокряхтел Гектор.

Я, стряхнув оцепенение, кинулась к старичку:

– Вы живы?

– Мертвые молчат, – ответил Гектор, – а я беседую, что позволяет сделать вывод о сохранении функций организма.

– Фу-у, – выдохнула я, – вылезайте.

Гектор закряхтел:

– Не могу!

– Почему? – вмешалась в наш мирный диалог Эбелина.

– Не могу пошевелиться, – пояснил Гектор.

– По какой причине? – не отставала дама.

– Застрял, – грустно уточнил бедняга.

И тут у Эбелины затрезвонил телефон. Она вытащила трубку и вышла в комнату. Но я все равно услышала ее злобный вопрос:

– Что тебе надо? А! Интересуешься, как отец? Вышла замуж за идиота, а мне подарила папашу?

– Я никогда не страдал олигофренией ни в какой стадии, – возразил дедуля, – идиотизм, имбецильность, дебильность – все это не мое. Вот артрит мой. Тут я не спорю.

– Эбелина ваша дочь? – обомлела я.

Гектор кивнул:

– Она плохо училась в школе, в институт поступать с тройками в аттестате было бессмысленно. Я же профессор, специалист по ногтям мумий...

– По чему? – разинул рот Филипп Андреевич.

– Мумия – это... – завел Гектор.

– Знаю, – отмахнулся Маслов, – не понял предмета вашей научной деятельности.

– У забальзамированных останков есть ногти, – зачастил Гектор, – я много лет собирал материал, побывал в разных странах, написал книгу. Вообще-то, я ученый с мировым именем, но нам платят копейки. А мой труд ни одно издательство выпускать не хотело. И я за свой счет «Ногтевые пластины древних захоронений» опубликовал. Потратил наши с женой накопления. Супруга разозлилась. Велела мне сбережения вернуть, а как? Я попросился к дочери в ученики. Она сейчас гуру в мире сантехники! Вот вам и необходимость высшего образования! Я много лет учился, и что? Сижу на мели. Эбелина же с первого по десятый класс тройки с минусами получала, я кое-как ее в училище пристроил, дочь никуда брать не хотели...

– И вот что вышло! – взвизгнула доченька, появляясь в санузле. – Гектор, вы сидите не в унитазе, вы сидите в том месте, для которого сантехническое оборудование предназначено. Вы меня всю жизнь дурой обзывали, унижали, в насмешку отдали, как сказали матери: «Обучаться на какашкиных дел мастера». И что? Теперь вы от меня...

Я не удержалась от вопроса:

– Почему вы отца на «вы» называете?

– Потому что он все детство велел к нему во множественном числе обращаться! – заорала Эбелина. – Твердил: «Я профессор, а ты идиотка». И что? Где наш великий профессор мумийных когтей?

– Прилагательного «мумийные» не существует, – заявил Гектор, – когти у зверей! А я...

– А я защитила кучу диссертаций, выступаю на конгрессах, зарабатываю миллионы, – завизжала дочурка, – ты же сидишь в унитазе и сейчас...

В порыве гнева дочь дернула за цепочку слива. Послышался гул, с бачка на Гектора упала веревочная лестница. За ней в унитаз рухнул водопад. Вода вмиг поднялась до краев и вытолкнула тощего дедулю из толчка. Гектор очутился на полу, встал, отошел к полотенцесушителю и воскликнул:

– У меня брюки мокрые.

– Высохнут, – топнула ногой ласковая доченька. – Я не могу с тобой работать! Ты фиговый ученик! И...

Договорить она не успела. «Нога», на которой держался бачок, медленно начала крениться вперед. Я поняла, что сейчас произойдет катастрофа, и резвой ланью кинулась в кабинет, а оттуда в коридор. Я вовремя проявила обезьянью прыть. Через секунду после того я очутилась за дверью, раздались грохот, звон и многоголосый вопль.

– Что там случилось? – испугалась Фаина, вскакивая.

– Думаю, у доктора в туалете упал бачок, – объяснила я, – его Эбелина чинила с помощью Гектора! Странные у вас сантехники!

– У нас работает Василий, – объяснила Фаина, – обычный мужик. В тот день, когда вы из комы вышли, он чинил бачок. А он сегодня сломался. И явились эти клоуны, сама их впервые вижу. Сначала я пускать их не хотела, позвонила зав АХО, он на меня наорал: «Стараюсь ради вас, и что? Васька заболел! Это замена! Они лучшие!»

– Эту парочку надо Маслову сдать, пусть лучше с ними... – в сердцах воскликнула медсестра, не договорила и тут же замолчала.

Я навесила на лицо улыбку.

– Пойду гляну, что там, – протянула Фаина, – грохот знатный был, но никто в коридор не выбежал. Уж извините, похоже, доктор в шоке, не сможет он работу с вами продолжить.

– Не беда, – улыбнулась я. – А почему я других больных не вижу?

Фаина пожала плечами:

– Мы же специализируемся на реабилитации после комы. Сейчас вы одна такая.

– Одной скучно, телевизора в палате нет, радио тоже, – заныла я. Хоть бы поболтать с кем-нибудь.

– Отдохните немного, потом еще погуляете, – посоветовала Фаина.

Глава 11

Я покорно вернулась в свою палату и села на кровать. В голове, словно злые осы, жужжали мысли.

Похоже, смерть медсестры Лизы насильственная. Почему я так думаю? Может, она болела, скончалась от инфаркта. Все считают, что сердечно-сосудистые заболевания бывают только у пожилых людей. Увы, нет. Подчас инсульт ударяет и по маленьким детям.

Я встала и подошла к окну. Но если у человека барахлит «мотор», плохие сосуды, это всегда отражается на внешности. Наши лицо, фигура без слов говорят, какой образ жизни мы ведем, какими недугами страдаем. Желтые белки глаз? Проблема с желчным пузырем. Синие ногти, губы, серый цвет кожи? К гадалке не ходи, барахлит сердце. Отеки? Проверьте почки. Но у Лизы-то был цветущий вид: розовые щеки, блестящие глаза, она не задыхалась, не кашляла, не имела лишнего веса, веки ее глаз не походили на подушки...

Я оперлась руками о подоконник. А теперь объясните, откуда преподавательница русского языка и литературы знает все то, о чем сейчас думаю? Встречаются люди, которые увлекаются медициной. Не имея должного образования, они читают разные научно-популярные статьи в журналах, изучают тело человека с помощью анатомического атласа. Но я-то другая! Не помню, чтобы меня привлекла публикация типа «Десять признаков диабета». От медицины я далека, как Мози, Роки и Альберт Кузьмич от математики.

Не успели в мыслях промелькнуть три этих имени, как я поразились: откуда я их знаю? Кто они такие? Если верить моему сну, то Мози и Роки – собаки. Альберт Кузьмич определенно человек, пса не станут звать по отчеству. Наверное, это хозяин собак. Кто он? Я помню своего мужа Михаила, свекровь Этти, а вот Альберта Кузьмича нет. Где я с ним познакомилась? Возможно, он отец кого-то из моих бывших учеников? Или сотрудник фирмы, где я работала в последнее время. И вот что странно, когда я вспоминаю службу, то это всегда школа. Совершенно не помню фирму, в которой вмиг взлетела по карьерной лестнице от скромной «шестерки» до помощницы ее владельца.

Я опять села на кровать. Елизавета – простая медсестра, которую за плохую работу выгнали из отделения, где реабилитируют больных, вышедших из комы. За что могли лишить молодую женщину жизни?

Наследство! Но Лиза-то нищая, она получала маленькую зарплату, одна воспитывала ребенка, жаловалась на свою трудную жизнь. Значит, денежный интерес отпадает. Любовник. Допустим, девушка завязала отношения с женатым мужчиной, а у того ревнивая супруга, которая тоже работает в больнице... Такое возможно. В клинике много лекарств. А что говорил Гиппократ? «В ложке лекарство, в чашке яд». Любой медикамент, если его принять в некорректной дозе, может убить человека. Если законная жена врач или дипломированная медсестра, то она обладает необходимыми знаниями и может сделать так, чтобы смерть соперницы приняли за естественную. Вот, например, препарат альдоний^[1]. Проглотишь вместо одной дозы три и получишь инфаркт.

Я потрясла головой. Так! Таня, а это ты откуда знаешь?

– В каком она настроении? – спросил мужской голос.

Мне стало понятно, что кто-то идет по саду.

– В нормальном, – ответила женщина.

– Плохо, почему она не жалуется на усталость? – рассердился баритон, и я сообразила, что он принадлежит Филиппу Андреевичу. – Ты давала Сергеевой лекарство?

– Да, – подтвердила девушка.

– И утром, и днем? – уточнил Маслов.

– После завтрака, а теперь в полдник я все сделаю правильно, – заверила незнакомка.

Я улыбнулась. Лекарство мне вручили перед завтраком, да я уронила таблетку, начала ее искать, не обнаружила, потом пошла умываться, наклонилась над рукомойником, а белая «кнопочка» вдруг откуда ни возьмись вывалилась и упала в слив. Похоже, таблетка запуталась в складках моей ночной рубашки. Просить другую у медсестры я не стала. А вот вторую пилюлю Карина мне не приносила, наверное, забыла.

– Значит, она сейчас спит, вторая доза ее на два часа выключит, – продолжал врач, – ну и оказия случилась с унитазом. Не удалось мне с Сергеевой поработать. Ничего, завтра поговорим.

– Так можно после того, как она проснется, – подсказала девушка.

– Карина, неужели ты до сих пор не поняла, что все беседы с объектами я провожу исключительно до часа дня, – упрекнул доктор.

– Конечно, я это знаю, – заюлила медсестра. – По вашей теории мозг человека особенно восприимчив к воздействию лампы до тринадцати и после двадцати трех часов. Но я подумала, раз она одну процедуру пропустила, то это нужно обязательно компенсировать, иначе чистота эксперимента нарушится.

– Один день погоды не сделает, – пояснил Маслов. – Слава богу, мы не ограничены во времени. Чего-чего, а его у нас достаточно.

– Как вы думаете, сейчас получится?

– Посмотрим.

– Вас неудачи не пугают?

– Нет.

– Научите меня относиться так к жизни, – попросила Карина, – а то я всякий раз, когда не по-моему выходит, плачу, места себе не нахожу!

Маслов засмеялся:

– Скажу тебе по секрету, когда перед моим носом в кафе у Хали заканчиваются сырники, я тоже рыдать готов. Не нужно путать житейские проблемы и научную работу. Каждый исследователь знает: сразу положительную динамику не получишь. Придется долго блуждать в лесу ошибок, неудач, надо с этим сразу смириться. Я двигаюсь маленькими шагами, но иду. Это уже большой успех. В начале-то... всякое случалось!

– А куда они потом деваются?

– Кто? – спросил врач.

– Ваши больные. Когда становится понятно, что ничего не вышло?

– Карина, такие вопросы не задают.

– Они умирают?

– Все люди рано или поздно уходят к Господу. Похоже, ты считаешь меня монстром.

– Конечно, нет!

– В твоём вопросе ясно слышалось: «Доктор, вы убиваете тех, кто потерял разум?» Нет, они счастливо доживают свой век под опекой Эмилии Францевны. В «Солнечном саду» за моими бывшими пациентами организован прекрасный уход, они получают вкусную еду, гуляют, играют, я осматриваю их профилактически. Поверь, у Эмилии им лучше, чем где-либо еще.

– Ваша тетя прекрасный человек.

– О да! Мало кто сделал столько добра людям, как она. Ей ни денег, ни времени, ничего для несчастных, обездоленных не жаль.

– Точно! – воскликнула медсестра. – А почему никак ваше открытие не откроется?

Маслов опять засмеялся:

– «Открытие не откроется». Хорошо сказано. Нет пока открытия. Есть гипотеза, она проверяется. Суть понимаешь? Я просил Фаину тебе это растолковать.

– Ну... – проямлила девушка, – в общих чертах... Я не такая

понятливая, как Фая.

– Отлично. Ну-ка расскажи мне, что мы делаем?

– Люди делятся на нормальных и психов, – начала Карина, – здоровые ведут себя правильно, а больные неадекватно. Могут на кого-то накинуться, ударить, гадость сказать. Вы хотите у последних память убрать навсегда! Вот.

– Однако! Интересно, – хмыкнул Филипп Андреевич. – Фаина так объяснила?

– Она много чего говорила непонятного, – зачастила Карина, – терминами щеголяла, которых я не знаю. Фае очень нравится демонстрировать свой ум. Она прямо тащится. Если вы сейчас спросите: на чем мы сидим? Я отвечу: «На лавке». А Файка назовет скамейку по латыни или не по-человечески выразится, например: «Аппарат для поддержания попы в состоянии покоя».

Маслов развеселился:

– Фаина хочет казаться умной. Водится за ней этот грешок. Но давайте вспомним: Фая учится на психолога, вечером ходит на занятия. Получит через пару лет диплом, я возьму ее к себе в помощницы. Она на самом деле обладает знаниями. Но и гордыней в придачу, высокомерием. Это часто происходит с неофитами.

– С кем? – жалобно спросила Карина.

– Неофит – это человек, который в понедельник услышал слово «трактор», в общих чертах уяснил, зачем он нужен, а во вторник стал всем вокруг рассказывать о гусеничной сельскохозяйственной машине и возмущаться, что кругом одни дураки, которые о такой технике ничего не знают. Ясно?

– Да, – обрадовалась Карина, – вы прямо Фаю описали. Только она не про трактор, а про медицину талдычит. Постоянно мне упреки швыряет, любую фразу начинает словами: «Неужели ты не знаешь, что...». Она меня умнее. Но я же не говорю, что я самая лучшая медсестра. Просто хочу такой стать.

– Правильно. Совершенствуйся в профессии.

– У меня генетика плохая. Вы же знаете, нас в подвале нашли. Небось мои биологические отец с матерью наркоманы, кто еще мог малышку бросить. Хорошо, что Эмилия нас взяла, – вздохнула Карина. – Школу и училище я на четверки окончила, но сразу информацию не запоминала. По пять-семь раз одну страницу в учебнике читать приходилось. Объясните про свое открытие, Фаинка мудрено выражалась. Не уловила я сути.

– Про гипотезу, – терпеливо поправил Маслов, – попробую. Для начала

скажу, что стопроцентно нормальных людей нет. У каждого есть свое отклонение. Основная масса народа живет вполне счастливо. В любой семье возникают скандалы, но в большинстве случаев муж-жена-дети потом мирятся. Однако есть люди, которые не способны простить родных, могут кинуться на них с ножом. И рад бы человек забыть, что жена его прилюдно дураком назвала, да не выходят из памяти ее злые слова. Если посмотрим на убийц, то увидим, что среди них есть дети, которые не могли простить родителям обид, жены, чьи мужья любовниц завели, дочери-сыновья, которые матери не простили грубостей. Сначала все терпели, плакали, мучились, а потом схватились за нож, сковородку, стул и лишили жизни своих оскорбителей. И в результате один-два трупа, убийца в тюрьме. Но ведь все эти люди могли жить, работать на процветание России. А они кто в морге, кто на зоне, пользы не приносят экономике страны. Наоборот, одни убытки от них, корми сидельцев, лечи, охраняй их. А вот если у злопамятного человека из мозга извлечь воспоминания... Представь, девушка в обиде на мать, та ее в детстве била, ничего ей не покупала. Из-за дурных воспоминаний дочка убивает маму.

– Ой-ой, – испугалась Карина, – мои-то папа и мама наркоманы. Эмилия фото мне показала, какой меня нашли. Жуть. Грязная, оборванная, вся в ссадинах. Но у меня нет плохих воспоминаний. Я бы своих настоящих родителей не обидела. А вот Фая говорит: «Сны вижу, они там красивые, добрые, ласковые, я живу в комнате с розовыми обоями, вокруг игрушки».

– Ты добрая, а девушка, про которую я веду речь, злая, – объяснил Маслов. – Что случится, если она забудет, как с ней обращались? Если из ее головы уберут плохие детские воспоминания?

– Она никого не убьет, – логично ответила Карина.

– Вот! – обрадовался Филипп Андреевич. – Ты умница, вмиг суть ухватила. Но голова-то не может оставаться пустой. Следовательно, туда нужно поместить нечто хорошее. И все. Проще некуда. Унесли плохое, заменили его положительным.

– О как здорово! – зааплодировала Карина. – Будто из шкафа вынули заплесневелое печенье и заменили его свежим кексом. Это легко.

– Вовсе нет, – вздохнул Маслов, – работа трудная. Пока большого успеха нет. Но он непременно будет.

– Вы гений! – воскликнула Карина. – Я знаю, у вас все получится. А вот Фая вам не верит.

– Да?

– Она называет вашу лабораторию «зоопарк», а больных

«крысками», – наябедничала Карина.

– Ступай-ка ты в отделение, – велел Маслов. – А в отношении твоих мамы и папы... Это неправда. Ты просто придумала таких родителей.

Глава 12

Послышались быстрые шаги, потом наступила тишина, ее нарушил голос Маслова.

– Алло! Это я. Как дела, мамуля? Тапочки? Лиза требовала вернуть ей их? Откуда такая информация? Фаина рассказала? Тапочки сейчас где? Пропали? Из моего отделения? Это просто невозможно. Хотя... на улице тепло, на первом этаже открыты окна. Лиза могла влезть и унести их. Мамуля, я тебя люблю, но прости, в случае с Лизой ты сгруппировалась. Не нужна мне была еще одна медсестра. Я тебе говорил, а ты настояла. Целую тебя.

Стало тихо, потом снова раздался голос врача.

– Жора, привет. Я насчет Елизаветы. Значит, она заходила в лабораторию, требовала отдать ей рабочую обувь. Ну, я внимания не обращаю, что у них на ногах, Фаина объяснила: у нее были обычные тапки, которые все носят, белые, с закрытым носом. Поскольку я запретил пускать Лизу в лабораторию, ее выгнали. Пакет с обувью ей не отдали. Ну и вопросик ты задал. Почему?! Да по кочану! Бабы они вредные, злые. Елизавета не наладила отношений с коллегами, Фая вечно на нее бочку катила. Ну и решила ей гадость сделать! Не вернула тапки. Глупо. Мелко. Но уж таков прекрасный пол. Сейчас пакета с тапками в сестринской нет. Похоже, Елизавета влезла тайком в открытое окно и унесла его. Перестань орать! Тепло. Лето. В лаборатории кондиционеры, от них кожа, все слизистые сохнут. Невозможно постоянно дышать искусственным воздухом. Да. Я разрешил открывать окна! В своей лаборатории я делаю что хочу. Просто сейчас рассказал тебе, на что Лиза была способна!

Повисла пауза.

Спустя короткое время Филипп произнес:

– Мама! Георгий попытался на меня наехать. На мой взгляд, Жора полный... Упаси бог, я не ругаюсь. Если идиота назвать идиотом, разве это брань? Констатация факта. Кирилл мне рассказал, что он поручил Елизавете отнести бокс с анализами Виктору Львовичу. Девушка ушла с контейнером из корпуса. Лаборантке Майе она отдала пробирки через час. Конец истории. Где она шлялась? Там хода пять минут. Возможно, лентяйке не хотелось сразу возвращаться на работу, вот она и завернула в самый глухой угол, решила там отдохнуть. Лично я не удивлен, Елизавета не отличалась трудолюбием, вечно с кем-нибудь болтала, зевала. И любопытная была безмерно. Вскрытие прямо сейчас делают? Роман,

конечно? Ты права, обойдемся без полиции. Теперь еще. Никто в окно не влезал. Не знаю почему, но дурацкие тапки меня беспокоят. Почему они ей так нужны были? Что в них особенного? В свое время из-за них возник скандал. Лиза Фаине объяснила, что они дорогие, ортопедические. Однако они таковыми старшей медсестре не показались. Как у всех, белые, только на небольшой платформе. Фая даже замечание сделала Елизавете:

– Обувь не по образцу. Нельзя носить здесь такую. Только на плоской подошве, без каблука.

Елизавета возмутилась:

– Глупые придирки! Подошва толстая, каблука нет.

Фая опять:

– Нельзя!

Так Елизавета ко мне принеслась, показала шлепки, заныла: «Филипп Андреевич! Можно такие в отделении носить? Они дезинфицируются, удобные.

Мне было непонятно, что за страсти вокруг такой глупости кипят, я дал разрешение.

Не успела Елизавета уйти, прибегает Фаина.

– Филипп Андреевич! Лиза врет, что вы ей позволили носить обувь не по инструкции.

И давай мне жаловаться. Фу! Легче с крокодилами работать, чем с бабами. Я их друг напротив друга поставил, лекцию о рабочих отношениях прочитал, объяснил: склоки мне в коллективе не нужны. Фаина более не вредничает, не ябедничает, не строит из себя начальницу. Босс тут только я! Лиза не тратит непомерные для своего кошелька суммы на якобы ортопедическую обувь. Почему якобы? Если тапки сделаны не на заказ, по личной мерке, то это полный обман в плане ортопедии. И выгнал их.

И что? Фаина сегодня опять из себя начальницу изображать решила, не отдала Елизавете идиотские тапки. Сколько времени я на них потратил! Мне нужно думать о науке, об исследованиях. А я чем занят? Выясняю, в каких сланцах средний медперсонал ходит? Надоело! Надоело!! Надоело!!! Я не кричу! Я спокоен, как кирпич! Просто... надоело! Надоело!!! ...! ...!

Послышался скрип, звук шагов. Я мигом кинулась к кровати, упала на нее, натянула одеяло до подбородка и повернулась спиной к окну.

Спустя несколько секунд Маслов тихо позвал:

– Таня!

Я старательно засопела.

– Таня, – повторил доктор.

Но я не откликнулась, продолжая изображать спящую.

Через пару секунд стало тихо. Я подождала некоторое время, потом осторожно повернула голову, за окном буйно цвела сирень. Маслов ушел. Я быстро села, в ту же минуту вошла Карина и защебетала:

– Ой, вы уже проснулись, оделись. Как спали? Что-то снилось?

– Да, – соврала я, – будто стою у доски, объясняю детям основные темы великого романа «Война и мир», вдруг вижу, как один мальчик в другого жеваной бумагой плюется.

– Мы точно так же в школе поступали, – захихикала медсестра. – Сейчас пополдничаем и можете отдыхать.

– Погода хорошая, – улыбнулась я. – Можно погулять?

– Конечно, – разрешила Карина, – воздух у нас чудесный! Сейчас принесу поесть! Любите творожную запеканку?

– Очень, – покривила я душой.

– А с курагой и изюмом?

Что ж, начала врать, так продолжай.

– Обожаю.

– Как же здорово, когда можешь человеку угодить, – захлопала в ладоши медсестра.

– Таблетки надо до или после еды принимать? – спросила я.

– Какие? – удивилась Карина.

– Те, что вы мне сейчас дадите.

– А вам ничего не положено. Теперь только кефирчик на ночь, лекарство принимаем исключительно утром – пропела девушка и убежала.

Я посмотрела на камеру, которая открыто висела в палате, и, напевая себе под нос, изображая веселого бегемотика, потопала в ванную, залезла в душевую кабинку, пустила такую горячую воду, какую только могла вытерпеть. Пар моментально заполнил небольшой отсек, дверцы запотели. Я запела еще громче, но не взяла ни губку, ни гель для тела, лихорадочно обдумывала что делать. Во всех помещениях, полагаю, и в ванной тоже, есть видеонаблюдение. «Крыску» в одиночестве не оставят. И я абсолютно уверена, что в еду подливают какую-то пакость. Вчера после кефира с корицей мне вмиг стало нехорошо, закружилась голова. Небось в творожную запеканку тоже положили «начинку». Я слышала, как Карина сказала Маслову: «Теперь лекарство в полдник». А мне она что заявила? «Ничего не положено». Значит, снадобье в запеканку налили.

– Танечка! – закричала Карина. – Вы где?

Я в секунду вылезла из душа, завернулась в банную простыню и выглянула в палату.

– Тут.

– Моетесь?

– Да.

– Я поставила полдничек на стол. Надо все-все скушать. Вам силы нужны, – соловьем разливалась девушка, – творожничек нежнейший, чудо просто! Мусс! Взбитые сливки! Купайтесь сколько хотите.

Исполнив свою арию, Кара ушла.

Я захлопнула дверь. Ну, Таня, попала ты, судя по всему, в скверную историю. Обычно мне в трудной ситуации помогает Эtti. Но как позвонить свекрови? К телефону тут больных не подпускают. Значит, придется выбираться самой. Я сделала глубокий вдох. Конечно, у меня есть лишний вес, но без одежды я не кажусь уродиной и бесформенной кучей. У меня тонкая талия, такая фигура называется «песочные часы». Ладно, пусть охрана меня рассматривает.

Глава 13

Я сбросила с себя полотенце и совершенно голая переместилась в палату, где начала сама с собой разговаривать.

– Ля-ля-ля! Помыться не дала по-человечески. Пришла с полдником! О! Запеканочка! Очень есть охота! Сейчас схомячу ее, как люблю, в ванной!

Я схватила поднос, отволокла его в санузел, поставила на раковину и открыла двери кабинки. На мою удачу последняя была не просто поддоном с душем, а небольшой сидячей ванной со скамеечкой. Я села на лавочку, взяла тарелку с запеканкой, отковыряла кусок, пожевала, потом с набитым ртом заявила:

– Однако холодно.

Я захлопнула дверцы кабины, пустила горячую воду, пар вмиг заполнил крохотное пространство. Я испытала ликование. Ну, парни, которые сейчас на монитор уставились, что вы видите? Бело-серый туман! Я выплюнула запеканку, вывалила в чашу всю еду, растерла ее руками, вытащила пробку и спустила все в трубу. Потом опять наполнила ванночку, распахнула дверцы, вернула тарелку на поднос, артистично рыгнула и пропела:

– Не надо так быстро и жадно жрать, дорогуша! Ох и вкусно! Теперь нужно попить. Что там? Чаек? О! Компот! М-м-м!

С кружкой в руке я опять залезла в кабинку. Сами догадайтесь, куда отправился излюбленный напиток детсадовцев.

Минут через двадцать, ополоснув в душе свою «столовую», убедившись, что нет остатков еды, и приведя себя в порядок, я вышла из палаты и сказала Карине:

– Полдник такой вкусный!

– Наша запеканка всем нравится, – кивнула медсестра. – На прогулку?

– Да, да, – подтвердила я, – хочу на сад полюбоваться.

– Отдыхайте, – нежно прокурлыкала девушка, – вот, пожалуйста, наденьте.

– Что это? – удивилась я, рассматривая ремешок, который крепился к пластиковой коробочке.

– Не знаете? – изумилась в свою очередь Карина. – Вы ведь уже ходили в сад.

– Да, утром, – подтвердила я.

– Я вам тревожную кнопку не давала? – зашептала Карина.

– Нет, – ответила я.

Медсестра приложила палец к губам.

– Пусть это станет нашим секретом. У меня голова болела, вот я и забыла. Если начальство узнает, мне по полной программе нагорит, это сигнал тревоги. Если вам вдруг станет плохо, нажмете на кнопку. Раздастся вой, как у пожарной сирены, кто-нибудь из охраны непременно услышит и прибежит.

Я повертела в руке «часы».

– Ладно. Только засуну их в карман. Не люблю на руку ничего надевать.

– Что-то ветер поднялся, – вздохнула Карина, глядя в окно. – Вот только дождя нам не хватало. Ну я пошла на пост.

Проводив глазами медсестру, я открыла шкаф, посмотрела на платье, джинсы, футболку и ветровку. Совсем не помню эту одежду, но тоненькая курточка с капюшоном сейчас будет очень кстати. Если хлынет ливень, надену ее и побегу в укрытие. А пока спрячу ее в сумку.

Я сняла с вешалки куртку, начала ее складывать и поняла: во внутреннем кармане что-то лежит. Через секунду я вытащила небольшой журнал, открыла обложку и увидела, что это комикс. На первой странице была картинка, изображающая календарь, под ним крупным шрифтом было напечатано: «В этом году мы живем». Я вздохнула, история фантастическая. Сейчас на дворе двадцатый, а не двадцать первый век. И как это попало в мою куртку? Я люблю детективы, к фэнтези отношусь равнодушно. За фразой про год шел текст: «Таня Сергеева, прочти внимательно. Это рассказ про тебя! С днем рождения!» Я растерялась, совсем не помню, когда появилась на свет. И кто сделал мне оригинальный подарок? Я перевернула страницу и увидела изображение крепкой женщины в серо-голубой форме. В одной руке она держала черно-белый жезл, второй опиралась о капот машины с маячком на крыше. «Познакомься с тетей Таней, – гласил текст, – она ловит преступников на дороге. Тетя Таня хочет, чтобы хорошие люди ездили на машинах без опаски, а плохие сидели за решеткой».

Я медленно листала комикс. Моя тетка оказалась героиней, она остановила пьяного шофера и отобрала у него права. Поэтому трезвые водители купили ей букет. А еще они подарили тете Тане коробку конфет. На последней странице были нарисованы две собаки, кошка, рассказ оканчивался так: «Если ты хочешь стать смелым, умным, честным человеком, как тетя Таня работать в дорожной полиции, то надо хорошо

учиться, помогать родителям и уметь разгадывать загадки. А еще нужно много читать, потому что в книгах можно найти отгадки и ответы на все вопросы. Видел ли ты книгу «Приключения пса Димона Коробкова» замечательной писательницы Ирины Леонидовны Рины? Если нет, то возьми ее в библиотеке. Когда прочитаешь все до последней страницы, станешь такой же храброй, как тетя Таня». Далее шло сообщение: «Уважаемые. Сказка «Приключения пса Димона Коробкова» находится в библиотеке дома престарелых «Солнечный сад», вход со стороны парка. В книге изложена подлинная биография Татьяны Сергеевой. Этот комикс специально подготовлен для детей пяти-шести лет благотворительной организацией «Особая бригада», главный редактор Иван Никифорович». «Приключения пса Димона Коробкова» это рассказ о двух французских бульдогах Мози и Роки, их учителе коте Альберте Кузьмиче и писательнице Рине...

Я почувствовала резкую головную боль. Опять собаки Мози и Роки, похоже, они меня преследуют, а Альберт Кузьмич – это кот. А я-то думала, что он человек. То ли имя, то ли фамилия Рина тоже почему-то мне знакома, но я никак не соображу, откуда ее знаю. Я еще раз пробежала глазами по фразе «...изложена биография Татьяны Сергеевой». Моя? Хотя Тань Сергеевых много. Странная, однако, история с этим комиксом. Вероятно, я уже читала когда-то книгу про пса Димона, отсюда и воспоминания, надо бы полистать сказку, авось она поможет полностью оживить мою память. Димон, Димон... Коробков... Определенно я слышала эти имя и фамилию. Я сложила тоненькую «тетрадку» несколько раз, засунула ее в карман кофты и направилась к воротам, через которые надеялась попасть в дом престарелых.

Глава 14

До места, где были спрятаны тапки, я добиралась медленно, постоянно останавливалась, нюхала цветы, напевала песенки, миновала деревянную стрелку и вскоре приблизилась к скамейке, где умерла Лиза. Трава вокруг нее была помята, а на дорожке, посыпанной песком, отпечатались много следов. Я присела на корточки и стала их изучать. Похоже, тут топтались четверо мужчин. Один носит примерно сорок третий размер, у него кроссовки, на левом каблук сильно скошен. Владелец их, возможно, прихрамывает. Второй, судя по размеру шага, долговязый, рост метр девяносто, не меньше. Третий – толстяк, его ботинки глубоко впечатались в грунт. Четвертый – средний, не низок, не высок, не толст, не худ. Следы могут многое рассказать, надо только научиться их читать.

Я выпрямилась. Ну и где скромная училка набралась знаний об отпечатках подошв?

Я подошла к дуслу, заглянула внутрь и обрадовалась: пакет находился на месте. Белые тапки лежали в нем. Я начала их рассматривать. На первый взгляд в них не было ничего странного. Но ведь Лиза очень хотела носить тапочки в отделении, а потом проявила чудеса изобретательности, чтобы заполнить их назад. Что особенного в этих тапках?

Я вынула и прощупала стельки, помяла пальцами верх, потом постучала каблуками по дереву. Сначала правым, потом левым. Он неожиданно отъехал в сторону, стало видно углубление. Внутри находилась плоская, примерно сантиметр шириной и длиной с мой мизинец штука. Она походила на кусок шоколадки из мелких квадратов, осторожно отломанный от плитки. Я не поняла, что это такое, начала вертеть и обнаружила: находка открывается. Правая ее часть была колпачком, а из левой торчало нечто металлическое, прямоугольное, похожее на штекер. Я не знала, что держу в руке, но вот странно, оно показалось мне знакомым. Такое ощущение, что я многократно использовала сей предмет? Для чего? Похоже, что мозг мой состоит из комнат, большинство из которых закрыто, и я имею доступ лишь в одну. У моего ученика Кости Прямикова была бабушка, дама не самого пожилого возраста. Как-то раз я застала ее в вестибюле школы в полной растерянности. На вопрос – что случилось, она ответила:

– Голова с возрастом гудит. Помню многие станции метро, знаю где дети живут, подруги. Часто посещаю кино, хожу на показы старой классики

и не ошибусь адресом. Нужно доехать до «Таганской». Каждый день забираю Костю из школы. А сегодня! Забыла станцию, на которой надо выходить, чтобы в гимназию попасть, проехала бог весть куда, перепугалась! И вдруг! Раз, и всплыло в мозгу название. Старость – не радость.

Я приличия ради успокоила пенсионерку, а про себя удивилась: ну разве можно забыть, как именуется станция, на которой пять раз в неделю из вагона выходишь?

Но сейчас, глядя на «шоколадку», я поняла, о чем говорила бабушка Кости. Постояв некоторое время в раздумьях, я положила найденный предмет в карман, а тапочки в пакет, чтобы спрятать его снова в дупле...

– Девушка, – пробасил охранник, – ну как мне объяснить вам? Проход закрыт. В третий раз говорю.

Я улыбнулась:

– У вас есть библиотека?

– Я не фанат чтения, – признался парень, – больше люблю на компе в войнушки играть.

Я едва не рассмеялась. Молодому человеку лет двадцать с небольшим, наверное, он отслужил в армии и попал на работу в клинику. В таком возрасте смешно бегать с приятелями по двору, целиться в них наганом из картона и кричать: «Бах, бах, бабах, я тебя убил!».

– Зачем вам в библиотеку? – поинтересовался секьюрити.

Вопрос на сто баллов. С какой целью люди ходят в библиотеку? Ежу понятно, чтобы помыть там окна. Вот только так отвечать не стоит, мужчины, которые стерегут входы-выходы, как правило, не понимают шуток.

– Надеюсь взять там почитать интересную книгу, – ответила я.

Юноша несколько мгновений смотрел на меня, потом вынул рацию.

– Первый, Девятый вызывает. Прием, прием. Ну, отзовись.

– Первый слушает Девятого, – прокряхтел динамик. – Доложите обстановку.

– Происшествий нет.

– За каким... тогда меня дергаешь?

– Тут женщина, – коротко ответил охранник.

– Какая? – спросил начальник.

– Обычная.

– Чего она хочет?

– Книгу.

– Чего? – закашляла рация. – Какую такую книгу?

Дежурный еле слышно меня попросил:

– Название скажите.

– «Приключения пса Димона Коробкова», – так же тихо подсказала я.

– «Приключения пса Димы Коробкова», – отрапортовал юноша.

– Чего? – завопила рация. – Немедленно говори, какая там псина бродит!

Охранник опять понизил голос:

– Вас как зовут?

– Татьяна Сергеева, – представилась я.

– Татьяна Сергеева здесь, – эхом повторил страж ворот.

– А с ней кто?

– Никого, – быстро подсказала я вспотевшему парню.

– Одна она, – доложил юноша.

– Юрий, ты мне... – почти мирно молвил шеф. – А куда Дима подевался?

Охранник заморгал:

– Кто?

– Дмитрий по фамилии Коробков.

– Около меня всего одна единица бабы, – заявил Юрий, – может, мужик на центральной калитке?

– А-а-а, – протянула рация.

Звук пропал.

– С чего ему в голову Дмитрий пришел? – недоумевал охранник.

– Вы меня теперь пропустите? – спросила я.

– Куда? – насупился Юрий.

– В библиотеку.

– Так разрешение надо получить.

– Вы хотели его спросить и забыли, – хихикнула я.

Юрий опять схватился за рацию.

– Девятый вызывает Первого.

– Слушаю! – чихнул динамик. – Че случилось?

– Все нормально.

– Решил об этом доложить? Не дергай меня без повода.

– Женщина хочет пройти в библиотеку, – отчеканил Юрий, – за книгой. А вы кто? Обычно отвечает Никита Сергеевич, ваш голос я не знаю, поэтому поинтересовался, кто вы.

– С Юрием Гагариным беседовал?

– Нет, – оторопел охранник, – он умер до того, как я родился. Меня в честь его назвали.

– Ага. Не говорил, но знаешь его, – обрадовался голос, – вот и со мной так. Парень, Альберт Кузьмич на проводе. Слышал такое имя-отчество?

Я едва не спросила:

– Кот?

Но вовремя сцепила зубы.

Юрий втянул голову в плечи и стал похож на круглое полено.

– Разрешите доложить обстановку.

– Докладывай, сынок.

– Женщина. Средних лет. Средне-большой упитанности, волосы короткие. Хочет пройти в библиотеку пансионата.

– Так пропусти ее.

– У меня приказ, без приказа Никиты Сергеевича приказано не пускать никого с территории доктора Маслова, а он приказал свой контингент дальше сада не выводить. А эта хочет в библиотеку. Стоит со стороны масловского сада.

– Как зовут женщину? – поинтересовался Альберт Кузьмич.

– Дмитрий Коробков, – объявил Юра.

– Такой нет в стоп-списке, – мирно произнес его собеседник, – пусть идет.

– Может, у Никиты Сергеевича спросить? – робко пробормотал Юра.

– Сынок, ты рискуешь вызвать мой гнев. Кто начальник Никиты Сергеевича?

– Альберт Кузьмич, – испугался Юрий, – а над ним Георгий Михайлович, я все понял. Открываю.

– Запомни, сынок, – менторски заявила рация, – за водкой пускать не надо, за дурью тоже, а за книгами с дорогой душой. Ученье свет, а неученье тьма. Повтори.

– Кто ученик, тот белый, а кто не учится – черный, – переиначил на свой лад крылатые слова Юрий, вытащил из кармана пульт и нажал на него.

Едва створки начали разъезжаться, я резво пролезла в щель и поспешила по дорожке вперед.

Первой на пути мне попала веселая старушка, которую вез в инвалидном кресле молодой человек, у него на голове был белый полотняный капор с задорно торчащими ушами.

– Здрости, здрасти, – закричал парень, – я кролик Билли. А это моя бабушка.

Тут только я увидела, что у бабки над губой приклеены тонкие длинные усы, на ней была серая полосатая кофта и такая же косынка,

завязанная сзади.

– Мур-мур-мур, – пропела бабуля, – мы тебя не знаем.

Я попятилась. Похоже, я попала на территорию, где гуляют сумасшедшие подопечные Эмилии Францевны.

– Карнавал начинается! – закричал резкий женский голос. – Все в костюмах и без них направляйтесь к фонтану.

– Мы опоздаем! – занервничала «кошка». – Хочу получить первый приз!

– Кролик Билли вмиг доставит кису Мурлысу в нужное место, – пообещал юноша и быстро покатил коляску дальше.

– Стойте, – попросила я.

– Не могу, – ответил кролик.

– Где библиотека? – не успокаивалась я.

– Не знаю, – донеслось издалека.

– Мы туда не ходим, – проорала кошка, – от книг мозг сохнет.

– Хотите взять что-то почитать? – пропищал пронзительный дискант.

Я обернулась и шарахнулась в сторону. На дорожке стояла здоровенная обезьяна.

– Не бойтесь, – развеселилась она, – я не живой. То есть живой я сам. Я лично совсем живой, а шкура нет. Она была в зале биологии натянута на каркас. Я ее снял. Как вам мой костюм?

– Замечательный, – ответила я, пятясь, – очень вам к лицу.

– Хотите отдам его вам, а себе возьму кенгуру? – любезно предложил незнакомец. – У вас фигура прямо как у гиббона. Если ошкурить, никто не усомнится, что на карнавал пришел настоящий обезьян. Надо только колени сгибать, руками махать и говорить «ух-ух».

– Спасибо, вы очень любезны, но я не могу бороться за звание лучшего ряженого, – улыбнулась я, – не живу в пансионате, не знала про веселый праздник, не подготовилась.

– Так никто о нем не слышал до полудня, – закричал примат. – Мы позавтракали, пошли на занятия, и вдруг объявляют! Карнавал! Делайте быстро костюмы, за них получите призы.

Послышалась барабанная дробь, потом какая-то женщина истошно завопила:

– Все здесь? Марш-парад участников карнавала начинается через пять минут.

– Ой, я опоздаю, – взвизгнула обезьяна, – книги дают вон там, слева дверь. За стойкой Валентина Александровна или Александра Валентиновна, вечно имя с отчеством путаю, даже свое.

Я отправилась в библиотеку, открыла дверь и очутилась в квадратной комнате, где пахло, как во всех книгохранилищах, пылью и старой бумагой.

За конторкой сидела женщина неопределенных лет. Несмотря на теплую погоду, она куталась в шерстяную кофту. Не отрывая взгляда от тома, который лежал у нее перед носом, она недовольно произнесла:

– Слушаю вас.

– Мне нужна книга «Приключения пса Димона Коробкова». Есть ли она в наличии? – спросила я.

Библиотекарша подняла голову, вынула из бархатного мешочка очки и водрузила их на нос.

– Ваше имя?

– Я не записана в библиотеке.

– Разве я просила читательский билет? – прищурилась царица пыльных полок, – назовитесь.

– Татьяна Сергеева, – представилась я.

– «Приключения пса Дмитрия Коробкова»? – уточнила женщина.

Я решила к ней подольститься.

– Совершенно верно, Валентина Александровна.

– Кто? – изумилась тетка.

– Ох, простите, Александра Валентиновна.

– Я наречена Василисой, – торжественно объявила библиотекарша, – отец мой отзывался на Василия.

Я смутилась:

– Извините, пожалуйста, Василия Васильевна.

– Василиса Васильевна, – ледяным тоном поправила дама. – Нужно проявлять уважение к человеку, с которым общаешься. Я же не говорю вам – Сергия Татьяновна. Ну да на первый раз прощаю. Значит, «Приключения пса Дмитрия Коробкова»?

– Да, да, да, – закивала я.

– Эта книга есть в наличии.

– Можно ее взять?

– Издание антикварное, большой ценности, поэтому не выдается!

– И где его прочитать?

– В зале редкой литературы.

– Мне туда разрешат пройти?

– При условии тщательно вымытых рук, библиотечной обуви, спецалата я положительно отвечу на ваш вопрос, – выпалила Василиса.

– У меня нет мыла и всего остального, – призналась я.

Библиотекарь закатила глаза.

– Разве я сказала, что нужно иметь при себе вышеперечисленное?
Сейчас выдам.

Глава 15

Не прошло и десяти минут, как мы с Василисой оказались в небольшой комнатке без окна. Стены тут оклеили черными обоями, из мебели были только стол и стул. Их прикрутили к полу.

– Ждите, – велела Василиса, – я пошла в хранилище. Оно далеко. А вы пока можете полистать вон ту книгу.

Я посмотрела на томик. Детектив! Автор Татьяна Полякова. О! Я очень ее люблю! Я открыла обложку, прочитала одну страницу, вторую, перевернула ее и увидела текст, набранный другим шрифтом. «Тебя зовут Татьяна Сергеева. Полезная информация».

Я потрясла головой и вернулась к тексту на предыдущем листе, он завершался фразой: «Пушистый снег укры-». Легко предположить, что продолжение фразы начнется с «...вал». «Пушистый снег укрывал...» Ну, например: ель, деревья, крышу, машину. Если предложение начинается «Пушистый снег укры...», то оно никак не может закончиться словами «Тебя зовут Татьяна Сергеева». Но эти имя и фамилия на самом деле принадлежат мне. «Ты начальница особой бригады, опытный следователь».

Я ущипнула себя за запястье. Однако больно, значит, я не сплю. Ладно, прочитаю то, что адресовано госпоже Сергеевой. «Биография Карины. Родители ее не известны. Возраст ребенка был установлен по зубам. На момент обнаружения девочки по расчетам стоматолога ей исполнилось четыре года. Возможно, больше. Ребенок был истощен, скорей всего, с рождения недополучал питания, имел недостаток массы тела, рахит, кишечных паразитов, вшей, чесотку. Этот «букет» позволяет думать, что девочка жила с бомжами, которые бросили ее из-за того, что она сильно поранила ногу. Несчастную обнаружила Эмилия Францевна Вяземская, она услышала жалобный писк из подвального помещения дома, мимо которого проходила. Вяземская, страстная кошатница, подумала, что в трубах застрял котенок, и решила его спасти. Но вместо кота Эмилия вытащила девочку, у которой не было сил даже громко плакать. Вяземская сразу отвезла ее в платную клинику и лишь через два дня догадалась сообщить в милицию, которая стала разбираться с находкой ребенка. Эмилия объяснила следователю:

– Жизнь малышки висела на волоске, я не подумала, что надо вас поставить в известность. Схватила девочку в охапку – и к медикам, боялась, что она у меня на руках скончается.

Вяземскую не стали наказывать за несвоевременный вызов представителей закона. Эмилия оплатила лечение ребенка, а потом удочерила девочку, назвала ее Кариной, дала ей отчество по имени своего умершего в раннем детстве сына. Карина Игоревна Вяземская окончила школу, поступила в медучилище, сейчас работает в клинике матери. Не замужем. Ни в чем предосудительном не замечена. У нее есть сестра Фаина Игоревна Вяземская...»

«Справка на Фаину. Девочка была найдена в том же подвале, где и Карина. Малышки сидели там вместе. Возраст Фаины определили примерно в шесть лет. Она смуглая, черноволосая, кудрявая, поэтому следователь сделал вывод: или ребенок брошен цыганским табором, или девочка – плод связи какой-то женщины с иностранцем. Эмилия Францевна удочерила обеих малышей. Фаина прекрасно училась в школе, получила золотую медаль, окончила медицинское училище, сейчас учится на вечернем отделении психфака, работает у Вяземской. Не замужем. Ни в чем дурном не замечена».

«Сведения на Эмилию Францевну Вяземскую. Коренная москвичка. Отец Франц Николаевич получил имя в честь писателя Франца Кафки. Родитель Эмилии был востребованным художником, рисовал картины о жизни советских людей, имел огромную квартиру, дачу, машину, коллекцию произведений искусства. Мать – Наталья Николаевна, успешная актриса. Семья никогда не бедствовала, Эмилия их единственный ребенок. Она окончила медицинский институт, работала психиатром. Наследство, которое получила от родителей, она не растратила. Была замужем за Глебом Красновым, родила от него сына Андрея. Потом супруг умер. Эмилия вышла замуж еще раз, спустя не один год после свадьбы неожиданно забеременела, и на свет появился Игорь. Радостное событие произошло, когда Вяземская уже была немолодой. К сожалению, муж воспитывать второго ребенка не смог, умер, едва Игорек научился ходить. Как-то раз ее старший сын Андрей поехал в гости к приятелям в Подмосковье. Краснов, неопытный, но очень аккуратный водитель, соблюдал скоростной режим. Шоссе, по которому он ехал, имело всего две полосы. По противоположной шел неплотный поток машин. Вдруг там появился джип, который не справился с управлением и вылетел на встречу. Чтобы избежать удара, Андрей резко взял влево, впечатался в громадное дерево на обочине и погиб на месте. Камер на магистрали не было. То, что Краснов уходил от удара с джипом, установили по следам шин. Внедорожник скрылся, его не нашли.

Спустя пару лет семилетнему Игорьку стало плохо на уроке. До

Вяземской классная руководительница дозвониться не смогла, она велела школьной медсестре отвезти ребенка в больницу. Игоря долго продержали в приемном покое, мальчик умер на операционном столе от перитонита, который развился из-за не сделанной вовремя операции по удалению аппендикса. Эмилия Францевна лишилась обоих сыновей.

Люди делятся на две категории. Одни, потеряв ребенка, ожесточаются, ненавидят всех крошек, у них при виде детей возникает мысль: они живы, а мой ангел умер. Другие, наоборот, испытывают любовь ко всем детям, помогают приютам, берут на воспитание сирот. Примерно через год после кончины Игоря Эмилия удочерила девочек, которых нашла в подвале, кроме того, она помогала Филиппу Маслову, ближайшему другу Андрюши. После смерти Краснова Маслов переехал жить к его матери. Филипп – круглая сирота, воспитывался в детдоме, отлично учился, получил сначала золотую медаль, потом красный диплом, что в медицинском институте сравни подвигу. У юноши были врожденные пороки – заячья губа и птоз век.

Эмилия оплатила Маслову пластическую операцию, парень стал выглядеть прилично. Сейчас он носит усы, бородку, его даже можно назвать импозантным. Клиника Вяземской весьма успешна, она приносит солидный доход, имеет положительную репутацию среди пациентов, как богатых, так и малообеспеченных. Когда человек приходит заключать контракт, ему предлагают ознакомиться со списком тех, кто нуждается в лечении, но не может его оплатить. Многие успешные люди милосердны, а кое-кто оплачивает и операцию, и реабилитацию нищему человеку.

«Солнечный сад» состоит из двух отделений. В одном содержатся жертвы деменции. Увы, ей подвержены не только глубокие старики, но и совсем молодые, пережившие инсульт или другое заболевание. Заботиться о таких людях родственникам тяжело. Можно нанять сиделку, но она будет осуществлять только медицинские процедуры. А в «Солнечном саду», кроме докторов, есть еще психологи, воспитатели, больные не сидят в одиночестве в комнатах, с ними постоянно занимаются: проводят уроки чтения, арифметики, музыки, рисования. Мозг, даже больной, нуждается в тренировке. Но плата за содержание такого пациента далеко не всем по карману. Во втором отделении живут одинокие бедные, никому не нужные больные. Это благотворительный проект. Принять всех желающих Эмилия не может, количество бесплатных пациентов колеблется от пятнадцати до двадцати человек. Не у всех у них деменция, есть больные с синдромом Дауна и другими недугами, которые делают человека неспособным к самообслуживанию. Вместе клиника и пансионат называются «Научно-

лечебный центр имени Игоря Бойко». При нем есть лаборатория Филиппа Андреевича Маслова, она находится в отделении для тех, кто восстанавливается после комы. О работе научно-исследовательской структуры почти ничего не известно, там работают Фаина, Карина и Надя, беззаветно преданные Эмилии. Девушки о службе ничего никому не рассказывают. Не так давно попасть в вотчину приемного сына Вяземской удалось Лизе Снеговой. Почему Филипп решил расширить штат, неизвестно, но Елизавету вскоре вернули назад в клинику, где она работала простой медсестрой. Причиной увольнения стали жалобы Фаины на плохое выполнение новой сотрудницей служебных обязанностей».

«Справка на Елизавету Константиновну Снегову. Мать – Ольга Петровна – медсестра. Отец – Константин Павлович – майор в отставке, охранник в супермаркете, скончался от того, что увлекался спортом под названием литрболл. Утонул в состоянии опьянения. В школе Лиза звезд с неба не хватала, но в двоечниках-троечниках не числилась. Хорошистка. Поступала в медвуз два раза, обе попытки были безуспешны. Выучилась на медсестру. В десятом классе забеременела от неизвестно кого, родила мальчика. К сожалению, малыш явился на свет инвалидом, у него тяжелый ДЦП, отсутствует речь, ходить он не может. В придачу к параличу у него еще длинный список диагнозов. Мать от мальчика не отказывалась, он помещен в лечебный центр, где ему обеспечен должный уход. Квартиру, которая ей досталась по наследству от матери, Лиза сдает. Скорей всего, эти средства плюс зарплата и чаевые от больных в кошельке Снеговой не задерживаются. Они перетекают в бухгалтерию клиники, где содержится маленький Виктор. Где и на что живет Елизавета – тайна. Такова официальная версия биографии Снеговой. Но она насквозь лжива. В действительности Елизавета Снегова умерла в родах, ее сын тоже не выжил. Так кто такая медсестра Лиза?»

Глава 16

Я потеряла глаза. Ну и ну! В детективном романе я нашла рассказ о тех, кто сейчас меня окружает. Книги про пса Димона Коробкова не существует. Меня хитро направили в библиотеку, чтобы я узнала правду о медперсонале лаборатории и клиники. И что там дальше?

«Справка № 2 на Елизавету Константиновну Снегову. Мать Лизы – медсестра, отец – алкоголик. Ранее приведенная информация соответствует действительности. Лиза скончалась в родах, которые проходили дома, ребенок погиб. Урна с прахом захоронена на кладбище села Еловка в Ленинградской области, в могиле бабушки. Никого из Снеговых в живых нет. По документам Лизы в Научно-лечебный центр имени Игоря Бойко устроилась Елизавета Гавриловна Трифонова, сотрудник особой бригады под руководством Дмитрия Коробкова».

Я вздрогнула. В голове неожиданно зазвучал тоненький женский голосок: «Танюша, приветик, это Лапуля. Зайчик, булочка, съесть его хочется. Ботиночки подошли, но шнурки развязываются. Зая падает, поэтому я отдала их Котику. Димон у тебя сидит?» Щелк! «Запись» выключилась. Я схватила бутылку минералки со стола, открутила пробку и начала жадно пить из горлышка. Вспомнила! Дмитрий Коробков, он же Димон, Лапуля его жена. Про зайчика я ничего не знаю, но, думаю, это ребенок. Кто такой Котик, понятия не имею. И где я встречалась с Коробковым? Так, на эту интересную тему я подумаю позднее, сейчас моя задача дочитать «детектив», пока Фаина, Карина или доктор не хватились пациентки Сергеевой, которая не пойми куда запропастилась. Я снова впились глазами в страницу.

«Трифонова решила заняться поисками Елены Кротовой, своей сестры по матери. Девочку украли из машины отца. Геннадий Андреевич, отчим Лизы, на пару минут отошел в кафе при бензоколонке, чтобы купить кофе в дорогу и шоколадку ребенку. Спящую дочь он не стал будить. В те годы еще не было закона, который предписывал возить детей только в специальном кресле. Лена просто спала на заднем сиденье, прикрытая одеялом. Отец сел за руль, решив, что малышка в его отсутствие не просыпалась. Она, по-прежнему завернутая в плед, лежала лицом к спинке. Отец видел только ее шапочку. Кротов спокойно порулил на дачу к своей матери. Ехать ему предстояло около двух часов. Добравшись до места, врач сказал бабушке:

– Внучка доставлена!

Мать спросила у него:

– Ленуся не плакала?

– Всю дорогу спала, – ответил Геннадий.

– Как? Ты ни разу не дал ей попить? – рассердилась дама.

– Мама, она всегда в машине кемарит, – рассмеялся Геннадий, – мой принцип: не буди лихо, пока оно тихо.

– Исчезни с глаз моих, – велела Анна Сергеевна, – я сама ее разбужу.

Геннадий пошел по направлению к дому, бабушка заглянула в салон и вдруг закричала:

– Помогите!

Доктор бросился на зов, увидел, как мать падает на землю без сознания, запаниковал, растерялся: что делать? То ли мать в чувство приводить, то ли малышку будить. На помощь ему пришла Лиза, дочь его жены Веры Леонидовны от первого брака. Геннадий женился на Вере, когда Лизочке исполнился год. Девочка, в отличие от отчима, не потеряла головы.

– Скорей неси бабулю в дом, – велела она, – ты же врач, всегда лекарства в сумке носишь. А я возьму Леночку.

И тут Анна Сергеевна очнулась, села и закричала:

– Где моя внученька?

Лиза заглянула в машину и взвизгнула.

– Папочка! Там только большая кукла в шапочке!

День превратился в ад. Геннадий помчался в Москву, кинулся в милицию. А время-то шло! Поиски ребенка начались лишь на следующее утро».

Я перестала читать и вздохнула. Статистика по пропавшим детям дошкольного возраста свидетельствует: если в течение первых шести часов ребенка не нашли, шансы обнаружить его живым составляют пятьдесят процентов. Через двенадцать часов – тридцать, через сутки – десять. Если о ребенке ничего не известно неделю, то... Надеяться, что похищенный жив, можно лишь в том случае, если за него просят выкуп, который ни в коем случае отдавать нельзя. Почему? Крошку не убьют, пока бандиты не получили денег, а как только купюры окажутся в их грязных руках, ребенок вмиг станет обузой. Совсем крошечный, не умеющий говорить младенец еще имеет шансы на жизнь, он не может описать похитителей. А вот четырехлетка уже является хорошим свидетелем. Даже если ему завязали глаза, заткнули уши, то нос-то остался в рабочем состоянии. Димон один раз вычислил преступников, потому что подруга похищенной рассказала,

что от мужчины, который схватил ее одноклассницу, пахло одеколоном, как у ее папы, и еще от него мерзко воняло лакрицей. Димон считал, что помог украсть девочку кто-то из прислуги, и быстро выяснил, что один из охранников ее отца обожает леденцы с лакрицей.

Я вздрогнула. Вот здорово! Откуда мне все это известно? Хорошо, на эту тему поразмыслю перед сном, возвращаюсь к тексту. Где я остановилась? Ага, нашла. «Поиски ребенка начались лишь на следующее утро. Но Елену не нашли. Вскоре после исчезновения дочери Вера Леонидовна покончила с собой, оставив записку: «Ухожу к Леночке». Анну Сергеевну разбил инсульт, она скончалась. Геннадий Андреевич ударился в религию. Когда Лизе Трифоновой исполнилось восемнадцать и она уже училась в институте, Кротов постригся в монахи. Где он сейчас находится, жив ли, неизвестно. Став сотрудницей особой бригады Коробкова, Елизавета попросила у начальства разрешения возобновить поиски младшей сестры. Димон сходил к шефу Ивану Никифоровичу, тот дал добро на то, чтобы выяснить судьбу ребенка».

Я опять отвлеклась от текста. Иван давно лелеет мысль о создании бригады, которая будет заниматься «висяками», то есть делами, не раскрытыми в течение многих лет. Принимая решение по Елене Кротовой, он заявил Димону: «Ребенка давно нет в живых. Сомнительно, что вы найдете ее останки. Мне жаль Елизавету, которая лишилась семьи, поэтому я даю зеленый свет ее просьбе. Давайте считать это дело тренировочным. Мы таким никогда не занимались, надо выработать методику».

Я прикрыла глаза рукой. Так. Или я вспоминаю нечто из своей жизни, или у меня открылся третий глаз, который получает информацию из астрала. Оба предположения фантастичны. Что мы имеем? По одной версии меня зовут Татьяна Сергеева, я преподаю русский язык и литературу. Очутилась в клинике у Маслова, потому что восстанавливаюсь после двухнедельной комы. За мое пребывание в медцентре заплатила Этти. Я изменила ее сыну, своему мужу, Миша из-за этого покончил с собой. А свекровь не прокляла невестку, стала ее лечить. Многие ли способны на такой поступок? Вследствие пребывания в бессознательном состоянии у меня в голове возникла путаница. Но то, что я сейчас перечислила, помню прекрасно. Почему же мне не жалко Михаила? Отчего я не испытываю чувства стыда, узнав о своей измене? Откуда знаю Димона? По какой причине имя «Иван Никифорович» вызывает у меня улыбку? А еще Мози, Роки, Альберт Кузьмич, Рина. Рина – это еще кто?

Я постучала себя кулаком по лбу. Мозг! Ау! Перестанем обращать внимание на компот из мыслей. По другой версии, если верить тому, что я

сейчас читаю, меня зовут Таня Сергеева! И откуда я это знаю? Ну... просто знаю. Медсестры так ко мне обращаются. И Этти тоже. Стоп. Визит матери Миши, скорее всего, галлюцинация. А вот медсестры реальны, они говорят мне «Танечка». Хорошо. Это подтверждается. Фаина и Карина существуют? Да. Эмилия Францевна? Не знаю. Я ее не видела, но о ней говорят все окружающие. Пока не считаю это правдой. Те, кто рядом, могут врать. Зато Филипп Андреевич Маслов существует.

Я взяла в руки странную книгу, понюхала ее, пощупала. Томик не глюк. О господи! Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша. Я не специалист по психиатрии, однако знаю, что сумасшедшие реально слышат голоса, которые велют им совершать разные странные поступки. Может, я до сих пор в коме и вижу сон?

Взор упал на страницу. Дочитаю текст. Где я остановилась?

«Иван Никифорович дал добро на то, чтобы выяснить судьбу ребенка. Бригада Коробкова начала работу, однако не продвинулась вперед. На одном из совещаний Татьяна Сергеева, начальник другой бригады, сказала: «Вы ищете труп. А вдруг Лена жива? Отработайте еще раз все связи Геннадия и пройдите по маршруту, на котором пропала девочка. Есть предложения, где ребенка могли заменить куклой?»

– Да, – ответил Димон. – Я уверен, что похищение произошло на бензоколонке, где Кротов покупал кофе в дорогу и шоколадные яйца для дочки. Потому что это единственное место, где он остановился, вышел из автомобиля и оставил дочку одну.

И тут Сергеева задала вопрос, который до сих пор никто не додумался озвучить.

– Кротов постоянный посетитель бензозаправки? Или зарулил туда спонтанно?

– Не знаю, – растерялся Коробков, – об этом его не спрашивали.

– Похищение Лены не выглядит случайным, – продолжала Татьяна, – в милиции родилась версия о педофиле. Он якобы выискивал жертву, ничего заранее не планировал, увидел в машине девочку... Далее ясно, но вот здесь есть слова Геннадия. Услышав упрек следователя: «Как же вы не побоялись бросить малышку одну, вдруг кто-то увидит, что она спит на заднем сиденье», отец возразил: «У меня сзади все заклеено пленкой, а боковые передние стекла затемнены. Не люблю ездить, как в аквариуме». Полагаю, что похищение было хорошо продумано. Если Геннадий регулярно покупал кофе на этой заправке, преступники могли иметь там информатора, который сообщил о появлении Кротова и о том, что Лена спит. Найдите владельца точки, поговорите с ним. Те, кто первым вел это

дело, не удосужились провести с ним беседу. И еще. Где мотив? Выкуп за ребенка не требовали. Опера из отделения уперлись в версию о случайно проходившем мимо педофиле, они не обратили внимания на слова про намертво затонированный салон и забыли, что была подготовлена кукла. Значит, человек готовился. Ладно, пусть он хотел выиграть время, решил оставить вместо какой-то малышки игрушку. Но представьте, что вы решили украсть ребенка из машины. Времени у вас в обрез. Надо вытащить девочку, снять с нее одеяло, шапочку, замотать куклу, натянуть на нее головной убор. А часы тикают! Лена точно проснется, закричит. Полагаю, у преступника уже была готовая кукла-копия. Ее завернули в идентичный плед и надели на голову точь-в-точь такую же шапку. Замену настоящей малышки на игрушечную совершили за несколько секунд, даже если бы Лена очнулась, зарыдала бы она уже в чужом автомобиле. Операцию тщательно подготовили. И стопроцентно в ней участвовал тот, кто хорошо знал Геннадия. Кстати, детективы не поинтересовались у родственников: одеяльце и головной убор у фальшивого ребенка были новые? Или ношенные? Кто знал, что дочка врача именно в этой шапочке поедет к бабушке? Давайте искать преступника среди близких семье людей. Кому мог так досадить Кротов?»

Глава 17

Я перевернула страницу.

«После этого совещания Елизавета попросила Ивана Никифоровича привлечь к работе Сергееву. Изучив окружение Геннадия, Татьяна обратила внимание на то, что у Лены была няня Евгения Петровна. Она работала в семье сравнительно недавно. До нее с девочкой почти с момента рождения занималась Ольга Сергеевна Воропаева, которая уволилась по семейным обстоятельствам. Следователь, который много лет назад вел дело, спросил: «По какой причине Воропаева покинула ваш дом?» Геннадий Андреевич развел руками.

– Она ничего не объяснила. Мы с женой почти год мучились, найти нормальную няню очень трудно, у нас прямо калейдоскоп начался! Разные тетки приходили, все нам не нравились. Одна неаккуратная, другая говорила «шо», третья облизала ложку и стала ею Лену кормить, четвертая по нашим шкафам шарила, пятая, несмотря на строгий запрет, включала телевизор и вместе с девочкой смотрела новости. Мрак. А потом позвонила Ольга Сергеевна и сказала: «Если вам еще нужна няня, то есть прекрасная женщина Евгения Петровна. Поверьте, вы останетесь довольны». И правда! Она оказалась чудесным специалистом.

Следователь со всех сторон проверил Евгению, не нашел на нее никакого компромата и вычеркнул няню из списка подозреваемых. А Татьяна копнула глубже и узнала, что у Ольги Сергеевны заболел внук, Федю на «Скорой» доставили в больницу. С ним приехала мама. Шло время, ребенок лежал на каталке, ему делалось все хуже, но врач не шел. Он забыл про малыша, а мать ребенка обрадовалась, решила, что сынишке стало лучше, он перестал плакать и заснул. Тревогу забила медсестра, которая, проходя мимо и случайно посмотрев на ребенка, поняла: дело-то совсем плохо, и спешно кликнула доктора. Итог: мальчик скончался. Окажись он в руках врача на пару часов раньше, остался бы жив.

Сергеева решила поговорить с Воропаевой. Та по документам была жива. Татьяна приехала домой к пожилой женщине, но обнаружила в ее квартире жильцов, которые рассказали, что у пожилой дамы болезнь Альцгеймера, но, будучи здоровой, она работала у госпожи Вяземской. Хвала владелице Научно-лечебного центра имени Игоря Бойко! Та не выкинула на улицу немощную, одинокую, никому не нужную бабку, поселила ее в пансионате, где Ольга Сергеевна сейчас доживает свой век в

сытости и довольстве, но в полном безумии. Татьяна изучила биографию Эмилии и узнала, что у той есть две приемные дочери. Но не придавала этому факту особого значения. А вот у Лизы родилась безумная версия, она стала убеждать Ивана Никифоровича, начальника всех бригад, что Карина и Елена одно и то же лицо. Сотрудники, как Коробкова, так и Сергеевой, пытались привести Елизавету в чувство, ей объяснили, что у девочек разный возраст. Елена старше Карины. И последняя, судя по записям, долго жила на улице в антисанитарных условиях. Но Елизавета возражала.

– Конечно, ей изменили возраст, – отбивала она подачу, – и, естественно, Эмилия не на следующий день после пропажи Леночки «нашла» Карину. Все было подстроено, следы замечены.

Татьяна спросила у Трифоновой:

– Найди мне хоть одну причину, по которой Эмилия могла украсть дочь Кротова.

– У нее умер сын, – отрезала Елизавета, – нужна была замена наследника.

Михаил Юрьевич Ершов, психолог, профайлер бригады Сергеевой, попытался вразумить Трифонову:

– Да, матери после потери ребенка часто рожают еще одного. Если же по каким-то причинам они не могут обзавестись потомством, то берут малыша из приюта. У Эмилии скончался сынишка. Леночка – девочка. Возраст у детей разный, мальчик был старше. Давай обратимся к внешности. Леночка темненькая, с кудрявыми волосами, кареглазая, со смуглой кожей, она удалась в отца. А Игорь Бойко блондин с голубыми глазами. Ничего общего у детей нет. Эмилия могла поехать по интернатам и найти малыша один в один, как Игорь!

– Вы психолог, – скривилась Елизавета, – и не знаете, что во многих случаях осиротевшие родители берут ребенка, кардинально не похожего на покойного! Боятся, что начнут сравнивать своего потерянного и чужого, благоприобретенного. И по той же причине вместо девочки в семье появляется мальчик.

– Не стану отрицать, ты права, – признал психолог, – но зачем Эмилии красть Леночку? В России тьма приютов, лучше кого-то удочерить официально и жить спокойно.

Елизавета нахмурилась:

– Не знаю! Но выясню это.

– Нет, – ответил Иван Никифорович, – я отстраняю тебя от расследования.

– Почему? – возмутилась Лиза.

– Ступай в офис, – велел шеф.

Трифонова удалилась, но по ее виду было понятно, что она кипит от негодования, а босс сказал Татьяне и членам ее бригады:

– Я совершил ошибку. Поиск сестры для Елизаветы очень личная история. Вначале она вела себя адекватно, но сейчас нервы у нее сдают. Пусть займется другой проблемой. Татьяна, поручи ей убийство Филиппова, назначь ее старшей, пусть почувствует себя начальницей.

Сергеева сообщила Елизавете о решении Ивана. Таня ожидала бурной реакции, недовольства, даже слез, но Лиза спокойно сказала:

– Шеф правильно решил. У меня личное отношение к поискам. Не следовало вообще в них участвовать. Я верю, что ты найдешь Лену, она уже взрослая, мы с ней подружимся!

Татьяна обрадовалась, решила, что Елизавета разумный человек, способный держать себя в руках даже в стрессовой ситуации. Через два дня Трифонова подцепила грипп, взяла бюллетень и осела дома. Спустя три недели она так и не появилась на службе, более того, она не отвечала на звонки. Коробков отправил домой к сотруднице одного из своих парней, велел в случае, если Лиза не откроет дверь, вскрыть квартиру. Тот вернулся с запиской. Текст заставил всех занервничать. «Можете меня перевести на службу в столовую, я буду там тарелки мыть. Я понимаю, что из бригады меня уберете. Но поиск Леночки для меня важнее карьеры. Вы не хотите проверить Карину. А я это сделаю. Добуду ее ДНК. Я уже поступила на работу в клинику Вяземской. Состряпала себе документы на другую фамилию, придумала биографию. Не волнуйтесь. Со мной все хорошо. Гриппом я не болела. Таня, прости за обман. Дима, не хотела тебе врать, но пришлось. Иван Никифорович, не ругайте Сергееву и Коробкова, я им сказку наплела про вирус...»

Босс велел Сергеевой немедленно вытащить Елизавету из клиники. Татьяна отправилась в больницу, но ее не пустили на территорию, вежливо объяснили: в медцентр может попасть только больной человек. Или тот, кому пациент заказал пропуск. Если есть заявка, проблем не возникнет, покажете свой паспорт и проходите, мы вам рады. Серьезные меры безопасности приняты ради спокойствия тех, кто лечится в центре.

– Я хочу попасть на консультацию к доктору, – заявила Сергеева, – заключить контракт на обслуживание.

– Тогда подождите, я вызову менеджера. – ответил секьюрити. – Пройдите, пожалуйста, в зону приема.

Таня позвонила Димону и отчиталась, рассказала, что просто так в клинику не войти, она сейчас сидит в домике, который находится перед

проходной. Ей придется купить контракт на обслуживание, только в этом случае она попадет в медцентр.

– Отлично! – воскликнул Димон.

– Естественно, я напишу в анкете, что работаю учительницей и частным репетитором, – сказала Таня, – как всегда, когда имею дело с незнакомыми. Надеюсь, я быстро найду Елизавету.

Следующий звонок Сергеевой случился поздно вечером, на сей раз она звякнула своему мужу Ивану Никифоровичу.

– Менеджер меня ни на секунду не оставляла одну, чуть ли не за руку водила. Два часа все показывала, вещала, какие у них прекрасные врачи. Медцентр огромный. Основное здание – девятнадцать этажей, есть еще другие корпуса плюс дом престарелых. Куда устроилась Лиза, сразу не выяснишь. Это легче было бы сделать, знай я имя-фамилию, под которыми Трифонова сюда нанялась. Но Елизавета нам этого не сообщила. Честно говоря, я приуныла. И тут менеджер предложила:

– У нас сегодня действует эксклюзивное предложение. Если вы сейчас оплатите годовой контракт, то получите в подарок бесплатное полное обследование. Оно занимает три дня. Поверьте, это очень привлекательная акция, она проводится впервые и не выгодна клинике в материальном плане. Но наша хозяйка, госпожа Вяземская, думает в первую очередь не о прибыли, а о том, как помочь людям».

Глава 18

Я потеряла глаза и опять вгрызлась в текст.

«Татьяна решила, что задержаться в медцентре – прекрасная идея. Для обнаружения Лизы трех суток хватит. Димон одобрил ее план, Иван Никифорович, которому жена позвонила еще до Коробкова, тоже дал свое согласие, и Таня осталась в больнице. На связь она более не выходила. Все попытки связаться с начальницей особой бригады оказались безуспешными, ее мобильный телефон не работал. Через день удалось узнать, что в особом отделении, которым заведует Филипп Андреевич Маслов, находится учительница русского языка и литературы Татьяна Сергеева, она в коме. Таня! Внимание! Мы не знаем, как на твоём здоровье отразились лекарства, которыми тебя пичкал Маслов. Чем он занимается в своей лаборатории, пока не известно. Тебя продержали несколько дней в состоянии сна, наверное, и сейчас продолжают чем-то пичкать. Елизавета умерла от инсульта, это официальная версия. Вскрытие делали в морге клиники, Дима влез в их компьютер, прочитал заключение, там указана сосудистая патология. Коробков сомневается в диагнозе. Елизавета проходила раз в году обязательную для всех сотрудников бригад диспансеризацию, и никаких проблем ни с сердцем, ни с сосудами у нее не было обнаружено. О фальшивости результатов посмертного исследования косвенно свидетельствует и то, что останки Лизы сожгли в крематории. Основания для спешки: у медсестры не было родственников (что полная правда), клиника решила похоронить ее за свой счет, но не может долго хранить тело. Урна с прахом будет в течение полугода храниться в администрации, если все же найдется кто-то из близких, ему ее отдадут. Если никто не станет беспокоиться о покойной, прах поместят в колумбарий. У нас есть версия, что тебе вводят препараты, действующие на память. Поэтому прилагаем план работающих камер видеонаблюдения и твою биографию. Возможно, она покажется тебе удивительной, но это правда».

Я прочитала справку о Татьяне Сергеевой и ощутила покалывание в подушечках пальцев. Я начальница особой бригады? Жена Ивана Никифоровича? Мою свекровь зовут Ирина Леонидовна, сокращенно Рина. В нашем доме живут французские бульдоги Мози, Роки и кот Альберт Кузьмич? Господи, кому пришло в голову так назвать котяру! До Ивана я уже была замужем. Первого моего супруга звали Михаил, а свекровь –

Эти. И они оба умерли.

Я перечитала свою биографию несколько раз, потом перевернула страницу и увидела кредитную карту на имя Татьяны Волковой, какой-то план и продолжение письма.

«Лекарства тебе могут вводить как открыто: таблетки, уколы, так и тайно: через еду или питье. С пилюлями просто, их можно не глотать, с инъекциями сложнее, но есть способ нейтрализовать их, равно как и те медикаменты, которые могут поступить с пищей. В конце книги находится ампула с антидотом. Достаточно одного укола на месяц, но постарайся поменьше есть, а пей только в буфетах клиники компот, чай, кофе, которые там находятся в общих титанах. Теперь инструкция. В конце приведен список пациентов Маслова за последние четыре года с их биографиями».

Я внимательно прочитала все, что мне предписывалось сделать, изучила информацию о тех, кто лежал в отделении Филиппа Андреевича, и добралась до завершающего абзаца.

«Василиса Васильевна, библиотекарь, не «спящий» агент. Она сотрудничает с бригадой ради своего сына, которого надо выволить из неприятности». На следующей странице сообщалось, что случилось с парнем. Закончив чтение, я увидела углубление в обложке, вынула из него крохотный блистер, вытащила микроскопическую ампулу, прижала ее к сгибу локтя и ощутила легкий «укус» иглы.

Я нажала на кнопку, которая торчала из стола. Василиса Васильевна вошла в помещение и молча, вовсе не дружелюбно, уставилась на меня.

– Спасибо, книга очень интересная, – улыбнулась я, – судя по плану, который у меня есть, в этой комнате, несмотря на камеру на стене, наблюдения нет. И во всей библиотеке тоже.

– Нет, – коротко согласилась Василиса.

– Почему? – поинтересовалась я.

– Понятия не имею, – буркнула дама.

– Можете рассказать немного о доме престарелых? – продолжала я.

– Дом как дом!

Мне надоело общение в таком тоне.

– Уважаемая Василиса Васильевна, вам придется сотрудничать со мной.

– А я что делаю? – процедила она.

– Похоже, у нас ничего не получается, – резюмировала я, – вы свободны.

– В смысле? – заморгала Василиса.

– Проблема вашего сына с этой минуты не наша проблема, – спокойно

ответила я и сделала шаг в сторону двери.

– Стойте, – взмолилась нелюбезная особа, – мой мальчик в беде. Вы обещали помочь.

– При условии, что получу помощь от вас.

– Но я же передала вам книгу. И на вопросы отвечаю.

– «Дом как дом»? – усмехнулась я.

– Но это правда, – прикинулась дурочкой библиотекарша, – ничего особенного в нем нет. Пансионат находится в бывшей усадьбе графа Рокотова, особняк, несмотря на возраст, прекрасно сохранился. Наверное, потому что он каменный, и во времена СССР там располагался облисполком. Советские чиновники любили комфорт и красоту. Им не нравилось сидеть в каком-нибудь бараке. Эмилия после покупки реконструировала все помещения.

– До которого часа вы работаете? – уточнила я.

– Круглосуточно, – прозвучало в ответ.

Я удивилась:

– Библиотека открыта днем и ночью? Когда же вы спите?

Василиса скрестила руки на груди:

– Я служу здесь очень много лет, когда-то работала в облисполкоме. Ранее на минус первом этаже был личный кабинет самого главного.

– В подвальном помещении? – удивилась я.

Василиса потупилась:

– Да. Видите ли... у него... были замашки Дон Жуана...

– Ясно, – кивнула я. – Устроился там, где поменьше глаз.

– Верно догадались, – неожиданно оживилась моя собеседница, – разные служебные вопросы чиновник решал на втором этаже, я там у двери сидела. А сюда шеф приходил отдохнуть после обеда или оставался ночевать. «Горел» на работе, постоянно задерживался. У него были апартаменты на первом этаже около библиотеки, там теперь я живу. А еще он организовал себе кабинет в подвале для частных совещаний. М-да. Понимаете? У меня две комнаты, кухня и санузел. Я очень благодарна Эмили! Очень. И сейчас...

Василиса замолчала, а я поняла, что она хотела сказать, но проглотила. «И сейчас мне очень неприятно, что из-за дурака сына, который наделал глупостей, я должна помогать вам».

– Если понадобится, я обращусь к вам за помощью, – сказала я.

– У меня что, есть возможность ответить «нет»? – мрачно осведомилась собеседница.

– Конечно, – ответила я. – Мы уважаем ваш выбор: нет так нет.

– Но тогда вы не станете помогать Паше, – пробормотала библиотекарьша.

– Неприятно строить отношения по принципу ты мне, я тебе, – призналась я, – но в нашем случае только такие и возможны. Так как?

– Приходите в любое время дня и ночи, – процедила Василиса Васильевна.

Глава 19

Выйдя из библиотеки, я понеслась в сторону лаборатории и на площадке неподалеку от нее увидела группу людей, стоявших кругом, держась за руки. В центре находился мужчина самого странного вида. Его длинные седые, неестественно блестящие волосы падали ниже плеч. Лицо было раскрашено во все цвета радуги. Впечатляла и одежда, нечто вроде балахона с узорами и вышивкой из фальшивого жемчуга. На ногах у странного персонажа были мягкие красные сапожки, в руках он держал бубен.

– Нга-нга! – завопил дядька и начал прыгать.

– А ну, перестали дурить! – велел полный мужчина в костюме, подходя к площадке. – Я начальник охраны медцентра Георгий Михайлович Брулев. Ваши действия мешают больным. Давайте разойдемся. Напоминаю: несанкционированные митинги запрещены.

– Господин Брулев, – сказал один из присутствующих, – позвоните Эмили Францевне. Все с ее личного разрешения.

Главный секьюрити вынул телефон и через пару минут стал сахарным пряником.

– Претензий к вам нет. Продолжайте. Я ухожу.

Толпа пребывала в молчании.

– Нга-нга, – снова заорал странный мужик.

Я бочком, бочком приблизилась к дому и спросила у Карины, которая стояла на крыльце:

– Кто это?

– Шаман, – ответила медсестра.

– Настоящий? – восхитилась я. – А что он делает?

– Колдует, – вздохнула девушка. – Эмилия Францевна слишком добра, ей всех жаль. Представляю, какая битва у них сейчас с Филиппом Андреевичем начнется. Когда Маслов услышал вой, он велел нам прогнать дураков, но их главный показал разрешение Эмили на обряд. Вот доктор и помчался к Вяземской.

– Интересно, какова цель шаманства? – любопытствовала я. – Может, он дождь вызывает?

– Спасибо, не надо, – фыркнула Карина, – хотя я совершенно не верю в способность этого грязного идиота влиять на погоду.

– У-у! – провыл шаман и замер, опустив бубен.

В круг вышла полная женщина и завела нежным контральто:

– Дорогие мои! Сегодня, в день тысячелетия кончины верховного шамана Минимаркета...

Я наострила уши, шаман Минимаркет? Десять веков назад это слово, очевидно, имело иное значение. Сегодня так называют маленький магазин. Не знаю, где брали продукты хозяйки Древней Руси, наверное, они сами все выращивали и готовили.

– ...мы благодарны администрации больницы и лично госпоже Вяземской за возможность камлания прямо на священном месте гибели Минимаркета.

– Мимиаркета, – подсказал кто-то из толпы.

– Не мешайте, – отмахнулась тетка, – сейчас мы услышим пророчество Минимаркета, которое определит нашу жизнь на дальнейшие века. Пожалуйста.

Колдун откинул лохмы на спину и завел замогильным голосом:

– Чую, чую, пришел Мимиаркет. Что нас ждет? Внимание... «Вы все будете жить долго. Счастливо» – вот что говорит великий шаман.

– Вы все будете жить долго. Счастливо.

Толпа заулыбалась.

Я чихнула, хорошее предсказание. Оптимистичное.

– Но один из вас умрет первым, – продолжал шаман.

С этим не поспоришь. Всегда кто-то уходит на тот свет раньше других.

– Мимиаркет предупреждает, – заорал маг, – тот из вас, кто сейчас первым уйдет домой, он и отправится впереди всех в Долину счастливой смерти. Остальные проживут тысячу лет. Все понятно?

Толпа растерянно молчала.

– Вам понятно пророчество? – осведомилась тетка.

Народ загудел, потом кто-то крикнул.

– Не очень.

– Тысячу лет племя красных жаб ведет войну со злом, – завопил шаман, – теперь предстоит решающая битва. Князь тьмы хочет уничтожить всех, кто здесь находится!

– Всех? – испугалась Карина. – А если я не жаба? Просто медсестра, на меня тоже охота идет?

Колдун сделал отрицательный жест рукой.

– Нет. Черный князь прилетит только за одним из племени. Десять веков назад на этом месте предки жаб в угоду дьяволу убили Мимиаркета. Сейчас мы совершили очистительный обряд. Потомки жаб лишились скверны, они более не отвечают за грехи тех, кто погубил главного шамана.

Теперь вся община станет здоровой, счастливой, богатой, ее члены получат то, о чем мечтали, и проживут долго-долго. Все, кроме одного, того, кто первым сейчас уйдет домой. Сатане нужна жертва, и он ее получит.

– Назовите имя, – попросила худенькая девушка в джинсах, – ну, того... кто умрет.

– Я уже сказал, это человек, который первым сегодня уйдет домой, – начал сердиться шаман. – Сто раз повторять?

– Если я убегу раньше всех, то умру? – уточнила дама лет пятидесяти.

– Непременно, – кровожадно пообещал ворожей.

– Ой! – испугалась девушка.

– Это благородная смерть, – заметил шаман, – для спасения других членов общества предков красных жаб. Вас будут прославлять веками наравне с главным жрецом.

– Ну уж нет! – взвизгнула тетка в ядовито-розовом пуловере. – Я в могиле, а они тут вкусно едят? Назло всем последней смоюсь.

– Как хотите, – хмыкнул колдун, – оставляю вас на месте казни Мимиаркета, подумайте о бренности жития.

– Так вы первым и окочуритесь, – обрадовался парень в джинсовой куртке.

Шаман наморщил нос:

– Мальчик! На жрецов карма не распространяется. Она ваша. Радости вам душевной, легкого освобождения от тел земных. Уходите, духи зла, убегайте прочь, оставайтесь тут, не беру вас с собой...

Тихо постукивая в бубен, ряженный удалился.

– Как эти странные люди сюда попали? – изумилась я. – Территория клиники закрыта для посторонних. Или я ошибаюсь?

– Спросите чего полегче, – насупилась Карина, входя в лабораторию, – приперлись откуда-то с разрешением госпожи Вяземской на проведение религиозного обряда. Ой, вам давно пора поесть! Хотите пиццу на ужин?

У меня в животе заурчало.

– Аппетита нет, – соврала я.

– Это плохо, – насторожилась Фаина, которая сменила Карину, – надо Филиппу Андреевичу сказать.

– Все нормально, – успокоила я медсестру, – я заглянула в библиотеку, меня там угостили чаем с кексом.

– Ходили в читальню? – удивилась девушка. – Откуда вы узнали про нее?

– Охранник сказал, – соврала я, – подошла к забору, а за ним люди в карнавальных костюмах. Спросила про них у секьюрити, что на воротах

стоял. Он объяснил, что в доме престарелых праздник, там всегда весело, библиотека хорошая.

Фаина засмеялась:

– Эмилия Францевна выдумщица, постоянно тех, кто в «Солнечном саду» живет, развлекает. Сегодня у них костюмированный бал.

– А у вас шаман, – сказала я.

– Немедленно убирайтесь вон, – заорал мужской голос.

– Филипп Андреевич вернулся, – испугалась медсестра и села за стойку.

А я ушла в свою комнату, открыла окно, встала к нему спиной и призадумалась. Я руководитель особой бригады. Ну это объясняет, почему я не испугалась трупа и владею обширной информацией. Этти умерла. А я видела свекровь из окна. Но она стояла на удалении. В принципе за мать Миши могла сойти любая стройная девушка. Надо только надеть на нее парик... Но как быть с лицом? Вот почему на Этти была хирургическая маска! Я не изменяла мужу. Михаил не совершал суицида из-за моего прелюбодеяния. Все это зачем-то придумано Масловым или кем-то еще. Зачем?

– А вот и пицца! – весело пропела Фаина, внося тарелку, – с ветчиной, овощами, моцареллой.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Как там ваш начальник?

– Думала, что его от злости разорвет, – зашептала медсестра. – В последний раз он таким был, когда Кузнечика в «Солнечном саду» бросили, и он ушел, а Лизка разорвала халат Эмилии Францевны. Она у нас мало работала, но успела дел натворить.

– Зачем портить халат? – искренне удивилась я.

– Я ей тот же вопрос задала, – сказала Фаина, – она объяснила, что перепутала ее халат со своим, стала надевать тот, что госпоже Вяземской принадлежит, и оторвала случайно воротник.

Я слишком весело рассмеялась. Оторвала воротник? На что угодно готова спорить, Елизавета искала ДНК на воротнике, который соприкасается с шеей, там можно обнаружить генетический материал.

– А кто такой Кузнечик? – задала я следующий вопрос.

– Павел Леонидович, – улыбнулась Фая. – Он у нас реабилитировался, теперь в пансионате живет. Эмилия Францевна ну очень жалостливая! Дядя Паша хороший, добрый, но он совсем память потерял. Как Филипп Андреевич ни старался, не вышло его социализировать. Одеваться, мыться, пользоваться туалетом и все такое прочее он может, остальное как ластиком стерло! Вообще белый лист! Родственников у него нет, один дядя Паша не

проживет. Не старый совсем, ему пятьдесят два года, но он как ребенок. Ничего не знает, не умеет! Такого можно отдать только в дом престарелых, но там быстро умирают, потому что ухода надлежащего нет. Вот Эмилия Францевна дядю Пашу и определила к себе. Лизке приказали его на новое место жительства сопроводить, Снегова его сумку взяла, и они утопали. Через час позвонила Светлана, главврач пансионата.

– Где Кузнецов?

Карина очень удивилась:

– Его давно к вам повели.

– И не привели, – заявила Такина. – Ищите больного.

Я велела Каре территорию обежать, она решила, что Лизка на скамейке с дядей Пашей сидит и триндит. Но нет. Тогда я сама поспешила в «Солнечный сад» и давай народ расспрашивать.

– Не видели медсестру и мужчину? Он был в спортивном костюме, бордовом с белыми полосками и надписью Adidas.

Не помню, кто сказал: «Он у помойки бродит».

Фаина всплеснула руками:

– Представляете? Я туда, на улице никого! Потом догадалась открыть каморку, где мусорные баки стоят. Точно. Дядя Паша там, около него техничка. Спрашиваю у нее:

– Что он тут делает?

Она ответила:

– Это я и пытаюсь у него выяснить. Говорю: «Зачем вы сюда зашли?» Молчит. Объяснила ему, что в служебное помещение больным заходить нельзя, там микробы. А он:

– Лиза, Лиза! Сейчас она вернется.

Я так обрадовалась, что Кузнецова нашла, отвела его в коридор жилого корпуса, а сумки-то его нет! Посадила Павла на диванчик, хотела пойти его бебехи искать. И тут выплывает райской птицей Елизавета, несет саквояж Кузнецова. Я хотела ей наподдать, а тут бежит Олеся, она в «Солнечном саду» кастелянша. Кричит:

– Девушка, вы брали халат Эмилии Францевны, воротник оторвали! Безобразие!

Лиза в ответ:

– На входе мне сказали: «Надо вам сверху наш халатик набросить, возьмите в первом кабинете». Я пошла, только накинула на плечи хламиду, прибегает мужик, сдергивает ее, что-то орет! Я попыталась выдернуть у него халат, воротник и отлетел!

Олеся прямо ахнула:

– В первом кабинете только Эмилия Францевна халат вешает! Мужики у нас там не бывают! Только врачи, но они все в форме. Прямо сказку сочинили.

Елизавета ей:

– Значит, со мной больной дрался.

– Пациенты в коридор, где мы находимся, не заглядывают, – опять возразила Олеся.

Тут я ожила:

– А почему Павел Леонидович у помойки сидел? По какой причине ты его одного оставила?

Лизка распахивалась:

– Вы меня третируете, придираетесь, всем недовольны.

И убежала. Понятное дело, что после этого ей у нас в отделении, где требуются повышенное внимание, аккуратность, оставаться было нельзя. Безответственная особа. Ох, я разболталась. Ужинайте. Побегу на пост.

Фаина ушла.

Я переместила тарелку с пиццей на подоконник. Лакомиться «вкусняшкой» не хотелось, мало ли чем ее посыпали! Поразмыслив немного, я сбегала в ванную и попила водички из-под крана, воду в трубах сдобрить лекарствами невозможно, ею пользуются все. На вкус она отвратительная, зато безопасная. И вот вопрос, как мне уйти ночью из палаты? На плане, который мне заботливо предоставил тот, кто приготовил книгу «Приключения пса Димона Коробкова», было указано, что видеонаблюдения в лаборатории нет. И в саду оно отсутствует. Камеры, которые висят повсюду, фальшивые. Клиника экономит на охране. Сотрудники, которые оформляют договор на обслуживание, самозабвенно врут, что все просматривается. Но на самом деле «глаз» в медцентре не так уж много. А в отделении Маслова их вообще нет, я зря нагоняла пар в кабинку и спускала тайком творожную запеканку в трубу. Могла и не прятаться. Но вот что есть, так это особый датчик в матрасе. Он реагирует на вес. Когда пациент лежит, у медсестры на пульте горит зеленая лампочка. Если он встал, загорается красный огонек. Пять-десять минут моего отсутствия на месте никого не удивят. Понятно, что женщина сидит в туалете. Но через полчаса медсестра на посту живо поймет: больной на койке нет. И как мне уйти?

Глава 20

Обдумывая ситуацию, я отправилась в туалет, провела там минут пять, вышла и неожиданно услышала голос из сада:

– Женщина!

Я подошла к окну.

– Здесь пицца стояла! – сказала симпатичная пампушка лет сорока.

Я глянула на пустую тарелку.

– Верно. Теперь ее нет.

– Простите, я съела лепешечку, – призналась незнакомка.

– Приятного аппетита, – улыбнулась я.

– Вкусная такая.

– Охотно верю.

– Извините, пожалуйста!

– Все в порядке.

– Вы тут болеете?

– Я не заразная, – сказала я, – восстанавливаюсь после комы.

– Не боюсь микробов, – отмахнулась пампушка, – вот голодать не могу! Захотела по-маленькому, стала искать укромное местечко и... пицца! На подоконнике! Я честно спросила: «Чья еда?» Никто не ответил. Вот. Нехорошо вышло!

– Пустяки, – отмахнулась я, – не хотела ужинать. Вы меня выручили. Если откажусь есть, медсестра врачу настучит, он мне капельницу пропишет. Вас как зовут?

– Таня, – представилась женщина.

– Мы тезки, – улыбнулась я.

– Внешне тоже похожи, – засмеялась Татьяна, – короткие стрижки, волосы дыбом. И фигуры примерно одинаковые. Ваша, правда, красивее, с тонкой талией. А я чистый кабачок.

– Великолепно выглядите, – заверила я новую знакомую.

– Ой, да ладно, – кокетливо воскликнула та, – устала я очень! А сейчас ни присесть, ни поесть, ни пописать.

И тут меня осенило:

– У вас случайно нет при себе пудреницы?

– Конечно, есть, – кивнула Татьяна, раскрыла сумочку и протянула мне пластиковую коробочку. – Вот.

Я быстро подняла крышку:

– А где зеркало?

– Я вынула его.

– Почему?

Тезка смутилась:

– Я часто роняю вещи. Еще падаю, иду себе спокойно, зацеплюсь ногой за не пойми что – и плюх.

– А при чем тут зеркало? – спросила я.

– Оно разбиться может, – пояснила моя собеседница, – а всем известно, если зеркальце вдребезги, то его владелица на тот свет скоро уйдет.

– Бред! – воскликнула я.

– Просто вы не знаете историю про Минимаркета и ведьму с зеркалом, – поежилась Таня, – а мне ужас как умирать не хочется.

Она опять зевнула.

– Не выспались? – посочувствовала я.

– Очень рано встала, – вздохнула Таня, – и сегодня не удастся нормально отдохнуть.

– Почему? – задала я вопрос, прекрасно зная ответ.

– Так где мне лечь? – пригорюнилась новая знакомая. – Скамейки все уже заняли. Не умею я место под солнцем отбивать. Пока глазами хлопала, народ все лавки оккупировал.

– Зачем вы вообще сюда пришли? – поинтересовалась я.

– Мы правильные язычники... – начала Татьяна.

– А есть неправильные? – хихикнула я.

Глаза женщины вспыхнули.

– Полно! Стада! Забыли исконно русские верования! Поклоняются, например, камню на Ленинском проспекте.

– Камню? – повторила я.

– Говорю же, дураки, – поморщилась моя собеседница, – верят, что бульжник принесет им деньги, отполировали его своими поцелуями. А собачки? Идиоты трут нос скульптуре в метро на станции «Площадь Революции». Псов там несколько. Один, по мнению идиотов, здоровье приносит, другой материальное благополучие. А мы настоящие русичи, нас ведет по жизни дух шамана Минимаркета! Он всегда поможет. Главное, прийти в нужное место и попросить. У каждого из наших есть карта, где указано куда бежать с разными проблемами.

Из уст Татьяны полился рассказ, мне оставалось только моргать. Я родилась в Москве, всю жизнь провела в столице, но понятия не имела, сколько в городе «святых» мест.

– Если хочешь, чтобы все враги твои враз сдохли, – вещала Таня, – езжай к метро «Октябрьская», прочитай там заговор, и недоброжелатели исчезнут вмиг. Проверено не один раз. Болят зубы? Не трать деньги на стоматолога, обманет, просверлит вместо челюсти язык, все доктора косорукие. Бегом на кладбище, где похоронен дед Минимаркета, забыла название погоста. Прихвати ножницы. По дороге осторожно состриги у кого-нибудь в транспорте прядь волос, положи в белый полотняный мешочек, повесь его на оградку могилки бабушки и... Опля! Зубы будут как новые.

Я хотела спросить какое отношение локон, да еще чужой, имеет к твоим личным зубкам, но промолчала. И подкрадываться в метро-автобусе с ножницами к незнакомому человеку не стоит, потому что есть большая вероятность лишиться всей челюсти, а не вылечить один зуб. А новая знакомая рьяно вела свою партию.

– Никак не можешь забеременеть? Тьфу, а не проблема для Минимаркета. Возьми стул, только деревянный, прищепки для белья и отправляйся на Красную площадь. Там поставь стул прямо напротив входа в мавзолей, уцепи прищепочки за спинку, садись и читай заговор.

– Поможет? – не выдержала я.

– Стопроцентно, – заверила Татьяна, – могу с десятков девочек назвать, которые после этого обряда стали мамочками. И вот что интересно: почти всем им повезло бесплатно во время беременности наблюдаться и рожать.

Я кашлянула. Не верю в зачатие с помощью стула с прищепками. А вот про бесплатное лечение это правда. Что будет с тетенькой, которая, сев на Красной площади напротив входа в мавзолей, начнет распевать мантры? Не пройдет и пяти минут, как прибегут санитары, и койка за счет государства в сумасшедшем доме ей обеспечена.

– На месте этой больницы раньше находился дворец Минимаркета, – не умолкала Таня, – он соединялся подземной галерей с местом, где шаман молился. Вот почитай, дарю.

Она вытащила из кармана брошюру и протянула мне, я взяла книжечку и положила на тумбочку.

– Спасибо.

– Хозяйка клиники, когда покупала землю, приобрела ее с условием, что раз в году разрешит нам проводить праздник, – объяснила Татьяна, – только так владелец согласился территорию продать. И она-то не возражает, доктор орет. Каждый раз та же песня. Сначала он нас вон гонит, потом к мамочке несется. Идиот. Мы ничего плохого не делаем. В восемь вечера уходим, мусор с собой уносим. Мы тихие, интеллигентные, не хамы.

– Сегодня вы остались на ночь, – напомнила я, – сомневаюсь, что Филипп Андреевич, придя завтра на работу, будет в восторге, увидев во дворе посторонних.

Татьяна оглянулась:

– У нас недавно умер главный жрец. Вместо него выбрали нового, Ивана Селезнева, а он заявил, что на празднике непременно должен присутствовать шаман, он нам даст установку на счастливую жизнь.

Таня опять осмотрелась и еле слышно зашептала:

– Я случайно услышала их разговор. Колдун за свой визит потребовал нереальные деньги. Они с Иваном торговались, еле договорились. Да, видно, мужик обозлился, что ему меньше дали, чем он хотел, и вон чего учудил. Наши все кошмарно боятся умереть, поэтому и сидят, ждут, кто первый не выдержит. Я уверена, шаман – авантюрист.

– Если вы полагаете, что предсказатель мошенник, то почему не рассказали об этом людям? – удивилась я. – И сами тут мучаетесь?

Татьяна легла грудью на подоконник.

– А вдруг это правда? Может, не со зла он каркнул? На самом деле будущее видит? Лучше не рисковать. А насчет других... Потом станут судачить: Таня на чужих беседах уши греет, подслушивает... А я случайно. Ну уж нет! Репутацию долго зарабатывать надо, а потерять в один миг можно. У меня слава женщины, которая никогда не сплетничает, про других не судачит, не подслушивает, козни не строит, за власть не борется, не пытается главной жрицей стать. И все это правда! Я такая! Если что-то чужое, тайное знаю, так это исключительно из-за хорошего слуха. Вот!

– Танечка, – ласково защебетала я, – у меня к вам просьба. Хочу встретиться со своим парнем, он в саду меня ждет. Сейчас тепло... понимаете?

– Ага, – засмеялась тетка, – ясненько.

– Предлагаю вам лечь в мою постель, заодно выпитесь и мне поможете, – договорила я, – больным нельзя покидать после отбоя палату.

Танечка показала на камеру.

– Ничего не выйдет!

Я мысленно поблагодарила того, кто прислал мне план видеонаблюдения как сада, так и внутренних помещений.

– Она фальшивая, это макет. А вот что есть, так это датчик в матрасе. Когда больная спит, он включается, и медперсонал знает: птичка в гнезде. Если ночью на короткое время сигнал погаснет, волноваться не станут: человек в туалет отправился. Но ведь два-три часа на унитазах не сидят. Я уйду, минут через десять на посту забеспокоятся, зайдут в палату, а кровать

пустая.

– Ясно, – кивнула Таня и протянула мне руку. – Подтяни-ка, ноги сама не заброшу, высоко.

Глава 21

Минут через десять я быстро шла по направлению к забору, который разделял территории сада и лаборатории. Не знаю, кто добыл сведения об охране клиники и всего прочего, но, похоже, он не ошибся, утверждая, что все «глаза», демонстративно расставленные и повешенные повсюду, – фикция. И мне следовало сообразить это раньше. Ну зачем ставить у калитки парня с рацией, если на столбе рядом с решетчатой дверью висит объектив? Охрана вмиг заметит того, кто нарушает порядок. Вот на заборе, который окружает периметр всей территории клиники и препятствует проникновению посторонних, камеры настоящие. Перелезть через ограду не удастся. Бюро пропусков, которое не минует ни один посетитель, тоже находится под пристальным вниманием секьюрити. Кстати! Никакие автомобили, даже те, что принадлежат персоналу, внутрь не въезжают, их оставляют на парковке, которая четко делится на служебную и гостевую. И ворота одни на весь немаленький забор. Но тот, кто попал на территорию клиники, может спокойно по ней передвигаться.

Я добралась до калитки и обрадовалась. Так и думала, что охранник здесь ночью не дежурит.

Карточка-пропуск, которую я взяла из книги в библиотеке, сработала без запинки, дойти туда было нетрудно.

– Кто там? – сонным голосом осведомилась Василиса.

– Хочу взять что-нибудь почитать, – тихо ответила я.

– С ума сошли? На часы смотрели?

– Вы говорили, что работаете круглосуточно!

Дверь открылась, на пороге стояла Василиса Васильевна.

– Зачем явились? – прошептала она.

– Надо поговорить, – сказала я.

– Уходите!

Но я уже протиснулась в небольшую прихожую.

– Понимаю, вы хотите отдохнуть, но придется ответить на кое-какие мои вопросы. У нас договор о сотрудничестве: вы помогаете мне, а вам помогают вытащить из кутузки сына.

– Апчхи, – донеслось из-за закрытой двери, не той, что вела в помещение библиотеки.

– У вас гости? – насторожилась я.

– Конечно, нет, – глупо соврала Василиса.

– А кто тогда чихал? – не успокаивалась я.
– Телевизор! – нашла ответ хозяйка.
– Ой как хорошо, – обрадовалась я, – меня больше не мучает совесть, что помешала вам.

– Апчхи! – прогремело снова. – Апчхи!
– Ваш телик, похоже, простудился, – заметила я, – ему на пользу пойдет чай с малиной.

Василиса начала медленно краснеть, из-за двери послышался кашель, она открылась, появился толстый мужик в мятой футболке и видавших виды спортивных штанах.

– Вася, ты... О!
– Добрый вечер, Георгий Михайлович, – нежно пропела я.
– Мы знакомы? – удивился любовник библиотекарши.
– Односторонне, – пояснила я. – Видела, как вы пытались выдворить с территории фанатов шамана.

– Им Эмилия Францевна блажить разрешила, – прокряхтел дядька и почесал нос. – Я пришел на всякий случай, подумал, что придурки начальника охраны испугаются и уйдут.

– Тех, кто верит в Минимаркета, самым главным секьюрити больницы в трепет не привести, – усмехнулась я, – у них другие страхи. А вы женаты!
Василиса стала похожа на свеклу.

– Ну... э... как вы узнали? – загудел донжуан.
– Кольцо на вашем пальце, – любезно объяснила я. – Правда, большинство неверных мужей его в момент общения с другой женщиной снимают.

Прелюбодей глянул на свою руку:
– Да артрит у меня случился. Шишка на суставе, не могу стянуть обручалку.

– Попробуйте намылить проблемное место, – посоветовала я, – или маслица туда налить, любого.

– Вы... это... того... не подумайте плохого, – забубнил Дон Жуан, – я поругался с Галей, вот и решил переночевать где придется. С Васей мы в одном классе учились, дружим давно. Поэтому я и пришел сюда. Просто отдохнуть, ничего другого!

Я быстро заглянула в комнату:
– Кровать тут одна! И она разобрана!
– И что? – огрызнулась библиотекарша.
– Вы по-дружески легли в одну койку, – подвела я итог увиденному.
– Вот говорила тебе, дураку, – неожиданно рассердилась Василиса, –

не приходи сегодня. Чуюло мое сердце – неприятность случится. Татьяна всем расскажет о нашей любви или, что намного хуже, Эмилии наступит. Жора не соврал, мы со школы с ним вместе. Не вчера познакомились. У меня сын от этого идиота.

– Вася, – протянул мужик, – придержи язык.

– Что хочу, то и говорю! – взвилась любовница. – Всю жизнь меня за нос водишь! «Подожди, дочка в школу пойдет!» Так она ее давно окончила, не будет травмы ребенку от развода отца с тупой женой. Так тут новая проблема! Галька его теперь заболела! Надо потерпеть, пока законная половина или вылечится, или сдохнет. Жалостливый Жора такой, доченьку жалел, теперь мать ее! А мне какво? Сыну? Мальчик из-за тебя с пути сбился!

– А-а-а! Нашла виноватого! – ринулся в бой Жора. – Ну-ка вспомни! Мне двадцать стукнуло, когда я с предложением к вам пришел. Что твоя мать заявила: «Голозадый зять нам не нужен, Василиса выйдет за богатого, знаменитого, ты, лапоть рваный, ей не пара». И как ты отреагировала? Ты с маменькой согласилась. Какие теперь ко мне претензии?

– Никогда ты от жабы жирной не уйдешь! – взвизгнула библиотекарша. – На Гальку твою все записано: дача, машина, квартира. Только она узнает, что у нас с тобой любовь, и ты выскочишь на улицу голый!

– И как она выяснит, что я с тобой сплю? – спросил Жора. – Жена в клинику никогда не приходит.

Библиотекарша бесцеремонно показала на меня пальцем.

– Она растреплет!

– Точно! – с готовностью подтвердила я. – Прямо утром к Галине отправлюсь.

Георгий сузил глаза и бросился на меня. Безо всякого на то моего желания руки сами схватили охранника, ноги сделали какое-то движение, и нападавший вмиг оказался на полу.

– Еще раз хотите попробовать? – спросила я, сама сильно удивленная тем, что произошло.

– Не надо, – пропыхтел Жора, садясь, – ты меня головой о пол приложила. Здорово дерешься, а с виду мусорная куча. Жирная свинья.

– Наверное, не очень приятно осознавать, что жирная свинья тебя легко одолела, – усмехнулась я, – но мы, свиньи, такие. Предлагаю зарыть топор войны и включить логику. Василиса, вы хотите сыну помочь?

Та кивнула.

Я взглянула на Жору.

– Выбирайте: или я утром рассказываю Галине, что ее муж прелюбодей, или вы мне помогаете.

– Так выбора нет, – протянул главный охранник.

– Он всегда есть, – возразила я, – только не тот, который вас устраивает. И Василисе надо перестать смотреть на меня с ненавистью. Уж решайте, мы партнеры или нет?

Жора встал:

– Пошли на кухню, там поговорим. Васька, завари нам чаю.

Глава 22

– Ну давай, побалакаем, – предложил Жора, наливая в мою чашку заварку, похожую на нефть.

– У вас есть зеркало? – спросила я у библиотечарши.

– Да, – удивилась та.

– Можете мне его на секундочку дать? – попросила я.

Василиса открыла сумку, которая стояла на полукруглом диванчике, и вынула пудреницу. Я подняла крышку и уставилась на изображение. На меня смотрело лицо женщины, которую я хорошо знала. В висках застучали молоточки, к горлу подступила тошнота, под черепом взорвался фейерверк. Свет вокруг погас и вновь зажегся. Я выдохнула. Этти-то умерла! Давно. Михаил ушел на тот свет раньше матери. И он не совершал суицида. Я действительно была женой, а потом вдовой Миши, волею случая познакомилась с Гри...^[2] В мозгу в один момент пронеслось все, что со мной случилось. И я поняла, почему в лаборатории нет зеркала. Не знаю, какие препараты использует Маслов, но меня он почти убедил, что я невестка Этти и изменила супругу. А отражение в зеркальце вмиг расставило все на свои места.

– Ну, налюбовалась? – язвительно спросил Жора. – Бабы, как под копирку, обожают свою красоту разглядывать.

– Чем занимается Маслов? – спросила я.

– Фиг его знает, – пожал плечами Жора. – Больные у него мрут как мухи, правда сначала ума лишаются. Как Филипп выбирает человека, которого лечить будет, не знаю.

– В отделении у Маслова всегда только один пациент?

– Да, – подтвердил охранник.

– А сколько человек там работает? – не останавливалась я.

– Маслов, Фаина, Карина и Надежда, – ответил Брулев, – недавно взяли Елизавету, но она там недолго прокантовалась, ее вытурили, вернули в медцентр. Она из ваших! То-то бойкая! Ее наш Пашка привел. Где познакомился с красой ненаглядной, не спрашивайте, он попросил меня: «Дядя Георгий, устрой мою девушку, она медсестра опытная». Я ему ответил: «Опытные места не ищут, их переманивают». Он давай историю рассказывать, дескать, к ней стал завотделением приставать, а Лиза не такая! Вот и уволилась спешно.

– Не такая! – побагровела Василиса. – Самая разэтакая! Печать на лбу

стоит: подходи, кто хочет! И девушкой ее не называй! Взрослая баба! Просто выглядит молодо. Лицо свежее, но глаза возраст выдают.

– Вы знали Лизу? – уточнила я.

Василиса перекинулась:

– Из-за нее с Павлушей беда случилась.

Я попыталась связать концы в один узел:

– Павел ваш сын от господина Брулева?

– Да!

– Почему же он зовет родного отца «дядя Георгий»? – удивилась я.

– Павлик уверен, что его папа умер, – вздохнула Василиса. – Давно, когда мальчику и года не исполнилось. Жору он считает моим другом детства. Сын давно отдельно живет, ему бабушка комнату оставила. Где-то он с этой девицей познакомился. Ой, если рассказывать, то долго получится!

– Я никуда не тороплюсь, – обнадежила я библиотекаря, – начинайте.

Василиса Васильевна на секунду поджала губы, но потом начала рассказ.

Павел из тех мальчишек, от которых любые слова матери отскакивают как от стенки горох. Сколько Василиса ни внушала сыну о необходимости хорошо учиться, никакого толка не получилось. В аттестате у Паши плотным косяком стояли тройки. О том, чтобы подать документы в вуз, и речи не было, перед недорослем замаячили призраки сапог и шинели. Мать впала в панику и бросилась к Жоре со словами:

– Ты же отец, сделай что-нибудь!

Георгий не особенно забеспокоился:

– Раз дурак, пусть идет служить, авось ума наберется.

– Доченьку свою пристроил в институт! А на мальчика тебе наплевать! – разозлилась любовница.

– Девочка училась на отлично, – рявкнул Жора.

– Что ей, уродине, еще оставалось? – начала размахивать саблей Василиса.

Скандал утих часа через два, Жора крикнул и направился в медучилище, которым заведовала Зоя Егорова. Та когда-то работала в клинике, Жора ей здорово в свое время помог. Врач оказалась благодарным человеком.

– Давай оболтуса ко мне. Мальчиков я беру без экзаменов, на весь курс их раз-два и обчелся. Медучилище имеет военную кафедру, останется твой балбес дома, учеба ему как служба засчитается.

Паша пошел осваивать профессию медбрата и неожиданно увлекся,

получил диплом с отличием, Жора пристроил его в клинику Вяземской. Василиса ликовала. Любимый сыночек перерос, перестал брэнчать на гитаре и шляться с друзьями до полуночи не пойми где. Теперь он заводит разговоры о поступлении в институт, хочет стать психиатром. Рейтинг Паши в медцентре стремительно шел вверх, в один прекрасный день его пригласила к себе сама Эмилия Францевна. И через неделю Павел стал служить в «Солнечном саду», ему поручили уход за двумя больными и... за кошкой Беатрисой.

Узнав, что хозяйка доверила ее сыночку свое любимое животное, Василиса Васильевна побежала в ближайший храм и поставила свечи у всех икон. Библиотекарша отлично знала: киса для Эмилии как ребенок. Значит, Вяземская по достоинству оценила трудолюбие, аккуратность и профессиональные навыки Пашеньки, если разрешила ему давать витамины Беатрисе.

И все шло так хорошо, так здорово, так чудесно! Паша начал готовиться в институт. Эмилия, узнав о желании паренька стать психиатром, велела ему еще помогать и Филиппу Андреевичу. А тот отнесся к будущему студенту по-отечески, насоветовал книг, объяснял непонятные места в тексте. Да, у Паши не стало свободного времени, он практически не виделся с матерью, но Василиса не расстраивалась, она понимала: мальчик не безобразничает, не шляется по улицам, не пьет водку в подъезде, он бегаёт между пансионатом и лабораторией, серьезно занимается работой. Как-то раз ей удалось затащить сына в гости, и она принялась его расспрашивать:

– Чем ты занят у Маслова?

Павел строго ответил:

– Это врачебная тайна. Не имею права говорить о больных с кем-либо, кроме Филиппа Андреевича.

Василиса не обиделась, наоборот, обрадовалась. Господи! Наконец-то Пашенька поумнел! Она просто парила над землей, все окружающие говорили ей:

– Ты так помолодела!

– Ой, да ладно, – отмахивалась Василиса, – нашлись комплиментчики.

Счастье закончилось внезапно, словно кануло в яму. В один далеко не прекрасный день госпоже Терентьевой позвонил сын.

– Пашенька! – обрадовалась мать. – Как дела?

– Мама, я в полиции, – сухо ответил парень, – привези сюда спортивный костюм, кроссовки, мыло...

– Что? – закричала Василиса. – Объясни скорей...

– Не могу, – ответил Пашенька, – запиши адрес да поторопись, меня отсюда скоро увезут в СИЗО, а там свои порядки.

Библиотекарша кинулась к Жоре, тот велел ей сидеть тихо и схватился за телефон.

Через несколько часов отец Павла вернулся из отделения и сказал Василисе:

– Дело плохо! Павел напоил пациента Корсакова снотворным, влез в его шкаф, украл какие-то вещи.

– Не может быть! – ахнула Василиса.

– Еще как может, – устало ответил Жора.

– Зачем ему ерунда, которая у этого бедняги имеется, – зарыдала любовница, – ты же знаешь, у жителей пансионата ничего ценного нет. Фигня какая-то! Фотографии, сушеные цветочки...

– Алена Петрова, главная медсестра, которая поймала Пашку на горячем, сообщила, что у Корсакова очень дорогие часы, несколько десятков тысяч евро, а то и сотен стоят. Паша их спер.

– Сын не вор! – забилась в истерике Василиса.

– Грабитель! – заорал Жора. – Вот оно, твоё воспитание.

Случился скандал с битьем посуды, потом пара успокоилась.

– Его взяли с часами, – мрачно пояснил Жора, – в кармане он их носил! Идиот! Теперь закатают его лет на семь!

– На сколько? – обомлела мать. – За такую ерунду? Паша, наверное, часы вернул!

– Их у него отобрали! – отрезал Жора.

– Он извинится, больше никогда так не поступит, – лепетала мать, – Пашенька хороший, умный...

– Замечательный, – фыркнул любовник, – а ты дура! Извинится, вернет! Детский сад, штаны на лямках. Воровство в особо крупных размерах – вот как это в уголовном кодексе называется!

– Часы маленькие, – возразила Василиса, – не машина.

– От дура! – вскипел Георгий. – Не по размеру ценят, по стоимости. Короче, сиди тихо, не высывайся из библиотеки. Если кто с вопросами придет, отвечай: «Не могу на личные темы в рабочее время беседовать». Захлопни и заклей рот. Ляпнешь по простоте своей чего не то, хуже своему сыну-кретину сделаешь.

– Он и твой ребенок, – заорала Василиса.

И она снова устроила Куликовскую битву.

На следующий день ближе к ночи Жора обрадовал Василису:

– Я нашел человека, который поможет.

– Адвокат нереальных денег потребует, – всхлипнула та. – А где их взять? Ты почти всю свою зарплату в законную семью несешь, нам с Пашей крохи переппадают.

– Помнишь Елизавету? – спросил Георгий.

– Кого? – не поняла библиотекарьша.

– Женщину, которая Пашке понравилась, – напомнил охранник, – он еще просил меня ее в клинику устроить. А ты велела ее не брать.

– Конечно! – разозлилась Василиса. – Увидела их случайно в кафе неподалеку от клиники. Бабе точно за тридцать, крашенная, морда глупая, прижималась к мальчику, прикидывалась школьницей... Сразу видно, чего она хочет! Пашенька неопытный, думаю, девочки у него никогда не было. Он, не дай бог, на потасканной обезьяне жениться надумает. Я его воспитала честным...

– Ты его воспитала вором, – перебил Жора, – и дураком в придачу. Если уж спер часы, так не таскай их в кармане! И не малыш он! Давно взрослый! И с бабами у него порядок, просто он тебе о них не докладывает. Елизавета ему очень понравилась, я бы ее в отдел персонала рекомендовал, да ты, когда от меня узнала о просьбе сына, в раж вошла. Я и бортанул Лизу. И что? Теперь она одна Пашке помочь согласна! И денег за услуги не просит.

– Как она моего мальчика спасет? – заплакала Василиса.

– Ее ближайший родственник работает в системе особых бригад, – нехотя стал объяснять любовник, – я о них краем уха слышал. Профи высокого полета, частная структура. Если возьмутся за Пашкину беду, вытащат его из каталажки.

Василиса молитвенно сложила руки.

– Жорик! Я перед ней на колени встану! Пусть только мальчика домой вернет.

– Да нужна ты ей! – отмахнулся Георгий. – Я ей потребовался. Вопрос поставлен ребром: Елизавета хочет работать в «Солнечном саду». Как только ее оформят на работу, Пашке помогут.

– Скорей звони в отдел персонала, – потребовала Василиса, – не сиди пнем, действуй.

Библиотекарьша замолчала.

Глава 23

– Георгий, вы сумели пристроить Лизу? – прервала я тишину.

– Я служу в клинике с момента ее основания, – уточнил Георгий, – с Эмилией Францевной очень давно знаком. Еще до того, как она медцентр основала. Гениальная женщина. Я работал в милиции, зеленый такой, недавно на службу попал, опыта никакого. А Вяземскую обокрали, квартиру вскрыли, уперли из прихожей ондатровые шапки. Помните такие?

Я засмеялась:

– Конечно. Предмет мечтаний советских мужчин. Здоровенная такая, квадратная меховая табуретка, колом на макушке стояла. Не очень удобная, но статусная. Ондатровый ужас на голове свидетельствовал о том, что его владелец принадлежит к элите общества. Он не носит вульгарного кролика, прикреплен к какому-то распределителю материальных благ или владеет солидными деньгами. У женщин ту же роль исполняла шуба из нутрии. О норке и не мечтали, она была доступна лишь очень узкой категории дам.

Жора почесал щеку:

– Оно, конечно, не малая ценность по тем годам. Но квартира была нафарширована серебром, картинами. Зачем шапки переть? Лучше унести полотно. Ни к чему долго рассказывать. Я сразу сообразил: кто-то из соседских подростков постарался, нашел красавчика. И подружился с Эмилией. Никогда не пользуюсь нашими хорошими отношениями и не хвастаюсь ими. То, что могу позвонить Вяземской в любое время дня и ночи и прийти к ней, когда захочу, никому не известно. И, конечно, я в дружбе со всем руководством, мне не составило труда главврачу сказать: «Возьми девочку, дочь моих приятелей».

Я молча слушала Георгия. Интересная получается история. В голову мне пришел вопрос:

– Жора, вы не проверяли, не пыталась ли Елизавета когда-либо уже устроиться к вам? Но ей отказали.

Он кивнул:

– Отдел персонала сразу по базе увидел, что она подавала заявление, но ее бортанули, потому что сестра общего профиля была не нужна. Мы берем только высококлассных специалистов, которые работали по узкому профилю. Ну, например, необходим средний медперсонал в стоматологии. Женщина, которая работала в травмпункте, не подойдет, даже если она мегапрофи, будут рассматривать заявления тех, кто с дантистами работал.

А вот в травме никогда не примут ту, что все про зубы знает. В педиатрии работают исключительно те, кто с детьми имел дело, не моложе тридцати и непременно сами матери. Медсестры здесь все узкой специализации.

– Везде бы так, – вздохнула я.

– Стараемся, – улыбнулся Жора. – Елизавета же специалист по общему уходу. Характеристики – лучше не найти. Образование прекрасное. Такие женщины нужны, но не нам.

– Понятно, – протянула я.

Значит, Лиза задумала свое личное расследование намного раньше, чем сказала о нем мне. Трифонова попыталась внедриться в клинику, но ей не удалось. Надо отдать должное Елизавете, она умна, изворотлива, артистична и привыкла добиваться своего. Да еще у нее была идея фикс! Елизавета затеяла свою игру, она познакомилась с Павлом, живо влюбила в себя парня. Тот пошел к отцу с просьбой взять на работу его девушку, Георгий поговорил с Василисой и отказал сыну. Что дальше? Павел крадет часы, оказывается в полиции, Елизавета предлагает Жоре свою помощь. Тем временем бригада начинает искать пропавшую сотрудницу, выясняется, что она работает в медцентре Вяземской. Я отправляюсь в клинику... Что случилось дальше, не помню. Часть событий как ластиком стерли, я очнулась в палате...

Может, я излишне подозрительна? Вдруг это простое совпадение? Павлу понадобились деньги, он украл часы, думал, что никто не обратит внимания на их пропажу. Ну потерял безумный мужик дорогую вещь, случается такое...

Я вздохнула. Ох, похоже, без нашей девицы тут не обошлось. Некрасивая картина вырисовывается. Думаю, история с часами дело рук Елизаветы, она хотела попасть в клинику и нашла способ. Подбила парня стащить брегет. Чтобы выручить сына, главный охранник устроил Лизу в центр.

Я посмотрела на Георгия:

– Знаете, чем Маслов занимается в лаборатории?

– Хреню, – махнул рукой начальник охраны. – Эмилия ему все позволяет, обожает его. Маслов берет одного больного и работает с ним, но через некоторое время несчастный становится невменяемо. И его или родственники забирают, или он в доме престарелых селится. Вяземская очень добрая, она убогих жалеет.

– И самый первый из нищих умом Филипп Андреевич, – ехидно заметила Василиса, – великий ученый! Вот только так его исключительно на территории медцентра именуют, за воротами он обычный врач, имя им –

легион. И у него в голове бредовые идеи. В библиотеке тихо, посторонних нет, а в читальном зале и вовсе никого. Пациенты книги в палаты берут, поэтому сюда часто приходят те, кто хочет друг с другом без посторонних глаз-ушей побеседовать. Я это понимаю, поэтому говорю: «Хотите романы тут читать? Сидите сколько хотите, пойду воздухом подышу». И прогуливаюсь вокруг здания. Если окно открыто, могу кое-что случайно услышать, но дальше меня информация никогда не утекает. Один раз тут болтали Карина и Лиза. Вторая пожаловалась, что ее Маслов за глупость вытурит, никак Елизавета понять не может, чем в лаборатории занимаются. Кара ей попыталась растолковать, но она сама не титан ума, объяснила: «Врач берет тех, кто вышел из комы, и чистит им мозг. Убирает одни воспоминания, на их место помещает другие».

– Зачем? – поинтересовалась я, хотя мне один раз уже это все рассказали.

Василиса скорчила гримасу:

– Елизавета тот же вопрос задала и получила ответ. Некоторые люди впадают в бессознательное состояние из-за ужасных событий, которые с ними произошли, ну, например, обрушился дом, женщина под развалинами пару дней пролежала, ее вытащили, а несчастная лишилась чувств. Недельку на аппаратах провела, глаза открыла... Что воля, что неволя... в мозгу футбольное поле. Все вымело, как ее зовут – не знает. Филипп Андреевич начинает ей пустое пространство в башке заполнять. Но нельзя, чтобы бедолага вспомнила про завал, опять пережила этот ужас. Вот Маслов ей и объясняет: «Ничего не случилось, ты после операции, наркоз давали, онкология у тебя».

Я изумилась:

– Рак? Однако интересная замена одного ужаса на другой. Бедная тетка от страха с ума сойдет. Онкология лечится, но у народа-то в голове сидит стереотип: сказал врач про опухоль, подыскивать надо место на кладбище.

– Лиза прямо как вы отреагировала, – хмыкнула Василиса. – Карина ей начала разжевывать: Маслов полагает, что в пустоту вместо плохого воспоминания надо внедрять не менее дурную весть, хорошим не забивать.

– Немного странно, – протянула я. – Бедолагу вытащили из-под развалин дома. Если никто из родни не погиб, то, на мой взгляд, нужно сообщить больной про взрыв бытового газа и как ей повезло! Она жива! Вот в случае гибели всей семьи лучше подождать с этой вестью, пока человек окрепнет. Ведь пострадавшая потом все равно узнает правду. Захочет домой, а дома нет. Сказать ей про онкологию, операцию...

– Бред! – отрезала Василиса. – Маслов идиот! Больные у него психами становятся! Но мамочка его гением считает, великим ученым называет, а за ней весь персонал это повторяет!

– Разве Маслов сын Эмилии? – удивилась я.

– Ишь, разболталась, – поморщился Жора. – Вася, твой язык отдельно от тебя живет, несет что ему вздумается. Вяземская – тетка Филиппа, не родная, двоюродная, в общем, родня дальняя. Но он ее мамой кличет, она его сыном.

– Маслов над больными свои эксперименты ставит, – не утихала Василиса. – Спектакли разыгрывает. У него есть парочка комедиантов. Лера и Витя. Они живут на территории в небольшом домике, который стоит в укромном углу сада. Это все Кара Лизе растрепала. То-то я думала: кто они такие? Тихие, глазки в пол, вежливые, муж с женой. Прямо любопытство меня снедало: зачем они здесь?

– Меня тоже интересовала эта парочка, – поддакнул Жора. – По документам они актеры, приехали в Москву из провинции, несколько лет зарабатывали, устраивая детские праздники. Потом Эмилия их в штат взяла. Зачем? Я не выдержал, спросил. Вяземская ответила: «Они у нас культурную программу делать будут». И точно, Лера с Витей начали по отделениям ходить. В детском они песенки поют, кукольный спектакль показывают. Во взрослых фокусы демонстрируют, загадки, ребусы решать предлагают. Два-три раза в месяц выступают. Все из интернета берут. У меня таких на айпаде полно. Ну а потом мне Вася про разговор медсестер сообщила.

– Карина что разболтала? Например, мужчина по пьяни под поезд попал, – зачастила библиотекарь, – ногу ему отрезало. В депресняке он, да еще мучается, что по глупости из-за алкоголя конечность потерял. Не спит, не ест, лежит в палате, плачет. Лечащий врач уколы ему прописала. Толку нет. Того и гляди с собой покончит. И вдруг! К нему в палату приходит Витя, рыдает: «Дорогой мой человек! Спасибо! Ты спас меня, а сам на рельсы упал!» И врет, что он на краю платформы стоял, чуть под состав не свалился, мужик его оттолкнул к середине перрона, а сам на рельсы рухнул. И кто наш больной? Не пьяница, а герой! Сразу у него кураж!

– Понятно, зачем этот спектакль, пациент быстрее поправится. А вот с какой целью Филипп людям врет? И ведь нет гарантии, что к пострадавшему не вернуться реальные воспоминания! – воскликнула я.

Василиса пожала плечами:

– Я не врач. Знаю только, что Карина говорила Лизе, будто больным людям какие-то лекарства дают, их Филипп сам в лаборатории нашаманил.

Наверное, что-то неправильно он делает, раз потом все ума лишаются. Бегите от Маслова со всех пяток.

– Спасибо за совет, – кивнула я, – а теперь несколько вопросов. Вероятно, пока я находилась в коме, мне вводили какие-то ноу-хау Маслова. И я на какое-то время поверила, что мне намного меньше лет, чем на самом деле, на дворе не нынешний год, а тот, который давно миновал. Сейчас многое встало на место. Но не все. Георгий, вы произнесли странное слово «айпад», что оно означает?

Любовники переглянулись, Жора встал, взял с подоконника плоский предмет, открыл его и велел:

– Смотри и слушай внимательно.

Глава 24

Беседу с Василисой и с ее Ромео я завершила на рассвете, пошла назад в лабораторию и услышала голоса:

– Михалыч, давай ты первый свалишь! – произнес баритон.

– Да вы чего, ребятки! – ответил какой-то мужчина. – И не подумаю.

– Так тебе уже шестьдесят прозвенело!

– И что?

– Ты самый старый здесь.

– Вот здорово! Алексей, ты с ума сошел? У меня жена, дети.

– Ты хотел сказать – внуки!

– И они есть, не спорю, – согласился Михалыч, – живут при своих родителях, при сыне моем и невестке. Душа о внучатах не болит, они не брошенки. Но у нас с женой две девочки еще, им три и четыре.

– Чего? – изумился Алексей.

– Года, – уточнил его собеседник.

Послышался свист.

– Ну ваще! Так вы с женой... того самого?

– Нет, ей детей ветром надуло.

– Не обижайся.

– Чего на дурака дуться.

– Ты же старый.

– Лучше быть старым, но умным, чем молодым идиотом.

– Я в журнале читал, что в тридцать пять лет... ну... без постели уже...

Михалыч рассмеялся:

– У тебя так и будет, раз прессе веришь. А я всякую дрянь не покупаю, поэтому мы с супругой живем счастливо.

– Слушай, а как это она в шестьдесят семь ребенка родила, да еще два раза?

– Действительно, странно, – согласился Михалыч, – одного ребенка два раза не родишь.

– Я имел в виду, что...

– Да понял я! Мне седьмой десяток, а Галюше двадцать пять.

– Офигеть! Ты такой богатый?

– Семью содержу, квартира есть, дача, работаю, но не олигарх.

– Почему же на молодой женился?

– А зачем мне старая?

– Я не то спросил! Почему она тобой заинтересовалась? Ей же ты в отцы годишься. Ладно бы в банке у тебя миллиарды лежали. Вот со мной девчонки не хотят спать, потому что у меня бабла нет. Почему она с тобой согласилась?

– Потому что ее сверстники все, как ты, – ответил Михалыч, – дураки. Одни деньги в башке. Отстань от меня. Я первым не уйду!

– Умереть боишься?

– У меня дети. А у тебя никого! Вот и шагай отсюда!

– Надо первой Катку вытурить, – предложил дискант.

Я свернула в кусты, незаметно миновала последователей шамана, которые яростно спорили, кому первому уходить домой, влезла в окно и увидела... пустую кровать. На тумбочке стоял поднос с тарелкой, в которой, похоже, недавно была геркулесовая каша. Я растерялась. Где моя тетка?

Из предбанника послышались шаги, в комнате появилась Карина.

– О! Уже встали! Ну вы метеор! Пять минут назад я зашла, принесла завтрак. Гляжу, Сергеева лежит лицом к стене, в одеяло, как бабочка в кокон, завернулась и похрапывает. Оставила еду, побежала за напитком. А вы! Одета! И все съели. Ну и скорость!

– Услышала, как кто-то в палате ходит, – соврала я, – да пока очнулась, уже никого не было. Очень есть хотела, вмиг кашку уничтожила.

– Вы умница, – похвалила меня Карина, – и красавица. В девять вас Филипп Андреевич отведет на процедуру вертикализации памяти. Потом погуляете.

– Что это такое? – насторожилась я. – Уколы? У меня на иглу аллергия!

– Нет! Не бойтесь. Это аппарат, – объяснила медсестра. – Он обогащает мозг кислородом.

– А-а-а-а, – протянула я.

– Это не больно. Мы стараемся инъекциями не злоупотреблять, – тараторила девушка, – Филипп Андреевич не хочет нервировать больных. Я сейчас отойду ненадолго и вернусь к вам.

– Кара, ты где? – крикнул из коридора мужской голос.

– Простите, – бормотнула медсестра и убежала.

Я села на кровать, вытащила из-за пазухи несколько листов, которые Жора, получив письмо от Коробкова, напечатал на принтере, и начала читать.

«Справка на Виктора и Валерию, брата и сестру Головановых. Родители живут в Елизейске, в ста пятидесяти километрах от

Владивостока. Отец – местный мэ́р, мать – заведующая горбольницей. Дети с ранних лет были звездами Елизейска, все ими восхищались, Витя и Лера постоянно первые места на разных смотрах-конкурсах занимали. Работали в школьном театре, играли там главные роли в спектаклях. Блестяще окончили школу, оба получили золотые медали. Улетели в Москву, отнесли документы во все вузы – ГИТИС, ВГИК, Щепкинское, Щукинское... Нигде дальше первого тура не прошли. В город детства не вернулись. Где поселились, чем занимались – неизвестно, наверное, папа-мэ́р им в Москве квартиру снял. Следующие три года они пытались взять штурмом институты, но ничего не получилось. Потом отец-чиновник умер. Что делали брат с сестрой – неизвестно, через несколько лет они появились в интернете как владельцы агентства «Всем весело». Но официально такой фирмы нет, а информация, изложенная на сайте, вранье. Там написано: «Мы существуем с тысяча девятьсот сорок третьего года». Похоже, пятерки по истории деткам ставили из подхалимства перед мэром. В разгар войны в Москве появилась частная фирма? Уже смешно! Да еще такая, которая всех веселила? Слов нет! Снимки, которые там даны, взяты из разных архивов. Праздник в пионерлагере «Артек». Или спортивная эстафета пионеров на Садовом кольце в тысяча девятьсот тридцать третьем году, за несколько лет до якобы создания агентства. Уж не знаю, приглашал ли кто развеселую парочку. За много десятилетий до своего появления на свет Витя и Лера уже проводили мероприятия. Потом господа Головановы впервые нанялись на службу официально. Виктор – начальник отдела психологической разгрузки клиники Вяземской, Валерия его заместитель. А вот сотрудников у них нет. Местом проживания названо служебное помещение на территории медцентра. Если верить зарплатной ведомости, оклады у братца и сестрицы одинаковые и совсем не велики. Думаю, им в карман падает больше того, что указано официально. Почему я так решила? И брат, и сестра владеют иномарками. Недавно Головановы внесли первый взнос за отдельные квартиры в новом комплексе. Ипотеку не оформляли, значит, собираются отдать деньги за жилье полностью из своей мощны.

В прошлом парочки есть темная история. Перед выпускными экзаменами в школе Головановы отправились на пикник с друзьями. Компания состояла из двух их одноклассников, Владимира Чернова и Клавдии Юркиной. Последняя поругалась с товарищами и убежала. Ребята не стали ее искать. Вечером они, взяв рюкзак Клавдии, вернулись домой и узнали, что Юркина не возвращалась. Все. Девочку так и не нашли. Ее мать громогласно объявила Чернова и Головановых убийцами, кричала:

– Витька и Вовка к Клаве приставали. Дочь мне на них жаловалась.

Парни ее изнасиловали и убили.

Но, кроме слов убитой горем матери, других обвинений не было. Отец Чернова служил начальником местной милиции. После получения аттестата вся троица уехала в столицу. Чернов поступил на журфак, через два года умер от передоза героина...»

– Простите, – прошептал женский голос.

Я подняла глаза и увидела голову Тани, которая высовывалась из туалета.

– Посторонних нет? – осведомилась моя тезка.

– Договаривались же, что вы не встаете до моего возвращения, – упрекнула я последовательницу шамана Минимаркета.

– От аромата каши проснулась, – призналась Татьяна, – обожаю геркулес. Не удержалась и слопала. Извините. А сейчас меня чего-то тошнит! Я к кашке в больнице пристрастилась, когда язву лечила. Про больной желудок забыла, здоровая теперь. Но геркулес ем, как в клинике давали, варю на воде, а здесь был на молоке. Наверное, поэтому меня стошнило.

– Ерунда, – отмахнулась я, – съели – и ладно.

– Потом в туалет захотела, – объяснила Таня, – засела там, слышу, кто-то вошел, голоса. Сообразила, что выходить нельзя.

– Вы молодец, – похвалила я, – спасибо за помощь. До свидания.

– Вам мерси, – заулыбалась Таня, – поспала я в кайф, поела, помылась! Блеск. Могу и сегодня здесь задряхнуть.

– Если понадобится, непременно попрошу вас, – кивнула я и встала.

Татьяна стала вылезать в окно из палаты и свалилась в кусты.

– Вы живы? – спросила я, подходя к окну.

– Ага, – прокряхтела Таня, – только чего-то живот крутит, прямо война там.

– Ну, готовы к процедуре? – произнесла Карина за моей спиной.

Я обернулась:

– Наверное. Вот решила воздухом подышать.

– После занятий погуляете, – пообещала Кара. – Давайте окошко закрою. Вдруг кто влезет!

Я прикинулась испуганной:

– Мне говорили, что в клинике безопасно, и на сайте у вас так написано. Видела, что повсюду камеры висят, и в палате они тоже есть.

– Не беспокойтесь, видеонаблюдение постоянное, – не моргнув глазом, соврала медсестра, – но на площадке сумасшедшие любители шамана. Кто знает, что им в голову втемяшится? Залезут к вам, попрутся в туалет, в

вещах рыться начнут. Конечно, вскоре охрана примчится, но вмиг она из-под земли не появится. Лучше не рисковать.

Я легким движением оттеснила девушку от подоконника и сама захлопнула окно.

– Вы абсолютно правы.

Глава 25

– Чудесная машина, – гордо возвестил Филипп Андреевич, показывая на нечто, смахивающее на скафандр без шлема.

«Машина» была прикреплена к толстой железной палке, а та в свою очередь держалась на ремнях и каких-то креплениях, которые спускались с потолка.

– Нравится? – спросил Маслов.

– М-м-м, – промычала я.

– Моя докторская диссертация, – похвастался врач, – в мире ничего подобного нет.

– Интересная штука, – польстила я ему. – Как она работает?

– Облачаетесь в освежитель мозга, – предложил Филипп Андреевич. – Конечно, научное название аппарата другое, но оно длинное, плохо простым человеком запоминается. Поэтому я именую изобретение освежителем. Я вас хорошенько закреплю, задам программу, и начнется процедура. Во время манипуляции вам будут задавать вопросы на проверку умственной деятельности. В зависимости от правильного или неверного ответа программа сама себя скорректирует. Вы получите мощный толчок, память заработает как часы. Ну? Начнем?

– Ладно, – без особого энтузиазма согласилась я.

– Влезайте, – приказал Маслов.

– В скафандр? – уточнила я.

– В костюм, – поправил Маслов.

Я кое-как влезла в одежду.

– Ноги щелкнули? – поинтересовался врач.

– Нет, а должны? – спросила я.

– Пропихните ступню подальше.

– Не получается, ботинок маленький.

– Не может быть.

– Сами попытайтесь.

– Вылезайте, – велел Филипп Андреевич, – изначально неправильно получилось. Нужно принять позу Леонардо да Винчи.

– Это как? – не сообразила я. – И кто это?

– Вы не знаете, кто да Винчи?

Я решила вдохновенно изображать даму с амнезией.

– Возможно, он мой сосед? Или коллега?

На лице Филиппа Андреевича появилось задумчивое выражение. Скорей всего, доктор пытался понять: пациентка – идиотка? Она просто никогда не слышала про великого Леонардо, создателя «Моны Лизы», других полотен и многих технических изобретений? Или госпожа Сергеева напрочь забыла про это.

– Давайте покажу, – решил Маслов и полез в комбинезон. – Руки сюда, голову держим ровно, таз помещаем в углубление, теперь ноги засовываем до сигнала.

Послышался щелчок.

– Вот, – обрадовался врач, – готово. Вам остается лишь взять с меня пример.

– Поняла, – вздохнула я, – сейчас попробую.

Пару секунд мы с Масловым смотрели друг на друга, потом он сказал:

– Татьяна, позовите Карину, аппарат нельзя покинуть после щелчка. Капсула расстегивается или после полного завершения цикла исследования, или принудительно. Поторопитесь, пожалуйста, времени до старта две минуты.

Я вышла в коридор, увидела пустую стойку и крикнула:

– Карина!

Нет ответа.

– Кара!

Никакой реакции, пришлось вернуться назад.

– Медсестры нет.

– Безобразия! Куда она подевалась? – разозлился доктор.

– Может, в туалет побежала, – решила я.

– Татьяна, подойдите к пульту управления, – попросил Маслов.

– Такая доска с лампочками? – уточнила я.

– Именно она. Слева зеленая кнопка. Видите?

Я посмотрела налево. На мой взгляд, пупочка синяя, а другой тут просто нет.

– Нашли? – с нетерпением осведомился Филипп Андреевич.

– Да.

– Нажимайте скорей!

Я ткнула пальцем в кнопку. Послышался скрип, комбинезон начал раскачиваться.

– Стой, стой, – завопил врач.

– Я не двигаюсь, – испугалась я.

– Да не вы! Аппарат! Остановите его!

– Как?

– Жмите на зеленую кнопку. Слева.
Я повторила действие. Скафандр стал подниматься над полом.
– Куда вы пальцем тыкали? – заревел психиатр.
– В кнопку слева, – отчиталась я.
– Тогда нажмите на ту, что рядом, розовую!
– Синяя одна на панели, около нее ничего нет, – сообщила я.
– Так вы придавили синюю?!

– Да.
– А я велел зеленую.
– Зеленую слева, – уточнила я, – а в этой стороне только синяя.
– Как можно перепутать два разных цвета! – заорал Маслов, который уже болтался под потолком.
– Они похожи, – объяснила я, – решила, что для вас синий это зеленый.
– Слева еще есть розовая, красная, коричневая кнопки, – кричал Маслов.
– Они справа! – возразила я.
– От вас! А от меня слева! – закричал врач.
– Так зачем вы говорите, как от вас? – удивилась я. – Надо как от меня!
– Скорей жми на оранжевую справа. Она на другой панели, рядом.
Я на секунду задумалась. Справа от него, это слева от меня. Вот сюда, значит. Я нажала на кнопку цвета апельсина. Скафандр развернуло, психиатр повис параллельно полу.
– Начинаем исследование, – сказал приятный женский голос, – дышите ровно, не волнуйтесь.
– Немедленно включи аварийную остановку, – заорал Филипп Андреевич.
– Не умею, – ответила я.
– Розовая педаль перед носом! – взвыл доктор. – Действуй живей!
– Такой нет, – ответила я, – вижу только экран.
– Перед моим носом, – возопил врач.
Я поспешила к скафандру.
– Но вы смотрите на стену! Она гладкая, ничего из нее не торчит.
– Немедленно вернись на место и поверни свой нос вправо, – раздался новый приказ.
Я повиновалась и пробормотала:
– Стою там, где вы просили, это сделать нетрудно. Но не могу нос повернуть.
– Немедленно сделай это! – закричал Филипп Андреевич.
– Через десять секунд стартует цикл, – объявил женский голос.

– Так нос отдельно от головы не двигается, – возразила я. – Как я его поверну? Только вместе с черепом.

Снова включилась запись.

– Дышите ровно, почувствуйте себя спокойно. Если по какой-то причине не хотите отвечать на вопросы, говорите: нет. Исследование пройдет в комфортных для...

– Да останови это немедленно! Коза! Дура! – потерял вежливость Филипп Андреевич. – Впервые с такой идиоткой сталкиваюсь.

– ...больного условиях, – вещало тем временем сопрано, – ни боли, ни стресса вы не испытаете. Внимание. Первый вопрос. Проверка памяти. Ваше имя!

– Нет! – заорал Маслов. – Яя врач!

– Ответ принят, – объявила машина.

Послышалось ровное гудение, скафандр перевернуло вниз головой.

– Второй вопрос. Проверка памяти. Не я врач, сколько вам лет?

– Выключи ее! – закричал Филипп Андреевич.

Я начала нажимать на все кнопки, но машина не желала повиноваться.

– Ответ принят.

Раздался скрип, доктора перевернуло с головы на ноги.

– Вопрос третий. Проверка образования. Где находится Акаямбасо?

Я заморгала. Акаямбасо? Это страна? Город? Остров? Впервые слышу это слово.

– Ну, погоди! – пригрозил врач. – Когда все закончится...

От стены отделился железный рычаг, он заканчивался «рукой», которая держала стакан. Емкость подъехала к шее доктора.

– Исследование первое. Проверка терпения. Выпейте, – нежно предложила машина.

– Не хочу, – взвизгнул Маслов.

– Надо, – коротко велело сопрано.

– Немедленно выключи, немедленно выключи, – твердил Маслов.

– Не получается, – призналась я, – стучу по пульта управления, а он не реагирует! Вообще.

– Выпейте!

– Убери...!

– Нецензурная брань на территории клиники запрещена. На ваш счет записан денежный штраф. Выпейте. Прием жидкости необходим для дальнейшего проведения исследования. Выпейте.

– ...! – взвыл врач.

– Штраф за брань, – немедленно отреагировало сопрано.

«Рука» отъехала к стене, из потолка бесшумно спустился шланг и залез за воротник скафандра. Филипп Андреевич начал извиваться ужом.

– Исследование два. Проверка поведения в условиях дискомфорта. Вы испытываете злость?

– А-а-а, – завопил врач, – убери душ! Сейчас же.

– Гнев? – продолжал любопытствовать голос.

– ...!

– Ответ принят. Штраф не налагается, – подвел итог громкоговоритель.

Скафандр начал раскачиваться, потом снова перевернулся вниз головой, на пол потекла вода. От стены отделился другой рычаг, он нес миску с непонятным содержимым, которое пахло тухлыми яйцами. Она вмиг подъехала к носу Маслова.

– Исследование три. Умение управлять гневом. Чувствуете желание убить меня?

– Вот только освобожусь, сразу тебе наподдам! – пошел вразнос Филипп.

– Ответ принят.

И тут в кабинет заглянула Карина.

– Вы меня звали?

Из уст психиатра полились такие выражения, что я попятилась.

– Что тут творится? – обомлела Карина.

– ...! ...! ...! – орал Маслов, в лицо которого тыкалась миска.

– Филипп Андреевич решил показать, как пользоваться костюмом, сам в него влез, и машина заработала, – пояснила я, – а как ее остановить, я не знаю!

– Потому что дура феноменальная, – завопил врач, – коза тупая! Ослиха!

Карина бросилась к стене, открыла маленькую дверцу и нажала на кнопку. Аппарат перестал гудеть.

– Где ты шлялась? – перешел на визг врач.

– Провожала санэпидемстанцию, – ответила Кара. – Анна Николаевна попросила помочь ей образцы до машины донести.

– Кто? – почти спокойно поинтересовался Маслов.

Медсестра затараторила. Оказывается, некоторое время назад в лаборатории появилась еле живая на вид старушка в халате и с двумя чемоданами, набитыми пробирками. Она сообщила, что должна взять пробы в комнате, где стоит аппарат Маслова, показала удостоверение сотрудника санэпидемстанции. Карина впустила бабулю, а та велела ей

выйти, так как лампа, которой Анна Николаевна облучит кабинет, может повлиять на способность Кары родить здорового ребенка.

– А как же вы? – забеспокоилась медсестра.

Старушка махнула рукой:

– У меня трое сыновей, толпа внуков и возраст нерепродуктивный.

Кара скрылась. Вскоре Анна Николаевна закончила свою работу и попросила медсестру помочь ей с чемоданами.

– Дура стоеросовая, – завопил Филипп Андреевич, – какая лампа? Санэпидемстанция! Ну я разберусь! Ну я все Эмили рассказу!

– Вытащи меня! Очень хочу этой... наподдать, кретинке Татьяне!

Я посмотрела на врача, который по-прежнему висел вниз головой.

– Да, я потеряла часть памяти. Но сей факт не позволяет вам унижать меня. До свидания.

– Куда вы? – занервничала Карина.

– По какой причине вы этим интересуетесь? – прищурилась я.

– Вам нельзя уходить, – пропела медсестра, расстегивая комбинезон.

– Меня арестовали? – уточнила я.

– Конечно, нет, – ожидаемо ответила девушка.

– Я нахожусь на принудительном лечении? – не успокаивалась я. – Считаюсь психиатрической больной, которая опасна для себя и окружающих?

– Не несите чушь, – буркнула Карина, – вы просто избавляетесь от последствий комы.

– Раз так, то ни одна клиника в мире не имеет права удерживать меня в своих стенах, – заявила я. – Доктор не смеет обзывать больную последними словами. А медсестра – говорить: «Не несите чушь». Это непрофессиональное поведение. Не желаю более иметь с вами дела. Прощайте.

Карина отпустила скафандр и бросилась к пациентке, которая вознамерилась смыться. Маслов с грохотом упал на пол и разразился очередным потоком ругательств.

Медсестра схватила меня за руку:

– Стойте.

Я вырвала свою кисть из ее пальцев:

– Не прикасайтесь ко мне.

– Вы куда?

– Не ваше дело!

– Не имеете права уходить.

– Почему?

– Ну... за ваше лечение заплатили! Большую сумму. Она не возвращается в случае самовольного побега.

– И кто внес деньги? – поинтересовалась я.

– Родственники.

– У меня их нет. Назовите имя, – потребовала я.

– Ну... не знаю!

– До свидания.

– Погодите. Вроде о вас позаботилась свекровь. Она так за вас переживает!

– Плевать мне на ее деньги, – сказала я, – не свои потратила.

– Если вы уйдете, меня уволят, – применила шантаж Кара.

Я замерла на месте:

– Ну, ладно. Пойду погуляю по саду, мне надо побыть одной, привести нервы в спокойное состояние. Так и быть, ради вас я могу остаться. Но только при условии искренних извинений.

Карина начала кланяться:

– Простите, пожалуйста!

– Не ваших, – остановила я ее, – хочу услышать слова сожаления о хамстве Маслова из уст Эмилии Францевны. Только в этом случае я изменю решение об уходе.

Глава 26

До небольшого домика, стоявшего в глухом уголке сада, я добралась довольно быстро. Ища глазами звонок, я машинально дернула за ручку. Дверь неожиданно распахнулась, я очутилась в крохотной прихожей. На одной стене висело большое зеркало, около него на крючках болтались вешалки. Я посмотрела на одежду, парик, который лежал на полочке, и усмехнулась.

– Вы кто? – удивилась молодая женщина, выходя из комнаты. – Как сюда попали?

– Через дверь, – объяснила я. – Она открыта!

– Мой муж всегда забывает запереть замок, – рассердилась Валерия. – Извините, этот дом частная собственность. Вам придется уйти. Наверное, вы хотели попасть в библиотеку? Вернитесь к указателю со словами «Солнечный сад» и поверните налево. До свидания. Хорошего вам дня.

– Красивые брюки, – заметила я, показывая на вешалку, – и пуловер. Жаль, что эти вещи считались модными не припомню сколько лет назад. И зачем парик? Такие роскошные волосы, как у вас, не стоит прятать под искусственной шевелюрой.

Лера нахмурилась:

– Женщина, у меня нет времени на беседы, покиньте мой дом.

Я прикинулась огорченной:

– Мы же с вами приятельницы.

– Прощайте, – уже нелюбезно заявила Лера.

Я прислонилась к стене:

– Меня зовут Татьяна Сергеева.

– Рада за вас, – фыркнула хозяйка, – уходите из нашего с мужем коттеджа.

Но я не шелохнулась:

– Сразу две неправды в одном предложении. Дом является служебным, вы его не арендовали. Головановых просто поселили тут. Арендная плата за дом не вносится, поэтому сюда имеет право войти любой человек. И вы с Виктором не супруги, а брат с сестрой.

Лера отступила к порогу комнаты:

– Вы кто?

– Таня Сергеева, – повторила я.

– Мы знакомы?

– Конечно, дорогая Этти. Давно. И очень близко, – ухмыльнулась я. У Валерии забегали глаза.

– Татьяна, вы меня с кем-то перепутали.

– Нет, – возразила я, – вы Этти, моя свекровь, принесли ночью мне письмо от своего сына Миши, который покончил с собой, когда выяснил, что жена, то бишь я, ему изменила.

– Это просто бред, – ненатурально возмутилась Лера, – посмотрите на меня внимательно. Да я намного моложе вас! Когда вы выходили замуж, я еще в пеленках лежала!

– Вы не юное создание, вон вокруг глаз полно морщин, – не сдержалась я, – и между бровями две складки четко наметились. Валерия, я отлично видела вас поздним вечером под окном моей палаты.

– Бред.

– В этой одежде.

– Глупая выдумка. Удивительно, какие людям в голову идиотские мысли приходят, – закудаhtала Голованова, – вам надо фантастические романы писать.

– Я тоже поражаюсь, – сказала я. – Каким образом покойная Этти вылезла из могилы?

– Покойная? – повторила Валерия. – Она умерла?

– Да, причем давно и позже Михаила, – объяснила я, – сын скончался раньше матери. Весьма неприятная история. Вы вляпались в нечто совсем скверное. Кстати, передаю вам привет от Зинаиды Павловны Юркиной, матери Клавы.

– Впервые эту фамилию слышу! – живо ответила Лера. Я улыбнулась:

– Лера, вы легко можете обмануть больного человека, который одурманен препаратами. Но тогда у вас есть сценарий, роль, которую вы выучили. А вот с импровизацией у вас плохо. Сейчас вы должны были отреагировать иначе, сказать: «Ой, я так рада, что мамочка моей одноклассницы жива! К сожалению, Клава давно пропала. Трагическая история». А вы глупо отрицаете факт вашего знакомства. Неужели не понимаете, что найти список учащихся легко?

Лера пожала плечами:

– Даже подумать не могла, что речь идет о матери Клавы. Это давняя история. Забытая.

– Не всеми, – возразила я и принялась вдохновенно лгать. – Зинаида Павловна до сих пор не может успокоиться. Она хочет найти своего ребенка. Поэтому и обратилась в очень серьезную организацию. Я здесь

неспроста, я выяснила, кто виноват в смерти девочки.

У Леры над губой выступили капельки пота.

– Зачем вы рассказываете эту чушь?

– Клавдию Юркину лишили жизни вы, – самозабвенно врала я, – нашелся свидетель. Местный грибник. Он с раннего утра бегал по лесу, устал, присел отдохнуть и случайно видел все, что произошло. Когда местная милиция начала опрашивать людей, любитель сыроежек испугался. Он-то знал, что преступление совершили дети мэра и начальника милиции, и понимал: папочки Витю, Леру и Володю отмажут, а ему плохо придется. Поэтому и молчал. Но теперь, когда ваши родители умерли, язык у мужика развязался. И то, что вы с братом уехали в Москву, не поможет вам уйти от ответственности. Владимир Чернов умер, а вы живы и ответите за убийство.

У Валерии быстро задергалось веко правого глаза.

– Я не виновата! Это Витька! Когда...

Лера ойкнула и закрыла рот.

– Есть единственный шанс вытащить свой хвост из мышеловки, – сказала я. – Ответите честно на мои вопросы, и я помогу вам. Где Виктор?

– Уехал в город, – бормотнула Лера и опомнилась. – Почему я должна верить вам?

– Потому что выхода иного нет, – объяснила я. – Хотя решать вам. Я предлагаю сделку: вы рассказываете то, что мне надо, и останетесь на свободе. Не хотите? Я обращусь к Виктору. Когда вернется брат?

– Вечером. Поздно, – тихо сказала Лера, – идите на кухню.

Глава 27

– Ничего дурного мы не делаем, – завела Валерия, когда мы уселись за маленький столик, – работаем в лаборатории у Маслова. Он использует метод эмоционально-шоково-заместительной терапии. Его суть...

Я внимательно слушала, как Валерия повторяет то, что я слышала уже от Георгия и Василисы.

– Мы помогаем человеку выздороветь, – с пафосом завершила рассказ Голованова.

– Убеждая больного в том, чего нет? – спросила я.

Лера мигом перевалила ответственность на Филиппа.

– Так его доктор лечит, мы просто спектакль разыгрываем.

– Наверное, те, кто поправился, вас потом благодарят, – воскликнула я, – конфеты дарят.

– Конечно! – снова солгала Валерия. – И цветы.

Я расплылась в улыбке:

– Ясно. Не получается у нас разговор.

– Я честно отвечаю на вопросы, что вам еще надо? – возмутилась Голованова.

– Отвечаете, – согласилась я. – Но врете, вы устраиваете шоу, а здоровье-то к людям не возвращается. Пациенты становятся безумными и переезжают в «Солнечный сад».

– Не все, – заспорила Валерия, – вот, например, Дмитрий Картов поправился. Всех я не помню, а его не забыла, потому что он в клинику тридцать первого декабря попал, у нас встреча Нового года сорвалась.

Я пристально посмотрела на Леру.

– Картов лечился три недели, выписался и через месяц выбросился из окна, не оставив письма. Галупина Елена. Тоже покончила с собой, покинув медцентр. Она повесилась. Интересная картина наблюдается. У меня есть сведения за несколько лет. Все, кого лечил Филипп Андреевич, или оказывались в пансионате, или уезжали домой. Но! И те и другие вскоре умирали. Больные в доме престарелых погибали от разных причин: оторвался тромб, инсульт, инфаркт. Никакого криминала. А вот «домашние» сами лишали себя жизни. Правда, странно?

Лера молчала.

– Вам не приходило в голову, что вы участвуете в скверном деле? – продолжала я. – Вы знали Елизавету, медсестру?

– Девушку, которая недавно на работу пришла, но многое успела? Любовницу начальника охраны? – усмехнулась Лера.

Я постаралась скрыть удивление:

– У Георгия была в клинике любимая?

– Любимая, – повторила Валерия и рассмеялась. – Объясните, как в вашем возрасте вы сохранили иллюзии? Жора всем под юбку лезет, ко мне один раз подвалил, но вмиг по роже схлопотал. Хотя Брулев не насильник. Если ему конкретно «нет» сказать, послать его, то приставать он больше не станет. Начальнику охраны хватает тех, кто с радостью согласен под него лечь.

– Он совсем не красавец, – вздохнула я, – и не первой свежести.

– Зато хороший пост занимает, – отметила Лера, – своим лялечкам пирожки дает. Ирина из стоматологии несколько месяцев в его райский уголок бегала. И что? Сидела на ресепшен в отделении, по пяти телефонам разговаривала, отойти пописать не могла, все ее шпыняли: и больные, и врачи. Ругали, что медленно работает. Зарплата смешная, хлопот вагон. И вдруг! Жора на нее глаз положил. Кто у нас теперь Ирочка? Заведующая архивом. Чаек на рабочем месте попивает, всем, кому чего-то надо, с достоинством отвечает: «Посидите в приемной, я занята». Оклад у нее, как у всех завоёв. Вот так!

Лера рассмеялась:

– Жора ни на чей взгляд не красавец, но мужик. И поможет, и поддержит. Те, кому не влом с ним несколько месяцев за радости жизни спать, потом очень даже довольны. Их в клинике зовут «Охранный курятник». Георгий, благодаря своим кобелиным наклонностям, в курсе всего, что в медцентре творится, за что его Эмилия любит. Начальник охраны у хозяйки часами сидит, кофеек они дуют. Что вы на меня так смотрите? Все про Жоркино хобби в курсе. Одна Василиса Васильевна не знает. Или прикидывается.

Я сделала вид, что впервые слышу про библиотекаршу:

– Это кто такая?

– Ужас в кошмаре, – охотно объяснила Голованова, – сама страшная, одежда кошмарная. Гипюровая зеленая кофта, оранжевая плиссированная юбка, белые ботильоны! У-у-у-у! Тушите свечи, уносите гробик.

– Недавно я смотрела журнал, там одна модель точь-в-точь так одета была, – подначила я Леру.

– Беда, когда баба с трассы Фиговск – Хреновск пытается стать иконой стиля, – воскликнула Валерия, – чудовищная красота получается.

– А при чем тут Василиса? – продолжала я. – Она сейчас с Георгием

живет?

– Она с ним всю жизнь, – снисходительно пояснила собеседница. – У Васи тут приятельниц нет, только заведующая столовой Халя.

– Кто? – на сей раз искренне удивилась я.

Лера развеселилась:

– Галина Лоскутова. Она, когда с людьми здороваётся, руку очень смешно ковшиком складывает, боком ее поворачивает и бормочет: «Халя!» Вечно из себя девочку корчит! На голове хвостик, махрушка с кошечкой, платье короткое с принтами в виде собачек. Чума! Халя у Эмилии сто лет поваром работала. Суп ей варила, когда Вяземская еще про клинику и не думала. А потом хозяйка поварихе сделала на территории кафе, Галина вроде как бизнес-баба теперь.

– Собственное дело намного лучше работы на хозяина, – заметила я.

– Все так считают, – согласилась Лера, – но раньше-то Халя около царицы паслась, в любимицах ходила. А теперь ее в красивые хоромы редко зовут. Народ судачит, что все из-за дочки Галины произошло. Вроде она стала клинья под Филиппа, любимого племянника Вяземской подбивать, Халя их покрывала. Маслов пошел к тете просить разрешения на свадьбу...

Лера засмеялась:

– Ой! У некоторых вместо головы кастрюля! Дурами родились, идиотками помрут. Если решила за богатого выскочить, так забеременей по-тихому и сообщи, что ребенка ждешь, месяце на шестом. Так нет! Жениха она к его мамане поклоны бить отправила. Чем это закончилось? Ну? Ваша версия?

– Галине Эмилия купила кафе, убрали повариху из дома, а племяннику объяснила, что не всякая ему пара? – предположила я.

– Во-во, – закивала Валерия, – куда дочь Лоскутовой подевалась, я понятия не имею. Филипп до сих пор не женат, девушек вокруг него не видно. Халя дружит с Василисой. Библиотекарша часто в кафе у нее сидит, Жора к ним присоединяется. Ой, ну обхохочешься. Они думают, что про отношения Василисы Васильевны и Георгия Михайловича никому не известно, дескать, они просто давние друзья. Наивные! Смешные такие! Ну прямо ни один человек не догадывается. Да о них даже болтать перестали, потому что новость мхом поросла и черви ее съели. Василиса у Жоры постоянная любовница. И все полагали, что она на похождения донжуана сквозь пальцы смотрит. Мудрая позиция. Пусть от меня налево сходил, но ко мне же и вернулся. Мужей теряют те, кто скандалы затевает.

У меня от манеры Леры вести разговор, молниеносно перескакивая с

одной темы на другую, заломило виски. А Голованова тарыхтела, как заводная погремушка.

– У Жоры есть законная половина. Ее никто не видел. Она живет за забором медцентра. А тут, в клинике, Василиса его супруга. Наш секьюрити – падишах, две жены его обслуживают. И та и другая без ревности. Ну так все думали, что по барабану им! Официальная мадам про Василису знает и молчит. Василиска тоже не шипит в сторону той, у которой штамп в паспорте. Мир дружба, песня. Если появляется третья, то ненадолго. Здоровая такая семьяща, простая российская. И вдруг!

Лера округлила глаза:

– Вот расскажи мне кто, не поверила бы! Зашла я в кафе к Хале. У нее пирожки – восторг, прямо во рту тают. Хотела домой взять, и тут...

Валерия сделала паузу:

– И тут... Входит Елизавета. Платье на ней! Эротичнее некуда! Просто фильм для взрослых! Восемнадцать плюс! Короткое, в обтяг, на верхние пуговицы не застегнуто, сиськи вываливаются. Идет, попой виляет! Жора, ясное дело, рот открыл, слюна капает. И тут... Ой, мама, и тут... Библиотекарша говорит:

– Елизавета, у вас вид неподобающий!

Та ей в ответ:

– Вы комиссия по этике? Что не так?

– Одеты вызывающе, – шипит Василиса, – здесь больные люди. Им нельзя волноваться.

– Ой, вы заразу подцепили? – скорчила рожу нахалка. – Могу принести таблеточек.

Василиса ей сквозь зубы:

– Я здорова.

– В чем тогда проблема? – спросила Елизавета.

– На работе нужно носить одежду по форме, – отрезала тетка.

– Бабушка, я не на службе, – подчеркнуто вежливо сказала Елизавета, – смена закончилась.

– Так что ты тут делаешь? – рассвирепела книжная мышь.

– Жорика ищу, – кокетливо ответила медсестра, – то есть господина Брулева.

– Оставь Георгия Михайловича в покое, – посерела постоянная любовница.

– С чего бы? – вскинула брови Лиза.

– Потому что я так сказала.

– Вы типа его хозяйка?

– Не лезь к чужому мужчине.

– Так вы ему тоже не жена, – хмыкнуло эротическое видение. – Или я ошибаюсь? Жора, ты мне обещал...

Валерия захлопала в ладоши.

– Василиса вскочила, схватила нахалку за волосы и опустила мордой в тарелку с супом. О-о-о! Я чуть со смеху не умерла. Лизка, не будь душой, вырвалась, схватила стул... Жора ее за руки схватил. И пошла потеха! Василиса орет: «Чтоб ты сдох, кобель!» Лиза ей: «Заткнись, курица тупая!» В разгар Мамаева побоища выплыла в зал Халя, кретинка с подносом: «Девочки, не ссорьтесь, давайте любить друг друга, съешьте пирожки примирения»...

– Чем дело завершилось? – прервала я сладострастное описание рукопашной.

– Не знаю, – пригорюнилась Лера. – Витя в кафе зашел, увидел драку псов-рыцарей и меня увел. В каждой бабе живет животное. В одной свинья, в другой коза, в третьей попугай болтливый. А в Лизке леопард! Она так ловко Василисе наподдавала, прямо профессионально ее на пол уложила. Наверное, борьбой занималась!

Я попыталась направить фонтан слов, бивший из Валерии, в нужное русло.

– Вы упомянули, что Георгий где-то встречается с женщинами.

– Да! – подтвердила лицедейка.

– Где расположено его тайное убежище?

Валерия показала пальцем на окно:

– Назад пойдете, увидите домик с надписью «Посторонним вход запрещен. Токсичные и медицинские отходы». Не верьте табличке. Там Жорка сексодром оборудовал. Чего вам еще рассказать?

– Пока достаточно, – ответила я, – если понадобится, мы еще встретимся. Надо предупредить, что о разговоре нашем следует молчать? Или вы уже сами догадались?

Лера перекрестила рот:

– На замок закрыто.

– Вот и хорошо, – кивнула я. – Если случайно проболтаетесь, история с Юркиной Клавой тоже на свет выползет. И последнее, когда вы прикидывались под окном моей палаты Этти, вас охранник прогнал. Полагаю, что роль секьюрити исполнял Витя?

Лера молча кивнула.

Глава 28

Выйдя на улицу, я ощутила зверский голод и сообразила, что за весь день ничего не съела. Все журналы пишут: чем меньше ешь, тем симпатичнее выглядишь. Но я не принадлежу к породе женщин-бабочек, которые питаются капелькой росы. Дайте мне большую котлету и тарелку жареной картошки. Говорите, что это неправильная пища? Мясо надо лопать с овощами? Но я ненавижу кабачки и всех их родственников. Из того, что растет на огороде, мне нравится только синеглазка. Жареная! С луком! Салом! Грибами! К ней хорошо бы подать сосиски! Котлеты! Отбивную! Ростбиф! С кетчупом! Горчицей! Хреном! Квашеной капустой! Маринованным чесноком! И замолчите на тему здорового питания. Каждому свое здорово, вам по вкусу сырая капуста, а мне – котлеты!

Я сглотнула слюну и остановилась у небольшого домика с вывеской «Кафе “Ням-ням”». Желудок свело судорогой, я вошла внутрь, села за столик и взяла меню.

– Что покушаем? – спросила толстушка в переднике.

– Фирменное блюдо самого большого размера! – воскликнула я. – Скажите, как найти Галину?

– Халю? – заулыбалась официантка.

– Именно ее, – кивнула я.

– Хозяйка уехала по делам, сегодня ее тут не застанете. Приходите завтра пораньше, мы открываемся в полдень, но Халя здесь на втором этаже живет, – словоохотливо растолковала пампушечка, – позвоните с задней двери, она откроет. Можно в семь утра. Кофе вместе попьете.

– В такую рань гостью вон выставят, – засомневалась я.

– Кто? Халя? – засмеялась девушка. – Никогда, она добрая. Вы по объявлению? Трудоустроиться хотите?

– Да, – солгала я, – мне Елизавета сказала, что тут место есть.

– Кто? – спросила подавальщица.

– Лиза, медсестра, – пояснила я, – она, к сожалению, недавно умерла.

– Ваша подруга, что ли? – неожиданно сердито спросила девушка.

Я сообразила, что нельзя прикидываться приятельницей Елизаветы.

– Вовсе нет. Мы случайно познакомились. Я зубы здесь лечу. Вышла от врача, устала, села на лавочку. Ко мне подошла медсестра, внимательная такая, спросила: «Вам плохо?» Я поблагодарила ее за заботу, объяснила, что просто воздухом дышу, мы разговорились. Лиза мне и сказала про

вакансию.

– Да уж! Умела она медовой коврижкой прикинуться, – процедила толстушка.

– А на самом деле какая она? – спросила я.

– Сейчас заказ принесу, – ушла от ответа официантка и убежала.

Еда у Галины оказалась волшебно вкусной.

– Можно кое-что домой взять? – спросила я.

– Конечно, – обрадовалась пампушка, – упакую в коробочки, положу в пакетик. Выбирайте.

– Чем вам Елизавета досадила? – спросила я, вынимая кредитку, которую нашла в книге в библиотеке.

– Она Халю до слез довела, – возмутилась девушка, – сказала ей гадость про дочку. Галина мне как тетя родная, а эта шалава... Ой, не хочу вспоминать! Халя так плакала потом! Ох! Язык болтливый. Вы с Галиной, пожалуйста, только о работе говорите.

– Так о другом я и не собиралась, – соврала я.

– Про ее дочку не упоминайте, – понизила голос пампушка, – Халя по ней скучает. Она работает в Италии в какой-то семье.

– Мне и в голову не придет незнакомому человеку вопросы на личную тему задавать, – заверила я.

– Вот и хорошо, – повеселела толстушка. – Меня Зиной зовут. А фамилия прямо для официантки – Котлеткина.

– Таня, – представилась я, – но у меня фамилия совсем простая – Сергеева. Котлеты и я очень люблю.

– А у меня жених Сережа, – засмеялась Зина и подмигнула мне.

– Тебя точно возьмут, ты подходишь полностью. Халя говорит, что официантка должна иметь аппетитные формы. Скелет в ресторане не нужен.

– Для того чтобы стать костлявой, мне год не есть надо, – усмехнулась я.

– Худые злые, – весело сказала Зина и показала на окно. – Вон одна из тощих чешет! Фаина. Такая дрянь! Поосторожней с ней! Она дочь Эмилии, владелицы клиники. Матери в уши свистит про всех. У нее сестра Карина есть, та мне всегда лучше казалась.

– Но теперь вы изменили о ней мнение. Почему? – поинтересовалась я.

– Карина с Лизкой были не разлей вода, они в кафе пару раз вместе сидели, – надулась Зинаида. – Друг моего врага мой враг.

– Елизавета умерла, – вздохнула я, – сегодня я пришла зубы лечить, потом спросила на ресепшен, как найти медсестру Елизавету из

лаборатории. Меня и огорошили ужасной новостью.

– Пакость не станет сладкой после смерти, – отрезала Зина. – Она дрянь. Только мертвая.

Прихватив еду, я дошла до здания, где царствует Маслов, и спрятала ношу в кустах. Вечером вылезу в окно, возьму еду и вернусь в палату. Не стоит дефилировать мимо Фаины или Карины с полиэтиленовым пакетом.

– Ой, хорошо, что наконец вы вернулись, – засуетилась Фая, когда я подошла к стойке. – Эмилия Францевна приглашает вас на ужин.

– Спасибо, – кивнула я, – но я передумала слушать ее извинения, хочу уйти домой.

– Нет, нет, нет, – зачастила Фаина, – это невозможно.

– Почему? – спокойно спросила я. – Никто не имеет права запретить свободному человеку распоряжаться собой.

– Ваша свекровь оплатила ваше пребывание здесь!

– Уже слышала эти слова от Карины и повторю вам свой ответ ей. Я не просила Этти об услуге.

– Танечка, – замурлыкала Фаина, – уж поверьте мне, я работаю с Масловым не один год.

– Судя по вашему возрасту, вы трудитесь здесь не один, а два года, – не удержалась я от ехидства.

Фаина неожиданно обиделась:

– Считаете меня неквалифицированной?

– Я этого не говорила, – возразила я, – просто, когда девушка ваших лет утверждает, что работает не один год, то сразу понятно: ее стаж два года.

– Даже за пару месяцев можно на разных пациентов насмотреться, – заметила Фаина, – а в клинике поток больных. Так вот, часто у того, кто сделал первые робкие шаги к выздоровлению, возникает ощущение: ого-го, я бодрый, незачем в палате лежать, пора на работу. Иногда пациент, не слушая врачей, выписывается. Результат, как правило, плачевный. В отделении правильный распорядок дня, прием препаратов по часам, никакой психологической нагрузки, покой и отдых. А что получится, если вы на службу побежите или дома пахать будете? Стресс! Обед не по расписанию. Вам плохо станет!

Я молча слушала соловьиные трели медсестры, которая изо всех сил объясняла мне, по какой причине я должна провести в медучреждении еще как минимум месяц. В мои планы не входило покидать палату, но нельзя же простить Филиппу Андреевичу пещерное хамство! Ну согласитесь, если я стану улыбаться в ответ на его брань, это будет странно.

Я покосилась на Фаину и протянула:

– Наверное, вы правы. Я пока не окрепла, преждевременно уезжать домой. Но иметь дело с Масловым не желаю! Пусть меня лечит другой доктор.

Медсестра молитвенно сложила ладони:

– Танюша! Филипп Андреевич единственный доктор в России, который умеет полностью восстановить человека после комы. Других нет. Давайте, вы попьете чайку с Эмилией Францевной, поговорите, а уж потом примите решение.

– Ладно, – кивнула я.

– Вы умница, – обрадовалась медсестра. – Пойдемте.

Мы вышли в сад и двинулись к калитке.

– Шаманисты ушли? – усмехнулась я.

– Слава богу, – вздохнула Фая, – они сюда раз в году заявляются. Обычно просто свои песенки споют, хороводы поведут и по домам. А сейчас с ночевкой застряли.

Я остановилась:

– Погодите-ка! Фанаты колдуна Минимаркета...

– Не, его как-то по-другому зовут, но похоже, – возразила Фаина.

– Дело не в имени гуру, – отмахнулась я, – шла мимо их сборища и видела: на праздник позвали то ли колдуна, то ли предсказательницу. Она напророчила скорую смерть тому, кто первым покинет место шабаша. Раз компания разбрелась, значит, кто-то умер?

Фаина остановилась:

– Это простая случайность. Когда мы доложили Эмилие Францевне, по какой причине народ не уходит, она велела пообещать тому, кто решится первым отправиться домой, бесплатное трехлетнее обслуживание в клинике. Мне она сказала: «Детонька, люди поймут: если я обещаю длительный договор, то совершенно не верю ни в чью скорую смерть».

Я не сдержала улыбки.

Фаина кивнула:

– Да. Мама наивна. Я пошла к припадочным и рассказала о щедром предложении. Все промолчали, только одна женщина, толстущечка, поинтересовалась: «Это договор только на амбулаторное обслуживание?» Я ответила: «Нет, госпитализация и даже стоматология в него тоже включены». Она сказала: «Вот у меня желудок болит давно. Можно причину выяснить?» Я ее заверила, что у нас лучшее оборудование, прямо сейчас можем отправиться в административный корпус, оформим бесплатный договор, и дама пойдет в диагностическое отделение.

Фаина поежилась:

– А дальше... После такого в гадалок поверишь. Мы вошли в холл клиники, и Татьяна упала...

Медсестра помолчала и продолжила:

– Сейчас она в реанимации, прогноз неутешительный. Прободение язвы желудка. Люди такие странные! Ведь болело у нее. Учитывая, что случилось, не один день она плохо себя чувствовала. Почему к врачу не обратилась?

Я пожала плечами:

– Не знаю.

– Зато я знаю, – неожиданно рассердилась моя спутница, – она думала, само пройдет. Небось пила таблетки, которые теледоктора с экрана рекламируют или соседка ей насоветовала. И, пожалуйста, в реанимации лежит. Язва-то сейчас хорошо лечится. А она своим глупым поведением ее до прободения довела. И все!

– Полная женщина по имени Таня? – переспросила я.

– Да, на вас немного похожа, – воскликнула Фаина. – Ой! Не думайте, что я вас толстушкой считаю.

– Так я и не худышка вовсе, – заметила я, стараясь не измениться в лице.

Когда я вернулась в палату, Татьяна сидела в санузле, ее тошнило. Тетка потом объяснила мне, что ощутила дурноту после того, как съела геркулесовую кашу, которую мне принесли на завтрак. А еще она рассказала, что пристрастилась к овсянке в больнице, где лечилась от язвы желудка. Только там кашу варили на воде. А в моей палате овсянка была на молоке. Фаина ошибается, моя ночная заместительница вылечила язву. И вот теперь два вопроса: язва у нее открылась снова? Но почему тогда она не поняла, что с ней? Таня же страдала этим недугом, должна была узнать симптомы. Или в завтрак для меня подмешала какой-то препарат, и он вызвал у моей тетки аллергическую реакцию? Нет у нее никакого прободения, у Тани отравление. А вот я проверю сейчас свои предположения.

Я остановилась:

– Ох! Боюсь, в этом есть и моя вина!

– Какая? – опешила Фаина.

– Утром мне принесли кашу, я хотела ее побыстрее съесть, но она была горячая! – начала объяснять я. – Поставила тарелку на окно, ушла в туалет, вернулась... Ба! А мой завтрак тетка ест! Увидела меня, давай извиняться, объяснила, что приехала на сходку фанатов шамана, голодала...

Ее звали Таней, как меня, и внешне мы похожи. Геркулес сварили на молоке. Может, из-за этого Татьяна заболела?

Я замолчала. Очень надеюсь, что Фая не станет обсуждать мой рассказ с Кариной и меня не поймут на вранье. Кара, наверное, помнит, как она принесла в палату чай, а я ей стала нахваливать вкусный завтрак! Хотя... Всегда можно сказать, что я просто решила не выдавать постороннюю тетку.

– Она слопала вашу еду?! – ахнула Фаина. – Танечка, видите дверь? Слева? Вам туда, а я должна... Мне надо... э... э...

Так и не придумав, куда ей так срочно требуется бежать, медсестра унеслась. Я подошла к дому престарелых. Значит, лекарство было! Предназначалось мне. Вон как Фаина занервничала. Меня хотели отравить? Почему?

Глава 29

– Дорогая Танечка, – ласковым голосом промурлыкала Эмилия Францевна, наливая в очередной раз в мою чашку кофе, – надеюсь, мне удалось вам все объяснить. Угощайтесь маковым рулетом! Его только что испекли.

Я улыбнулась:

– Большое спасибо, но я пытаюсь похудеть.

– Мир сошел с ума, – возмутилась Эмилия, – женщина с прекрасной фигурой, с красивой грудью, бедрами, не дохлый комар, и... сбрасывает вес. Вот он, навязанный нам не пойми кем не русский стандарт красоты. Сейчас покажу вам картины художников девятнадцатого века. Сразу поймете: вы красавица, настоящая, а не анорексичка, которых пропагандируют женские журналы. Пойдемте.

Хозяйка встала и открыла дверь в стене, я увидела двадцатиметровую комнату, стены которой покрывали полотна, несколько столов и сидящих за ними людей. Впереди на подставке стояла ваза.

– Ой! Простите, Вера Игнатьевна, – смутилась владелица клиники, – мы помешали вам.

– Нет, нет, я уже закончила занятия, – ответила женщина лет пятидесяти, которая рассматривала рисунок одного из учеников.

– А можно и нам с Танюшей взглянуть? – спросила Эмилия.

– Конечно, – разрешила учительница, – мы не скрываем своих успехов.

Вместе с Вяземской я приблизилась к худому мужчине, возраст которого затруднялась определить. Встречаются такие лица, глянешь справа, человеку тридцать, посмотришь слева, а ему все пятьдесят.

– Егорушка! Какой прогресс, – начала восторгаться моя спутница, – линии твердые, образ получился невероятно красивый. Правда, Танечка?

На листе изображалось то, что называют «каляки-маляки». Многие любящие матери бережно хранят такие рисунки с надписью: «Мамачьке в день Восьмова марта». Но мы находимся не в детском саду, и весенний праздник давно прошел. Я быстро взглянула еще раз на Егорушку, который сидел со счастливой улыбкой на лице, и принялась выражать восторг.

Минут через десять, посмотрев еще и настоящие, очень даже недурные картины на стенах, мы с Эмилией вернулись в гостиную.

– Спасибо, что похвалили Егора, – поблагодарила Вяземская. – Многие думают, что он почти ничего не понимает, но я уверена: мужчина сохранил

интеллект. К сожалению, он немой, мы не знаем, что с ним произошло. Я его забрала в свое время из муниципального интерната. Бедняга! Он первые месяцы даже лишний кусок хлеба в столовой взять боялся, наверное, его били!

– Ужасно, – вздрогнула я.

– Хорошо, что вы не знаете, как в некоторых учреждениях обращаются с теми, кто не может постоять за себя, – воскликнула Эмилия. – Танечка, вы уж простите Филиппа. Как и многие мужчины, он гневлив и не любит попадать в дурацкое положение, да еще на глазах у людей. Он не вас ругал, сын так свои эмоции относительно ситуации выражал. Ничего личного. Не покидайте нас. Ваша свекровь прекрасная женщина, она очень о вас беспокоится. Не ради доктора, ради своего здоровья не прерывайте лечения. Маслов не хам, у него просто сдали нервы. И если вы нас покинете, то может случиться, что никогда не вспомните всю свою жизнь.

– Вы правы, – вздохнула я, – у меня тоже сдали нервы. Остаюсь!

– Умница! – обрадовалась Эмилия. – Мне на самом деле стыдно, что Филипп так себя повел. Да и он очень переживает. Больше такого не повторится.

– Вы называете Филиппа Андреевича сыном, – сказала я, – Карина и Фаина говорят, что он ваш племянник. Запуталась я.

Эмилия Францевна поправила жемчужное ожерелье.

– Немудрено, что вы ничего не поняли. Ни то и ни другое. Общей крови у нас с Филиппом нет ни капли. Он друг моего погибшего сына. Маслов – человек удивительной силы воли и с непоколебимой целеустремленностью. Мальчик рос в приюте, он очень рано понял: никто ему в жизни не поможет, надо самому вылезать. Окончил школу с золотой медалью, что редкость для мальчика-сироты на гособеспечении. Подал документы в мединститут, там я его впервые увидела и была поражена. Приемной комиссией руководил идиот, который отказал отличнику, не взял у него документы. Причина, по которой перед юношей с золотой медалью закрыли вход в вуз? У него уродливая внешность. У Филиппа была заячья губа и птоз верхних век, они не до конца открывались. В приюте не позаботились сделать операции. И как поступил абитуриент? Ушел плача? Нет. Он спокойно объяснил идиоту в приемной комиссии, что тот нарушает закон, подвергает его дискриминации. Говорил со знанием дела, прямо как юрист. Потом Филипп пошел к ректору. В результате он поступил в институт, окончил его с красным дипломом. Я была очень рада, что он дружит с моим Андрюшей.

– Сейчас у доктора Маслова нормальное лицо, – заметила я.

– Неужели вы не видели его шрамы? – поразились Эмилия.

– Они украшают представителя сильного пола, – улыбнулась я, – но, если честно, я не заметила рубцов.

– По моей просьбе Филиппу сделали несколько операций, – объяснила Вяземская. – Весьма удачно. Когда Андрей погиб, Маслов от меня не отходил, поселился в моей квартире, не оставлял ни на минуту одну. Я считаю его своим сыном.

Мы поговорили еще минут пять, и я ушла, на сей раз одна, без сопровождения Фаины.

День выдался длинным и нервным. Я села в саду на скамейку, хотела обдумать ситуацию, ощутила дискомфорт в правом боку, нащупала в кармане нечто, доставляющее мне неудобство, засунула в него руку и вытащила пластмассовую уточку размером с мой указательный палец. Похоже, я нашла детскую игрушку.

Я недоумевала, как ко мне попала утка, и вдруг поняла! Когда я нахваливала больного Егорушку, то стояла впритык к столу учительницы. Карманы на моей юбке широкие и глубокие. Они имеют в первую очередь декоративное, а не функциональное назначение. Когда я впервые увидела одежду в палате в шкафу, то первой мыслью было: она не моя. Нет, шмотка сидит идеально, но расцветка у нее в клетку, юбка широкая, в складку, отрезная талия и кармашки, смахивающие на лопухи. Издали привлекательно, но для девушки, которая вовсе не тростинка, этот наряд не подходит, он увеличивает объемы, а крупные накладные карманы привлекают внимание к не очень стройным бедрам. А еще в них легко может упасть то, что стоит на краю стола. Надо вернуться и отдать игрушку, которую я случайно унесла.

– Устали? – спросил тихий голос.

Я вынырнула из размышлений и увидела учительницу Веру Игнатьевну.

– Забыли, где находится отделение, в котором вы лечитесь? – спросила она.

– Просто села подышать, – объяснила я, – но хотела уже к вам возвращаться.

– Ко мне? – удивилась педагог. – Зачем?

– Пока я стояла возле вашего рабочего стола, эта вещичка случайно упала в мой оттопыренный карман. Хотела идти назад, вернуть ее.

– Ой, спасибо, – обрадовалась Вера Игнатьевна, – это флешка с мультиками про утят. Мои ученики очень любят их смотреть, я поощряю воспитанников за усердие.

- Флешка, – повторила я, – флешка...
- Никогда не видели такой накопитель информации? – сообразила собеседница.
- Я страдаю нарушением памяти, – призналась я, – кое-что просто забыла.
- Вера села рядом со мной.
- Пустяки. Восстановитесь. Инсульт?
- Слава богу, нет, – ответила я. – После автомобильной аварии провела две недели в коме, сейчас нахожусь в процессе реабилитации.
- Вы молодец! – похвалила меня Вера Игнатьевна. – Когда-нибудь брали видеокассеты в прокате?
- Да, – улыбнулась я.
- Помните, как они выглядели?
- Большие такие, черные, размером с книгу среднего формата, – ответила я.
- У вас гениальная память, – приободрила меня учительница, – если пороесть в ней, точно найдете что-то и про DVD-диски.
- Да, конечно! – обрадовалась я. – Серебристые такие. Они пришли на смену кассетам.
- Ну теперь вы определенно узнаете флешку, – воскликнула Вера Игнатьевна. – Вот смотрите.

Глава 30

Вера Игнатъевна легко отделила голову утки от туловища, я увидела, что нижняя часть – это футляр, в который вставляется небольшая, размером с мой мизинец, плоская палочка, которая оканчивается металлической частью.

– Можно посмотреть поближе? – попросила я.

– Пожалуйста, – разрешила учительница.

Я повертела в пальцах флешку и пробормотала:

– Я уже видела такую, только не утку...

– Они бывают разные, – сказала Вера Игнатъевна, – я купила веселую, потому что мои ученики по разуму как детсадовцы из младшей группы. Их очень уточка радует.

– В тапочках... – продолжила я и осеклась.

– Да, носитель могут и в виде обуви сделать, – не поняла меня Вера Игнатъевна, – люди любят, всякие смешные штучки покупать.

– Как прочесть информацию? – перебила я собеседницу.

– Проще некуда! Воткнули флешку вот этой частью в ноутбук и читайте, смотрите, – объяснила Вера Игнатъевна.

– Вы давно работаете в пансионате? – перевела я разговор на иную тему.

– Пару месяцев, – ответила женщина, – ранее я много лет служила в детском саду при одном образовательном центре. Но меня уволили, потому что место понадобилось для одной... э... девушки. Близкой знакомой директора. Понимаете?

– Это неприятно, – вздохнула я, – а я думала, что вы подруга Эмилии Францевны.

– Нет, – после паузы ответила Вера Игнатъевна, – сомневаюсь, что у хозяйки есть друзья.

– Все, с кем я здесь встречалась, говорят о Вяземской только хорошее, – заметила я. – Дочери мать просто обожают.

Вера Игнатъевна положила ногу на ногу.

– Вы ведь не обычная больная?

– Со мной занимается Филипп Андреевич Маслов, – уточнила я.

– Он любимчик и родственник Вяземской, – кивнула учительница, – каждый вечер, когда я ухожу с занятий, вижу доктора, который к Эмилии торопится. И днем забегает. Другие врачи к ней домой не заглядывают.

Владелица медцентра тщательно следит, как обслуживают пациентов, ходит в клинику, любит сама проверить, как дела идут. Делает она это хитро. Вяземскую в лицо мало кто из сотрудников низшего звена знает. Эмилия Францевна одевается, как не очень обеспеченная пациентка, и идет, например, в стоматологию, начинает там на ресепшен массу вопросов задавать, притворяется, что плохо понимает сотрудника. Если с ней беседуют вежливо, стараются помочь, не раздражаются, терпеливо повторяют одно и то же, то на следующий день сотруднику, который объяснял пожилой женщине что да как, выписывают немалую премию. Если же Вяземской заявляют: «Бабушка, я вам сто раз повторила, а вы никак не догоняете. Лучше пусть кто-то из родственников приедет, нет времени весь рабочий день только с одной старухой возиться», – она тихо уйдет, а грубиянку уволят. Еще она очень злопамятна, из тех людей, которые никому обид не прощают. Неделью назад Эмилия заглянула ко мне в класс, зашла как сегодня с вами. Гостиная, в которой она посторонних принимает, является пограничной территорией между ее покоями и пансионатом. В ней беседуют с родственниками пациентов, с другими людьми. Сначала Вяземская их угощает чаем, потом отправляется в кабинет, где я веду занятия, дальше она провожает гостя в сад, столовую или куда-нибудь еще. Ну так вот, они заглянули ко мне вместе с Фаиной. Эмилия сказала: «Вера Игнатьевна, простите, если мы мешаем, но я хочу новые занавески повесить в этом кабинете. Сама никак не решу какие. Вот, Фаю привела, и ваше мнение выслушаю: бежевые тона или голубые?» Я высказалась за первый вариант, Фаина за второй. Медсестра начала отстаивать свое мнение и наступила матери на ногу. Эмилия Францевна вскрикнула, мне стало понятно, что ей очень больно.

– Мамочка, я не хотела, – заплакала девушка.

– Конечно, дорогая, – попыталась улыбнуться Вяземская, – ты не нарочно, но у тебя здорово получается мне пальцы ломать.

Повернулась и, сильно хромая, удалилась. Я растерялась, неприятно присутствовать при чужой ссоре. И тут с Фаиной случилась натуральная истерика. Она села на диван, принялась бить по нему кулаками, потом стала рвать на себе волосы. В прямом смысле этого слова, выдирать их! Хорошо, что сцена разыгралась в обеденное время, ученики находились в столовой. Мои воспитанники очень эмоциональны, они бурно реагируют на чужой смех, слезы. Я поэтому всегда прошу тех, кто появляется в комнате, говорить спокойно, не размахивать руками. Василиса Васильевна, вводя меня в курс дела, рассказала, что один раз в кабинет зашла пара, муж с женой. Он хотел тещу поместить в «Солнечный сад». А поскольку деньги

были у супруга, жена молчала. Но в конце концов она что-то не то сказала, богач заорал, и Егорушка упал в обморок, еле-еле его в себя привели. Даже представить страшно, что могло с ним стать, да и с другими тоже, при виде истерики Фаины. Я сообразила, что нельзя никого звать на помощь, решила сама медсестру успокоить, налила ей воды. Она стакан на пол бросила. И что самое ужасное! Все это она проделывала в полнейшей тишине. Истерика без звука. Поверьте, лучше бы вопила. С четверть часа Фаина бесновалась, потом раз – и заснула. Я села за стол, на часы смотрю, думаю: не стану ее будить, вдруг опять в клинч войдет. У наших тихий час. Следующие занятия только в полшестого, после полдника. Фая пролежала некоторое время, потом села, огляделась по сторонам и шепчет:

– Простите, пожалуйста.

Я решила сделать вид, что ничего не произошло.

– Все в порядке, вы просто устали, вот и задремали, я хочу моим подопечным предложить...

Фаина руки подняла:

– Спасибо, что не выгнали за припадок.

Ну тут уж не стоило мне ничего изображать, я ей сказала:

– Вам было не по себе.

Она усмехнулась:

– Деликатно сказано. Я просто разум потеряла. Очень испугалась.

– Вы случайно матери на ногу наступили, – осторожно сказала я, – неприятно, но это с каждым случиться может. Уверена, Вяземская давно из головы выкинула это происшествие. Не переживайте.

Медсестра сгорбилась:

– Нет, она ничего не забывает. Мне исполнилось восемь лет, когда мамочка повела нас в цирк. Карина с ранних лет тихая, усидчивая, а я мотор с вентилятором. В антракте пошли за мороженым, встали в очередь. Кара к маме прижалась, а я прыгаю и со всего размаха, как попаду Эмилии Францевне по ноге. У нее из глаз слезы брызнули, она еле-еле до зала доковыляла. Меня ни словом не упрекнула. Я прощения просила, сама плакала. Вечер ужасный получился. На завтра еще хуже было, мама поехала к доктору и выяснилось – у нее перелом двух пальцев. И вот с тех пор всякий раз она, надевая туфли на каблучке, даже очень маленьком, морщится, ей трудно в лодочках долго ходить. А все из-за меня. Детская минутная шалость сделала мамулю инвалидом на всю оставшуюся жизнь. И как бы мне ни было стыдно, ничего уже не исправишь. От моих извинений пальцы у мамы новые не вырастут. А сегодня! Опять я ей ногу повредила. Ту же! Нет мне прощения. Нет! Нет!

Последние слова она с таким надрывом произнесла, что я испугалась: вдруг опять сейчас волосы выдирать станет. Но Фаина встала и пошла к двери. Молча. Помнится, я подумала: «Эмилия-то не такая добрая, какой кажется».

Вера Игнатьевна сделала паузу и продолжила:

– Мне стало понятно, что она управляет людьми с помощью обид. Причем делает это мастерски. Фаина Вяземской случайно на ногу сто лет назад наступила. Так мать до сих пор кривится на ее глазах, когда туфли надевает. Мало ли что ребенок сделать может! Детские шалости забывают сразу. Да, сломала пальцы, это больно, неприятно. Ну отругай дочь, заплачь, скажи: «Экая ты недотепа». И все! Но Фаина всю жизнь чувствует себя виноватой, старается Эмилии угодить. Мать не дает забыть о том, как малышка ей боль причинила. Держит дочь на коротком поводке. Начнет Фая с ней спорить, а та примется ногу потирать и говорить:

– Ох! Что-то пальцы поломанные ломит, наверное, к перемене погоды.

Все. Фаина перестает препираться. Ольга Петровна, психолог, тоже чувствует вину перед хозяйкой. Она давным-давно разбила статуэтку в ее комнате. Эмилия собирает фигурки детей. Ольга одну кокнула. И вот с тех пор Эмилия, приобретя новинку в свою коллекцию, тихо вздыхает и бормочет:

– Прекрасная вещь! Почти так же хороша, как погибшая статуэтка мальчика с кошкой. Кто-то ее разбил случайно. Уж не помню кто! Ох, давно это случилось, а мне до сих пор жаль. Уникальная вещь. Мейсон. Настоящий. Попалась мне в антикварной лавке на рынке. Хозяин, не зная ценности статуэтки, отдал ее мне за копейки. Как я радовалась! Прямо летала от счастья!

Вера Игнатьевна расправила юбку:

– Я случайно стала инициатором подобного разговора. Вскоре после моего приема на работу хозяйка праздновала день рождения. Надо было ей принести презент. Мои средства ограничены, но отделаться одним букетом неприлично. Я потихоньку спросила у Карины:

– Чем можно Вяземскую порадовать? Не за бешеные деньги?

Та ответила:

– Мама никогда не берет в расчет цену. Ей важно: с душой подарок или просто формально куплен. Маме очень нравятся фигурки детей, мальчиков. Девочкам она тоже рада, но меньше. У нее много всего разного. Если надумаете купить, пришлите мне фото, скажу: есть такая или нет.

В результате я нашла милую и совсем не дорогую вещичку, правда, китайского производства. Малыш лет шести сидит в кресле с кошкой.

Сзади из спинки кресла торчит ключ. В день своего появления на свет Эмилия устроила для служащих чай, все ей пакетики вручали. Вяземская подарки в сторону не откладывала, тут же открывала, мой изучила, в ладоши захопала.

– Прелесть, прелесть! Наверное, долго искали. Очень-очень мне нравится Ах!

И рассказала историю про погибшую фигурку. Я смотрю, Ольга краснеет, потеет, не знает куда руки девать. Карина мне шепнула:

– Мамочка очень эмоциональная, поэтическая натура, стихи в юности писала. Она не помнит, кто именно плохо ей сделал. А я в курсе: ту любимую статуэтку Ольга расколошматила. У нее в руках невероятный убойный талант. Столько посуды на кухне перебила! Пару раз стекла в окнах в осколки превратила. Оля помнит про статуэтку, ей всякий раз становится неприятно, когда мама о том мальчике жалеет. Вот и правильно. Так ей, криворучке, и надо, пусть переживает, раз маме неприятность причинила.

Люди по-разному окружающими управляют. Одни кричат, другие, наоборот, слова не скажут, третьи деньги дают-отнимают. Но это все стандартные педали. Вяземская нашла оригинальный способ: те, кто ее обидел, испытывают смущение и стараются изо всех сил загладить свою вину.

– Василиса Васильевна работала на вашем месте? – уточнила я. – Она же библиотекарь!

– Да, – согласилась Вера Игнатьевна, – вела занятия с помощью методических пособий. Прежняя учительница то ли умерла, то ли куда-то уехала, ей замену никак найти не могли.

– Оклад маленький? – предположила я.

– Наоборот. Большой, – улыбнулась Вера Игнатьевна, – питание в столовой бесплатное. Райские условия вроде. Но! Эмилия требует, чтобы сотрудники «Солнечного сада» жили на территории клиники. На это согласится либо одинокий человек, либо тот, у кого проблема с квартирой.

– Здесь есть общежитие? – поинтересовалась я.

– Нет. В разных уголках территории стоят двухкомнатные домики, – пояснила педагог, – с кухней, санузлом. Лично для меня это идеальный вариант, я одинока, ни мужа, ни детей нет, зато у меня есть мечта. Хочу приобрести домик в Италии, в скромной деревеньке. Там, где моя лучшая подруга живет. Поэтому я с радостью согласилась и перебралась на новое место, свою квартиру сдала, денежки откладываю. Но с течением времени мне здесь как-то некомфортно стало, хотя все, включая Эмилию

Францевну, очень приветливы.

– У вас есть ноутбук? – спросила я.

– Конечно, – кивнула Вера Игнатьевна, – уверена, что и у вас он дома есть, просто вы временно забыли о его существовании. Не переживайте, все будет хорошо.

– Разрешите мне воспользоваться вашим компьютером, – взмолилась я, – флешку посмотреть!

– Конечно, – улыбнулась Вера Игнатьевна, – нет проблем.

Я удивилась столь легкой победе.

– Дадите мне свой ноутбук?

– Не навсегда же, просто попользоваться недолго, – уточнила учительница. – Давайте пойдем ко мне в гости, сядете одна в комнате, не беспокойтесь, я не стану подсматривать за вами, просто активирую флешку, а уж вы потом смотрите сколько душе угодно.

Глава 31

– Видите, как это просто, – улыбнулась Вера Игнатьевна, всовывая флешку в отверстие сбоку ноутбука.

– Вспомнила, – обрадовалась я, – спасибо, правда, у меня дома компьютер другой фирмы, но это суть дела не меняет.

– Память человека удивительна и пока не очень хорошо изучена, – подхватила учительница, – мозг полон тайн. Сомневаюсь, что мы когда-нибудь их раскроем. Ну, более вам не мешаю. Когда завершите просмотр, идите в гостиную, я там чай пить буду, телевизор посмотрю. Вас не смущает, что на кухне устроились?

– Самое уютное место в доме, – улыбнулась я.

– Я так же считаю, – обрадовалась хозяйка дома и, взяв чашку и печенье, удалилась.

Я глянула на кружку, которая стояла рядом, на блюдо с заботливо нарезанным кексом и вздохнула. Наверное, не стоит угощаться. Когда я пришла в гости, то сначала отправилась мыть руки. Теоретически у Веры Игнатьевны было достаточно времени, чтобы сдобрить еду каким-нибудь препаратом. Но зачем ей это? На смену этой мысли пришла следующая: странно все же, что педагог пригласила к себе совершенно незнакомую женщину, подпустила ее к своему ноутбуку... Личный компьютер он как... клизма, уж простите за сравнение, такая вещь, которой всем пользоваться не разрешают.

Я вздохнула. Похоже, Таня, у тебя начинается профессиональная деформация личности. Педагоги считают окружающих глупыми и неразумными, врачам кажется, что все вокруг больны, здоровых нет, а начальница особой бригады полагает, что каждый лелеет некий преступный замысел. Успокойся, Сергеева, и вспомни: в мире много тех, кто просто так, бескорыстно готов помочь первому встречному.

Я шевельнула мышкой, появилось изображение двух бланков, послышался знакомый голос Лизы.

«Уважаемые Иван Никифорович, Татьяна и Дмитрий! У вас свое мнение, а у меня свое. Я всегда считала, что необходимо проверять каждую версию, даже если она абсурдна. Люди, которые учили меня, часто повторяли: «На Марсе не растут яблони. А вдруг?» Мне внушали, что «а вдруг» – мать успешного расследования. Вот я и задала себе вопрос: а вдруг Карина и впрямь пропавшая Леночка? Нереальная версия? А вдруг?

Я просила вас проверить мое предположение, но все отмахнулись. А у меня с каждым днем крепла уверенность, что я не ошибаюсь. И мне пришла в голову идея самостоятельно отработать свою версию. Никаких доказательств своей правоты у меня на руках не было, только ощущение: я не ошибаюсь. С чего я начала? Лена была дочерью врача Геннадия Андреевича Кротова. Он неплохо зарабатывал. Я нашла его бывших коллег, все они в один голос твердили: у Кротова была частная практика, он ездил по домам, неплохо зарабатывал, но богачом не выглядел. Одевался скромно. Я проверила, каким имуществом владел педиатр, невзирая на то, что жила тогда с ним, он мой отчим. Ничего особенного: обычная далеко не роскошная трехкомнатная квартира, дача, которая принадлежала его матери. Теперь скажу не как следователь, а как старшая дочь врача. Наша семья не шикавала, икру ложками мы не ели, если я просила игрушки, то чаще всего слышала в ответ: «Разве у тебя день рождения? Подарки дарят несколько раз в году».

Отец частенько повторял: «Я не эмир бухарский, не могу удовлетворить все запросы домашних».

Мы не голодали, хорошо одевались, нормально питались, но немереными деньгами в доме и не пахло. С какой целью похитили у скромного педиатра ребенка? Выкуп? Ну так есть объекты побогаче. Чтобы сделать из Кротова поставщика наркотиков? Геннадий Андреевич работал в клинике, мог добыть нужные ампулы. Сами знаете, как это делается. Больному вводится нечто самое простое, физраствор, например, а нетронутая ампула с наркотиком перебирается в карман дилера. Хотя почему дилера? Часто медики идут на преступление, имея дома или неизлечимого родственника, которому не хватает для постоянного обезболивания тех препаратов, что ему выписывают, или в семье завелся наркоман. Возможна и зависимость самого врача. Я отработала все версии и на все получила ответ: нет! Семья Кротова благонадежная, он сам никогда не был замечен в приеме чего-либо наркотического. В этом плане репутация врача была чиста как слеза младенца. И что остается в качестве мотива похищения малышки? Выкуп! Я вернулась к началу. Зачем устраивать столь тщательно подготовленный спектакль из-за простого доктора? Лучше совершить то же самое с сыном главврача клиники, вот он профессор, академик, у него тугой кошелек, две квартиры, дача в элитном поселке, трехлетний сын. Ребенка он произвел на свет, справив пятидесятипятiletие, все вокруг знали, как отец обожает малыша. Но нет, похищают Леночку.

Я тщательно изучала все, что связано с моим отчимом Кротовым, и

выяснила: он хороший врач, но никуда не годный человек. Больных детей он делил на две категории: тех, кого привезли по «Скорой» или привели не очень обеспеченные родители, и тех, кого сопровождала мать с бриллиантами в ушах. Лучшие информаторы в клиниках – уборщицы, их за людей не считают, не стесняются при «швабре» все обсуждать. И денег им мало платят. У медработников есть возможность заработать себе на кусок сыра к хлебушку. Доктора берут деньги за операции, консультации, медсестры – за процедуры. Даже санитарки остаются при своем наваре, наиболее бедные родственники, у которых не хватает средств для найма сиделок, просят техничек поухаживать за больным: покормить его, почаше мыть пол в палате, проветривать. Я всегда стараюсь находить общий язык именно с этими женщинами. И нашла тех, кто рассказал о Кротове. В прежние времена в приемном покое работали Элла и Ника, в их задачу входил вызов дежурного врача. А если поступал ребенок с высокой температурой, сыпью, с признаками инфекционного заболевания, они определяли его в отдельное помещение, чтобы он не контактировал, допустим, с тем, кто поступил с травмой.

Девушки были не самые лучшие медсестры, их работа была больше технической, назначения врачей они не выполняли. Они были любительницами модных журналов, желтой прессы, вмиг оценивали, что на ком надето и сколько стоят ваши платье, обувь, сумка. Если, по мнению Эллы и Ники, в приемном покое оказывалась богатая мамаша, а вывод о материальном положении делался на основании беглого внешнего осмотра, то красавицы вмиг звали Кротова. Врач бросал все дела и летел в приемный покой, Элле и Нике потом от него перепадала некая сумма. Догадываетесь, что происходило, когда «таможня» считала, что в приемном покое нищета голимая? Только не подумайте, что неимущим родителям хамили. Элла и Ника были приторно вежливы со всеми. Ребенка устраивали на каталке, отцу-матери предлагали попить водички. Но это все. Доктора несчастный малыш ждал несколько часов. Если старшие возмущались, Кротов к ним в конце концов спускался, извинялся за задержку. Ребенок наконец попадал в отделение, но и там к нему не проявляли повышенного внимания. Несколько раз на Геннадия Андреевича жаловались главврачу, но у педиатра всегда находилось оправдание: он был занят с тем ребенком, который поступил раньше. Больных много, а дежурный врач один, не разорваться же ему?

Когда Геннадий дежурил в приемном покое, Элла и Ника всегда с ним сотрудничали. И об этом кое-кто из персонала знал. Думаете, девиц осуждали? Нет, им завидовали, уж очень удачно они устроились. Главврач

клиники относился к больным, как Кротов, а каков поп, таков и приход. Больница не славилась хорошей репутацией, там не любили детей, раздражались на родителей, работали кое-как. Но если вам не нравятся местные порядки, то никто не мешает обратиться в частную клинику. Нет денег? Тогда сиди и молчи в тряпочку, радуйся, что тебе, нищоброду, бесплатно помогут. Когда-нибудь к твоему ребенку подойдут. И, возможно, поставят правильный диагноз.

Я подумала: что, если похищение Леночки – месть разгневанного родителя, чей ребенок умер из-за Кротова?

Один из моих близких друзей, хакер, пошарил в архивах клиники и поймал жирную осетрину.

Некоторое время назад, сразу после того как его подняли в отделение, скончался девятилетний Федор Николаев. Его привезла мать, которая работала библиотекарем. Заполняя на ребенка карточку, Элла выяснила: отца у паренька нет, родители давно в разводе. Из близких родственников – мать и бабушка. У школьника была высокая температура. Его отвезли в инфекционный кабинет. Мать неоднократно просила срочно вызвать доктора, ей отвечали:

– Сейчас придет.

В тот день дежурил Кротов, но он к мальчику из бедной семьи не торопился. Больной стал задыхаться, и лишь тогда его отвезли в отделение. Там определили ложный круп, но ничего сделать не успели, бедняжка умер. Второй случай. Из ближайшей школы принесли Игоря Бойко. Первоклассника сопровождала медсестра из школы, до матери не смогли дозвониться. Девушка ничего не знала о ребенке, назвала только имя и фамилию. На вопрос о родителях ответила: «Отец у него умер, мамаша чем-то торгует, вроде на рынке. Точно не знаю». В тот день дежурила Ника, она, окинув взглядом мальчика, сделала вывод: «Ребенок из не очень обеспеченной семьи, не посещает частную школу» – и поступила, как Элла с Федором, оставила больного на каталке. И он остался один, медсестра из школы вернулась на работу. Кротов, как и в случае с Федей Николаевым, не спешил к неимущему семилетке. Про него все забыли.

Глава 32

Когда в приемный покой ворвалась мать Бойко, Ника вмиг поняла свою ошибку. Моя информаторша-уборщица, которая до сих пор работает в той клинике, слышала, как Вероника жаловалась Элле.

– Когда тетка внеслась, аж запахло деньгами! Ну кто мог подумать, что у мальчика из обычной школы мамаша вся в брюликах?!

Игоря срочно отправили в операционную, но не спасли от перитонита. И вот странность! Его мать, Эмилия Францевна Вяземская, имеющая и деньги, и связи, никак не наказала педиатра, который не соизволил подойти к ее сыну. Не подала в суд на Кротова. Но моя информаторша, чье фото вы видите на экране, знала: мать после похорон мальчика несколько раз потихоньку появлялась в клинике и платила хорошие деньги медсестрам и санитаркам за рассказ о том дне, когда умер ее сын. Уборщица, которая рассказала мне обе истории, все то же самое донесла и до ушей Эмилии. Сказала ей: «Мать Феди ничего сделать не могла, она нищая, но вы-то при деньгах. Кротова надо вон гнать, сколько еще детей он убить может? Вяземская знала, кто виновен в гибели сына, она могла добиться увольнения Кротова, устроить громкий скандал, рассказать о том, что случилось, желтой прессе. Но нет! Дама не нарушила душевный покой Кротова. Почему? Ответ лежит на поверхности: Эмилия понимала, что врача под суд не отдадут. Геннадий Андреевич всегда найдет оправдание своей неторопливости, спросит: «Мне что, следовало бросить одного тяжелого ребенка и заняться другим? Кто виноват, что в больнице не хватает врачей? Проверьте-ка, сколько у нас служит педиатров, и поймете: их на треть меньше, чем положено. Ребенка убил не равнодушный Геннадий Андреевич, а тот, кто врачам три копейки платит. Не хотят люди задарма пахать». И все его признают невиновным. Вяземская решила сама наказать врача. Как? Око за око. Она лишилась любимого сына? Пусть Кротов потеряет дочь.

Фото уборщицы, которая информировала Елизавету, сменилось снимком другой женщины.

– Я понимала, – продолжала Лиза, – Эмилия умна, она не станет связываться с подонками, которые за энную сумму выхватят девочку на прогулке из рук няньки. Тот, кого купили за деньги, легко и тебя продаст. С уголовниками опасно иметь дело. А нанимать так называемых прибалтанных еще хуже, чаще всего они идиоты, способные лишь пенсию

у старушки отнять. По серьезному поводу таких молодцов привлекать не стоит. И я подумала, что уборщица рассказала Эмилии о Феде Николаеве, в смерти которого тоже виноват Кротов. Еще одно соображение. Похититель забрал Леночку на бензоколонке, больше он нигде не мог украсть ее. Геннадий ехал на дачу с одной остановкой. Стало ясно: преступник находился в ближайшем окружении педиатра или состоял в близкой дружбе с кем-то из его родни. Только свой человек мог знать, какого числа и во сколько Кротов поедет на дачу. В материалах дела, которое завели по факту пропажи Леночки, есть допрос Геннадия Андреевича, на нем он сообщил:

– Будь она проклята, эта фазенда! Всегда это убогое место ненавидел, старался ребенка туда не возить. Но накануне жена подцепила грипп, слегла с высокой температурой, старший сын к вечеру свалился с вирусом. Я испугался, что и Леночка его подхватит, позвонил няне, попросил: «Учитывая наши обстоятельства, можете на недельку взять Лену к себе?» Евгения Петровна несколько раз нас таким образом выручала. Она ответила:

– Простите, бога ради, я сама собиралась связаться с вами. У меня дочь гриппует, и сама я не очень хорошо себя чувствую. Хотела предупредить: в ближайшую неделю мне не стоит у вас появляться, чтобы инфекцию не принести.

Я растерялся:

– Что же делать?

Вопрос был риторический, но няня ответила:

– Отвезите Леночку к бабушке в деревню. Анна Сергеевна будет в восторге. Лена, правда, не любит долго в машине ехать, капризничает, но если вы ей пообещаете на бензоколонке, где заправляетесь, купить пару шоколадных яиц с подарком внутри, девочка без возражений усядется на сиденье и сразу заснет.

Значит, Евгения Семенова знала о поездке, более того, она подсказала идею покупки яиц.

Следователь проверил няню и ничего подозрительного не нашел. Семенова ранее работала учительницей младших классов, потом решила найти себе менее хлопотную службу, нанялась к Кротовым няней. Евгения Петровна была со всех сторон положительной, никаких нареканий не вызывала. Геннадия Андреевича спросили:

– Как вы нашли воспитательницу для девочки?

Тот ответил:

– Ее порекомендовала наша бывшая няня Ольга Сергеевна Воропаева. Она ушла от нас по семейным обстоятельствам. Я не знаю, что у нее

случилось. Мы долго не могли найти ей замену. А спустя почти год Воропаева позвонила и сказала: «Нашли няню Леночке? Если нет, то есть чудесная женщина». Нам Евгения понравилась.

Сыщики из районного отделения не стали глубоко копать. Они удовлетворились поверхностной информацией: Семенова положительная женщина. И забыли о няне. И не поинтересовались личностью Воропаевой, которая давно не работала у Кротова. А я не поленилась найти на нее справку. И что выяснилось? У Ольги Сергеевны был внук – Федор Николаев. Мальчик умер в медцентре, где работал Кротов. Виновник его смерти – Геннадий Андреевич, который не подошел в течение многих часов к ребенку. Но он понятия не имел, что мальчик внук Лениной няни. Фамилия Ольги Сергеевны – Воропаева, а у мальчика по отцу – Николаев. Я не успокоилась, стала искать еще информацию. И выяснила! Воропаева и Семенова жили в соседних квартирах. Поговорить с ними я не могла, Семенова умерла, Воропаева лишилась рассудка. Но у меня возникло предположение. Ольга Сергеевна ушла от Кротова, не пожелала служить у того, кого считала убийцей своего внука. Почему она не устроила скандал? Не надавала затрещин Геннадию Андреевичу? Нет ответа. Есть факт: Ольга Сергеевна просто уволилась, и... вот вам разгадка! Воропаева нанялась няней к Эмилии Францевне. Когда у новой хозяйки погиб сынишка, Воропаева рассказала ей свою историю, и женщины придумали, как отомстить врачу. Ольга Сергеевна позвонила Кротову, который понятия не имел, что из-за него погиб Федя, посоветовала в няни свою подругу, дальнейшее известно. Провидение специально столкнуло Ольгу Сергеевну и Эмилию Францевну. Лично я верю в закон вселенской справедливости. Кротова следовало наказать. Понятно, что это всего лишь мои домыслы, но вот вам кое-что в пользу этой версии. Как правило, маленькие дети крепко спят в машине, но только до тех пор, пока она едет. Стоит автомобилю затормозить, и ребенок проснется. Геннадий пошел платить за бензин, купить шоколад дочке, себе кофе. С большой долей вероятности Лена проснулась в отсутствие отца. И в этот момент в салон влез человек, который взял малышку. Он девочке незнаком, а она молчит? Елена должна была заорать благим матом, вопль ребенка разлетелся бы по округе, его могли услышать другие водители. Но нет! На колонке царил тишина. Почему? Потому что Лена увидела свою старую няню Ольгу Сергеевну и радостно пошла к ней в руки. Я уверена, забирала крошку не Семенова, а Воропаева. Почему? Не знаю! Так мне кажется!

Почему милиционеры, к которым обратился Кротов, не проявили усердия? Не задали себе вопросов, которые пришли мне в голову?

Бумеранг, запущенный Геннадием Андреевичем, ударил в Игоря и Федю, а потом полетел назад и стукнул самого Кротова. Жадный врач, который в первую очередь радел о пациентах, чьи родители могли ему заплатить, в минуту своего горя встретил равнодушных следователей, которые наплевательски отнеслись к его беде. Закон бумеранга безжалостен, что бросил в мир, то и получишь в награду.

Все мои рассуждения – просто слова. Как я уже упоминала, Семенова – покойница, Воропаева безумна, других сообщников Вяземской я не нашла. Если они и были, я не смогла выйти на их след. Сама Эмилия Францевна никогда не признается в содеянном. Какие улики есть против Вяземской? Никаких. Да, она пожалела девочек, взяла их на воспитание. Никаких документов о детстве Карины нет! И откуда им взяться? Ребенка нашли в подвале!

Глава 33

Я неотрывно смотрела на экран, боясь пропустить хоть одно слово Лизы. А та продолжала говорить:

– Был только один способ убедиться, что Карина дочь Кротова и моя сестра по матери. Понятно, что речь идет об анализе ДНК. Геннадий Кротов в свое время сдал в лабораторию образец крови дочери. Специалисты, которые занимаются поиском пропавших, всегда просят у родственников образец генетического материала. Рыдающим родителям уверенно лгут:

«Дети быстро меняются, нам надо знать, вашего ли ребенка нашли, поэтому придется провести исследование».

Но на самом деле тест ДНК необходим на случай обнаружения сильно изуродованного тела. Даже жадные ленивые полицейские испытывают жалость к матери, которая заливается слезами. Сказать ей: «Мы нашли труп ребенка, но он в таком виде, что не подлежит визуальному опознанию», поостережется даже отъявленный «оборотень». Поэтому пробу ДНК берут заранее и, если она дает положительный результат, только тогда ставят родных в известность.

Добыть материал Лены Кротовой мне помог друг из полиции. Оставалось найти образцы Фаины и Карины. Вот почему я сделала все возможное для того, чтобы устроиться медсестрой в клинику.

Никто из вас не одобрит моих действий. Но меня учили: к цели ведут разные дороги, и все они хороши, если речь идет об истине. Вы отказались вести расследование и отправить меня в центр Вяземской. Пришлось действовать самой. Мне был нужен человек, который на короткой ноге с местными начальниками, может сказать заведующей отделом персонала: «Возьми девочку». Выбор пал на главного охранника Брулева. Почему? Прежде чем внедриться в медцентр, я несколько раз побывала там в качестве пациентки стоматологического отделения. Заодно вылечила кариес и нашла санитарку, которая охотно разболтала все про местное начальство. Георгий Михайлович – бабник. Имеет жену, которую никто никогда не видел, и любовницу, библиотекарю Василису Васильевну. Двух женщин Жоре мало, поэтому он лапает все, что шевелится. Начальник отдела охраны – романтик, он жаждет от партнерши искренней любви, а не обмена сексуслуг на те блага, которые он может предоставить. Георгий часто остается ночевать на территории клиники, в его распоряжении есть

небольшой домик. Но большинство сотрудников в курсе: Жора укладывается в койку с Василисой Васильевной. Любовниц он принимает в обеденное время. Георгий – рыцарь. Тех, кто его какое-то время ублажает, он всегда прекрасно устраивает, поэтому дефицита желающих переспать с ним нет.

Законная супруга Жоры или понятия не имеет о его сексуальных подвигах, или она патологически не ревнива, или живет по принципу: «Делай, муженек, что пожелаешь, только зарплату вовремя приноси». А вот Василиса Васильевна ревнива так, что Отелло рядом с ней ребенок. Если она узнает о связи своего любовника с какой-нибудь симпатичной особой, то не успокоится, пока Эмилия не выгонит с позором ту, что посмела временно привлечь к себе внимание Жоры. Каким образом незаметная, тихая, всем улыбающаяся библиотекарьша может повлиять на хозяйку клиники? Они давние подруги, свели знакомство еще в те времена, когда у Вяземской не было клиники.

Все знают, что тесное общение с Жорой может стать причиной увольнения с очень плохой характеристикой. Но риск – благородное дело. Василиса не всегда может поймать неверного мужика, кое-кому везет, и тогда девушка получает награду.

У Василисы и Жоры есть сын Павел. Он работает в пансионате «Солнечный сад». Судя по сведениям, которые раздобыл мой приятель-хакер, парень рос несносным обалдуюем, потом взялся за ум, выучился на медбрата, поступил в институт, он хочет стать психиатром.

Я сделала попытку попасть на работу в клинику обычным путем, отнесла резюме. Но не получилось. Тогда я использовала другой план: познакомилась с Павлом, он потерял от меня голову, и я ему четко объяснила: «Хочу попасть на работу в медцентр, попроси отца свою девушку трудоустроить, и получишь меня». Павел обратился к Жоре, тот вроде был не против поспособствовать, но тут вмешалась Василиса, которая, как оказалось, ревновала не только Георгия, но и Павла.

Жора сказал юноше:

– Мать истерит, говорит: «Сыну надо думать об учебе в институте, а не супружеское ярмо на шею вешать. Дети пойдут. Останется Пашенька до конца жизни средним персоналом. Гони вон девку. Мне такая невестка без надобности. Еще женой не стала, а уже требует обеспечить ей денежную работу». Извини, Паша, я с Васей спорить не берусь, она мне небо в алмазах устроит. И мать права. Лиза корыстная, она с тобой связалась из-за моих возможностей.

Павел разозлился и заявил мне:

– Уйду от них к тебе, давай жить вместе.

Я ему соврала:

– Где? В семиметровой комнате в коммуналке? Да там такие соседи, что я стесняюсь любимого человека в гости пригласить. Почему ты у меня никогда не был? Из-за идиотов на общей кухне. Давай лучше сначала своим жильем обзаведемся!

– Отличная идея, – согласился Павел, – я «за», да где денег взять?

– Помнишь, ты рассказывал мне про безумного мужика, у которого есть бешено дорогие часы? – спросила я.

– Конечно, – кивнул парень. – Он их постоянно носит.

– На улице тоже? – уточнила я.

– Да всегда будильник с ним, – хмыкнул Паша.

– Если браслет случайно расстегнется, дурачок брегета лишится, – протянула я, – территория медцентра большая, мало ли где больной их посеял. Сообразил?

– Ну так! – кивнул Паша и украл часы.

Дальнейшее оказалось проще, чем конфетку съесть. Сообщить кому надо, кто унес дорогую вещь, нетрудно, Павла вмиг обвинили в краже, а я позвонила Жоре, представилась и предложила:

– Если возьмете меня на работу, вашего сына вытащат из кутузки лучшие сыщики России.

И все получилось, я попала в лабораторию Маслова. Через некоторое время я сообразила: Эмилия Францевна очень любит доктора и не понимает, что он занимается ерундой. Врач «изобрел» тьму разных приспособлений, большая часть из них совершенно идиотские. Фигня в виде скафандра, в которую он запикивает больных, ничего, кроме приступа смеха, у нормального человека не вызовет. А Карина и Фаина с придыханием говорят: «Филипп гений, Эмилия Францевна считает, что он на пороге величайшего открытия». Я никак не могла понять: чем Маслов занимается? Берет человека, угощает его всякими препаратами. Какими, понятия не имею. Карина и Фаина их сами раздают, мне не доверяют. И вообще они страшно недовольны, что я в их вотчине появилась. Постоянно ко мне придираются, отпускают шуточки, которых я не понимаю, замолкают, когда я вхожу. Один раз я случайно услышала, как Карина сказала Маслову:

– Филипп Андреевич, зачем нам Елизавета? Она неаккуратная, ленивая, непрофессиональная и вообще чужой человек. Вчера она увидела, как я в кашу лекарство впрыскиваю, и давай спрашивать: «А это зачем? Разве нельзя человеку укол сделать?» Вот вы уверены, что девица не станет

всей округе о вашей работе вещать? Кто-то из врачей услышит и украдет вашу идею.

Филипп ей ответил:

– Эмилия решила, что вам помощница нужна. Отбросьте предвзятость и подружитесь с ней.

Так в чем гениальность врача? Идея такова. Человек пережил любую стрессовую ситуацию. Попал в аварию, развелся, лишился работы, похоронил родственника. Для кого-то и уход матери из жизни ерунда, а есть люди, чьи нервы в клочья рвутся при виде растоптанного цветка. Вот такие, слишком эмоциональные, могут впасть от переживаний в кому, а потом с трудом из нее выйти. Если люди научились кататься на велосипеде, то никогда не потеряют этот навык, спустя сорок лет сядут на железного коня и пусть медленно, но поедут. Маслов полагает, что и с бессознательным состоянием так же. Попал в ДТП, очутился на аппаратах, пролежал неделю овощем? Значит, и второй раз, попав в аварию, снова окажешься в коматозе. Только не спрашивайте, почему Филипп так решил. Ответ один: он так решил. Точка. Маслов придумал, что надо делать с такими индивидуумами. В подсознании больного необходимо стереть все воспоминания о травмирующей ситуации. А на их место надо внедрить нечто иное. Зачем? Мозг не может оставаться пустым, он, по мнению Филиппа, нечто вроде кувшина, отлил компот – долей водички. Мне очень хотелось посмотреть записи врача, но он их держит в своем кабинете, тщательно запирает дверь. Подсмотреть код мне не составило труда, но как войти в кабинет, если он в двух шагах от ресепшен, а там всегда или Фаина, или Карина сидят? Днем они там вдвоем, а вот до обеда всегда одна на посту, потому что вторая ночью дежурила и отсыпается. Я дождалась, когда останется Кара, подлила ей в чай кой-чего. Капли сработали на ура! Девица засела на унитазах с inferнальным поносом, а я сгоняла в кабинет к Филиппу и живо перекопировала его записи. Уж простите меня, Иван Никифорович, но круглый медальон, на котором выдавлен белый ангел с розовыми крыльями, на самом деле многофункциональное устройство, я его в офисе не оставила, взяла с собой. Оно мне очень помогало, с его помощью я отправила записи к себе на почту.

Глава 34

Материал я изучила ночью и узнала: первое время Филипп действительно брал настоящих больных, у которых нет родственников. Но у него с ними ничего не получалось. Людям становилось плохо от лекарств, которыми врач их одурманивал, а в «скафандре» всех тошнило. И тогда Маслов придумал новый подход. Он стал выбирать среди пациентов клиники тех, с кем можно проводить эксперименты. Ему нужны были люди без хронических заболеваний. А таких чаще всего можно найти в стоматологии. В принципе, и в травме встречаются здоровые, только ноги сломали, и в хирургии такие попадают: аппендицит удаляли. Но они или в гипсе, или со швами. Лучше всего подходят те, кто кариес лечил, нервы удалял. Для чистоты эксперимента Филиппу нужны разные пациенты. Мужчины, женщины, толстые, худые, немалую роль играет их образование или работа, Маслов составляет портрет того, кто ему нужен, и начинает выискивать в стоматологии подходящую кандидатуру. Сначала у него все легко шло, а потом затормозилось. Почему? Допустим, требуется Маслову женщина лет сорока, полная, бухгалтер. А вот нет таких! Или по возрасту не подходит, или продавцом работает. По его записям понятно, что три года назад у исследователя был длительный перерыв. Не находились нужные кандидатуры. На одной странице Филипп написал: «Работа стоит. Нет испытуемого». И рядом через строку: «Наладилось. Василиса Васильевна о проблеме узнала и помогает». И он продолжил то, что считал научной работой, но теперь около фамилий больных стояли пометки «ВВ» или «ЯН». Первая аббревиатура расшифровывалась легко, так врач отмечает тех, кого к нему отправила Василиса. А вот «ЯН» осталось для меня загадкой. Исследования Маслова шли не на пользу людям. Все, с кем он работал, заканчивали одинаково: сходили с ума. Какова дальнейшая судьба несчастных? Одних забирали родственники, других, у кого нет близких, отправляли в «Солнечный сад». Кстати, их меньшинство. Не знаю, что с теми, кто уехал домой, но бывшие пациенты Маслова в доме престарелых долго не живут. Деталь: те, у кого в документах есть отметка «ВВ», имеют хоть одного близкого человека, а бедолаги со значком «ЯН» совершенно одиноки. У меня создалось ничем не подкрепленное подозрение: Филипп Андреевич своими действиями попросту лишает людей разума, а их физическое состояние становится настолько плохим, что подопечные умирают. Что является причиной безумия и смерти? Понятия не имею,

возможно, медикаменты, которыми их кормит Маслов. Филипп достиг мастерства, мороча несчастным людям голову. Я работала в лаборатории недолго, но прочитав записи доктора-экспериментатора, от души пожалела его подопечных. Метод «лечения» всегда одинаков. Врач уверял человека, что на дворе не этот год, а возвращал их на десять-пятнадцать лет назад, поэтому в лаборатории нигде нет зеркал, пациенту нельзя видеть свое постаревшее лицо. В палатах отсутствуют радио, телевизор, гаджеты. Фаина и Карина усиленно подпевали Филиппу. В спектаклях, которые устраивают для недужных, всегда участвуют два дешевых балаганных актера: Виктор и Валерия Головановы. Зачем медучреждению копеечные клоуны? Предположим, Филипп решил сделать переворот в голове какого-то пациента. Василиса ему указала на Иванова Ваню, уточнила: «Ваня совсем здоров, хочет имплант поставить». «Гений» потирает ручки. Живо гуглит кандидата на безумие. Сейчас только ленивый не завел страницу в соцсетях. Имплант ставится не один день. Сначала с дантистом поговорите, анализы сдайте. У Маслова есть время разведать информацию. Допустим, он узнает, что будущий герой его игры потерял отца. Иванов в коме никогда не находился, смерть папани давно его не волнует. Умер, и ладно. Но нашему «ученому» плевать на чувства новой лабораторной мыши. Фаина идет в стоматологию и под благовидным предлогом угощает объект конфетой, пирогом, бутербродом... Иванову делается плохо, у него кружится голова, дрожат руки-ноги. Фаина ему сочувствует.

– Это от духоты. Давайте погуляем в саду.

Медсестра выводит Ивана в парк, пара движется в сторону лаборатории, заходит внутрь и – упс! Ванюша засыпает. В еду подмешали сильное снотворное, объект держат на нем несколько дней, затем разрешают проснуться. Говорят, что он впал в кому после ДТП. Витю гримируют, ночью он приходит под окно пациента, представляется его отцом, ведет себя так, как будто тот жив. У напичканного таблетками человека реально едет крыша. Маслов отрабатывает методику замены одних воспоминаний другими. Если вдуматься, то становится ясно: врач творит невероятную глупость. Когда подопечный «просыпается от комы», он вполне может ходить, запереть его в палате Филипп не имеет права, пациент идет гулять по территории, может столкнуться с кем-то из посетителей или персонала, услышать, что на самом деле в стране другой век. И увидеть себя для него тоже не проблема. Достаточно зайти в кафе, которое принадлежит Галине Лоскутовой, там в туалете можно найти большое зеркало. И когда это происходит, у того, кто «лечится» в лаборатории, начинается истерика. У меня создалось впечатление, что

Маслов специально людей до безумия доводит. Или он дурак, который твердо верит в свою гениальность. Почему Эмилия постоянно восторгается Филиппом? В жизни Вяземской случились две трагедии. О первой я уже сообщила: смерть семилетнего Игоря. Но ранее она лишилась и старшего сына Андрея, которого родила от первого мужа. Парень погиб в ДТП. Филипп считался лучшим другом Андрея, сидел с ним в момент аварии в машине и не получил ни единой царапины. Маслов заменил Эмилии любимого сына, поэтому ему позволено все.

Я живу в общежитии при клинике, не исключаю возможности обыска. Флешку с информацией спрятала в рабочей обуви. Я не вызываю к себе интереса, меня считают глуповатой. Но на всякий случай решила перестраховаться. Большинство сотрудников относится ко мне нормально. А вот Фаина ненавидит меня, и Василиса тоже готова меня сожрать, ревнует к Жоре».

Все. Далее тишина. Учитывая, что на записи регулярно возникали паузы, наверное, Лиза делала ее не один день, очередной раз прервалась и умерла. Поэтому звуковое письмо не закончено. Я потерла кулаками глаза. Компьютер полезная вещь, без него теперь никуда. В особенности рады появлению умной машины эксперты. Раньше они рассматривали отпечатки пальцев в лупы, часами сидели, сравнивая их с теми, что имелись в базе. А нынче! Один клик – и получи совпадение, да еще на экране появятся фото преступника и вся его биография. Но у меня от чтения с экрана начитают течь слезы. Я не могу, как Иван Никифорович, лежать в постели, наслаждаться интересным текстом, который закачан в айпад. Мне нужна книга, запах переплета, бумажные страницы. Научно-технический прогресс хорош, но я не хочу выбрасывать бумажные издания. Для меня книги, которые кое-кто теперь считает архаичными, – именно настоящие издания, электронный вариант – всего лишь копия.

Глава 35

– Загуляли вы, – сказала Карина, которая сидела на ресепшен, – я уж волноваться начала!

– Погода прекрасная, – сказала я, – воздух упоительный.

– Кефирчик выпить надо, – заявила девушка. – Вам какой? Фруктовый? Шоколадный? С корицей?

– Натуральный есть? – спросила я.

– Нет, – развела руками медсестра.

Моя улыбка сделалась шире. Ясно. У лекарства, которое подлили в кисломолочный продукт, есть какой-то привкус, его прячут с помощью отдушки.

– Давайте клубничный!

– Только ананасовый в наличии.

– Прекрасно, – кивнула я, забрала стаканчик и скрылась в палате.

Хорошо, что безалаберная Карина разрешила мне унести кефир с «наполнителем». Вот Фаина заставила бы меня выпить его на ресепшен. Интересно, почему вчера мне не дали вкусняшку на ночь? Наверное, употребление полезного для здоровья продукта происходит по какой-то схеме. Я вылила содержимое стакана в унитаз, поставила грязную посуду на тумбочку и легла.

Сна не было ни в одном глазу. Зато появилась уйма вопросов. Целью Елизаветы было попасть в отделение, чтобы заполучить ДНК Карины, она собиралась сравнить ее анализ с тем, что имелся в деле пропавшей Леночки Кротовой. Лиза его получила. Почему тогда не покинула лабораторию? Цель достигнута, использованный стаканчик имеется. По какой причине Лиза осталась на службе? Зачем она воспользовалась тем, что ей велели отвести в «Солнечный сад» несчастного Кузнецова, бросила его у помойки, а сама оторвала воротник от халата Эмилии? Ей потребовалось ДНК владелицы медцентра? Зачем? Лиза передала образцы приятелю, который ей помогал?

Я закрыла глаза и зевнула. Неужели Трифонова не узнала бывшую начальницу? Елизавета попросила меня принести ей тапки. Я тогда находилась под воздействием лекарств, наглotalась кефирчика с корицей, поэтому поверила, что ко мне приходила Этти. Лиза же появилась утром. Во мне бродил принятый на ночь препарат, добавьте сюда волнение от встречи со свекровью, от рассказа про то, что я изменила мужу, стала

причиной его кончины. На мой мозг оказали не самое лучшее воздействие препараты, которые мне капали по приказу Филиппа в дни принудительного сна. Если честно, я почти ничего не соображала. Кто я? Где я? Кем работаю? Милые люди, подскажите, какое нынче столетие на дворе? И, здрасти! Лизавета за окном. Мне ее лицо показалось смутно знакомым, а сотрудница бригады Коробкова совершенно не ожидала увидеть здесь меня. Лиза хотела попросить очередную жертву Маслова добыть ей тапочки. Рискованная затея, но, учитывая, какая на флешке хранилась информация, оправданная. Лиза окликнула шепотом пациентку, я подошла к окну... Она ахнула: «Господи! Боже!» Она сразу сообразила, кто перед ней, а я, имея, в прямом смысле слова, больную голову, заподозрила, что незнакомка поражена моей толщиной, и с обидой спросила: «Испугались, увидев меня? Я такая страшная? Жирная корова?» Лизавета ответила, что у нее привычка постоянно говорить: «Господи! Боже!» И попросила принести свои тапки. Вполне вероятно, что она хотела увести меня из медцентра, но... Лиза умерла. Ее убили. Кто? За что?

Я повернулась на бок и подтянула колени к груди. Значит, Карина – это Лена Кротова, младшая сестра Елизаветы Трифоновой по матери. Врач Геннадий Андреевич, из-за которого все случилось, отчим Лизаветы. И как в этой истории оказалась Фаина? По официальной версии Эмилия Францевна нашла в подвале двух бездомных девочек и удочерила их. Понятно, что эта история вранье. Карину украли, выдали за беспризорницу. Эмилии Францевне кто-то помог повернуть это дело. Но откуда взялась Фаина?

Я снова легла на спину.

Мои глаза закрылись, стало тепло, уютно...

– Таня! Таня! Таня, – врезался в уши голос.

Я села и пошатнулась.

– Осторожно, – прошептала Карина, – нельзя так резко шевелиться. Одевайся.

– Зачем? – уточнила я.

– Некогда сейчас объяснять, – тихо сказала медсестра, – надо бежать! Завтра Маслов собрался тебе жуткую пакость вводить! Я не в силах ему помешать! И твоя бригада тоже. Они молодцы, сделали все, чтобы Филипп не смог тебя лечить. Подослали Эбелину с Гектором, те сломали начисто унитаз, потом устроили цирк с колдуном, со скафандром... С последним я им помогла.

Я стала натягивать джинсы:

– Помнится, вы меня изо всех сил удерживали в лаборатории,

говорили, что я не имею права уходить!

– А что мне оставалось делать? – нахмурилась Кара. – Вы лучше вспомните, что я исчезла, когда должна была Маслова из скафандра до начала теста вытащить! И таблетку вам «забывала» давать, и кефир разрешила в палату унести. Но все разрушить я не способна. Нам надо торопиться! Времени в обрез. За забором ждет Дмитрий Коробков.

– Вам правду рассказали про похищение! – осенило меня.

Карина кивнула:

– В тот день, когда Елизавету из лаборатории выгнали, она меня подстерегла у кафе. Тут на территории есть маленький ресторанчик, его Халя держит. Лиза внутрь не пошла, оттащила меня в кусты, рассказала, что я Лена, ее сестра по матери. Понятное дело, кто этому поверит? Я решила, что она врет, но маленькое сомнение зародилось. Спросила у нее: «Если ты и впрямь сотрудница какой-то спецслужбы, то дай телефон кого-нибудь из начальников, я поговорю с ним». Она позвонила Дмитрию, сказала ему: «Вот, вы не верили мне, а я ее нашла! Поговори с Леной, которую Кариной зовут». И сунула мне трубку. Договорились с ним о встрече. Я приехала в указанное место. Дмитрий рассказал все, что знал про Лену Кротову, предупредил: «Мы не можем утверждать, что вы дочь Геннадия Андреевича. Для таких выводов нужна экспертиза. Анализ ДНК. Вы подумайте на эту тему, не принимайте решения сразу». А мне стало страшно прямо до жути. Я же Эмилию Францевну считала мамой. Нет, я знаю, как и где нас с Фаиной нашли, но всю свою жизнь думала: она моя мамуля любимая, спасла меня от смерти в подвале. И вдруг такое! А Дмитрий продолжал: «Елизавета может ошибаться. Она вам рассказала историю похищения Лены, но у нас есть лишь косвенные доказательства».

А мне-то уже плохо! Сижу, трясусь! И тут ваш коллега объявил, что Лиза вошла в медцентр по своей инициативе, для нее поиск Лены – личное дело. Она может глупостей натворить, чтобы не случилось беды, в медцентр направили очень опытную Татьяну Сергееву, начальницу особой бригады. Она пропала. Последнее, что о ней известно: Таня приобрела по акции годовое обслуживание, ей положено бесплатное обследование. Последний визит она сделала к стоматологу, но на прием не попала. Возможно, Сергеева в лаборатории. Коробков просил помочь.

Карина ссутулилась:

– И я помогла, лекарство вам не давала, говорила вашим, когда Филипп будет свои сеансы с вами проводить. А потом... когда Лиза умерла, я сдала анализ ДНК. Лучше правду знать, пусть плохую, но истину.

– Почему же Елизавета удивилась, увидев меня в палате? – спросила

я. – Получается, она знала, что...

Карина не дала мне договорить:

– Нет! Она не знала, что вы в лаборатории. Ее уволили до того, как Фаина вас привела от дантиста. Дмитрий просил меня ничего ей не говорить, он опасался, что Лиза узнает: вы ее ищете, ну... и что-то сделает. Пойдемте. Лучше нам тут не болтать.

Мы с медсестрой вылезли в окно и побежали по тропинке.

– Вроде ворота в противоположной стороне, – заметила я.

– Там охрана, – возразила Карина, – и камеры настоящие, не фейк, как везде. Нам сюда. Вон Дмитрий.

Я притормозила у забора, за которым маячил Коробков.

– Привет, Танюшка, – сказал он, быстро вытаскивая пару прутьев из ограды. – Пролезешь?

– Не такая я жирная, как вы все считаете, – вздохнула я. – Кара, быстрее, сейчас охрана увидит на мониторе, что мы удираем.

– Я отключил камеру, которая на эту часть забора направлена, – пояснил Димон, – но жвачиться нельзя, скоро заметят, что «глаз» ослеп. В машину!

Мы с Кариной юркнули в джип. Внедорожник понесся по пустому шоссе со скоростью реактивного самолета.

Глава 36

– Меня зовут Илья Григорьевич Аверьянов, – сказал симпатичный мужчина, который сидел напротив Коробкова.

Я усмехнулась:

– Память ко мне вернулась. Большое спасибо вам за то, что устроили клоунату с Эбелиной и Гектором, клоуном Минимаркетом и аппаратом, куда меня Филипп засунуть решил!

Димон прижал ладонь к сердцу:

– Не за что! Танюша, ты мне дорога, как память о юности.

– Во времена твоей юности она еще не появилась на свет, – заметил психолог Михаил Юрьевич.

Коробков выпрямился:

– Давайте воздадим должное герою. Кто рискнул поговорить с Кариной, и мы получили помощницу в лаборатории? Кто у нас молодец? Я! Кто может влезть куда угодно? Коробков! Кто проник в комп Маслова? А? У него там расписание всех процедур для Сергеевой было! Кто предложил местному сантехнику денежки? Тот их взял, пришел якобы для профилактического осмотра к Филиппу, сломал бачок, потом соврал начальнику, что заболел, посоветовал вместо себя Эбелину. Та ввалилась к Маслову в тот момент, когда он собрался Танюшке тест устроить! А что после вопросов у него? Инъекция!

– Прямо спектакль устроили! – восхитилась я.

– Мы такие, – засмеялся Федор Миркин, – каскадную парочку Эбелина плюс Гектор одолжили в бригаде Нестерова.

– А колдун? – задала я следующий вопрос.

Иван Никифорович кашлянул:

– Дима изучил все, что связано с клиникой, и выяснил: раз в году туда заявляется группа сумасшедших фанатов какого-то шамана.

– Минимаркета, – хихикнула я.

– Нынче действо устраивал Иван Селезнев, – подхватил Димон, – он после смерти Никиты Ротова стал главным жрецом. Мероприятие занимает не более получаса. Немногочисленная группа идиотов обходит вокруг скверика, поет мантры, бьет в бубен – и конец истории.

– Странно, что их пускают на территорию медцентра, – удивилась я.

– Когда эти психи появились впервые, их вежливо попросили уйти, – объяснил Коробков, – так Никита устроил жуть! Обожатели шамана орали

у ворот, приехала полиция, но Ротов успел раньше вызвать прессу. Газеты писали, что медцентр не позволяет людям молиться, отдавать дань почтения своему божеству. Такой скандал вышел! Вот Вяземская и решила: дешевле их раз в году на часок пускать. Она пыталась заплатить Никите, чтобы он своих фанатов не приводил, но тот от мзды отказался.

– Иван Селезнев же любит деньги, – заметил Михаил Юрьевич, – он получил приличную сумму за приглашение на праздник колдуна.

– Ну вы и придумали, – рассмеялась я, – про смерть того, кто первым уйдет!

– Да мы велели другое говорить! – разозлился Коробков. – Надо было сообщить, что того, кто останется на двадцать четыре часа, весь год будет преследовать удача. А он вон чего наплел. Дундук!

– И кто у нас колдун? – любопытствовала я.

– Григорий, все из той же команды Нестерова, – объяснил Федор. – Я сам хотел, а они не дали, боялись, как ты отреагируешь, вдруг мою рожу узнаешь и совсем в астрал уйдешь. Тебя круто Маслов препаратами накачал. Непонятно было, как ты поступишь.

– Я у Гриши спросил: «Почему ты отсебятину нес, – сердито продолжал Димон, – отступил от сценария?» Тот в ответ: «Да я сообразил, что этих кретинов словами об удаче не удержать. Чего поубедительнее им надо».

– Что случилось с Таней, которая съела мою геркулесовую кашу? – спросила я. – В овсянке было какое-то сильное лекарство?

– Нет, – возразил Коробков, – в завтрак подливали настойку трав, их там много, но все безопасные. Маслов хвастается, что сам составил сбор. Его надо пить утром, вечером для лучшего действия жуткой гадости, которая содержится в кефире. Вот в нем точно дрянь, Карина не могла тебя предупредить. Она отсутствовала в лаборатории, пойло преподнесла Фаина. Хорошо, что его по хитрому расписанию дают. На следующий прием тебе его уже Карина дала и разрешила в палату унести. Что строго запрещено. Надеюсь, ты гадость вылила!

– Верно. Значит, записку с приглашением зайти в библиотеку и почитать книгу про пса Димона Коробкова в мою куртку Карина запахнула?

– Именно так, – объяснил Иван. – Читаю в твоих глазах вопрос: зачем еще библиотекарь, если Карина помогает. У Кары была мотивация на нас работать, она думала, что Эмилия, возможно, ее обманула, хотела узнать правду, но боялась ее услышать. ДНК она решилась только позавчера сдать, до этого колебалась. Не очень-то надежный она человек. Но другого у нас

не было. И складывать все яйца в одну корзину не следовало. Понадеемся на Карину, попросим ее передать тебе информацию, а медсестра пойдет на попятный. Таким, как она, ненадежным спутникам в пути, лучше всего до конца не знать. И было еще одно соображение: в палату в любой момент могли войти Фаина, Маслов и тебя в момент чтения застать. В библиотеке же нет никого постороннего, а у Василисы серьезная проблема, она не станет отказываться от сотрудничества, не подведет. Честно работать с нами библиотекарь согласилась не из жалости к тебе, ей пообещали освободить Павла. Вот только... М-да.

– Рассказывайте все! – потребовала я.

Димон открыл еще один ноутбук.

– Танюша, ты после побега из лаборатории находилась на обследовании у наших врачей неделю, за это время мы успели со многими пообщаться и выяснить массу интересного. Эмилия Францевна потеряла двух сыновей, старшего, от первого брака, Андрея, и младшего Игоря от второго мужа. В разговоре с владелицей медцентра я сказал ей: «Вы прекрасно знаете, что медицинские архивы хранятся долго, но поверьте, полицейские документы тоже не исчезают. Нашлась информация и на вашего первого супруга, и на сына. Глеб Краснов был наркоманом, он умер от передозировки коктейля препаратов. Не знаю, передается ли любовь нюхать, колоться и курить разную дрянь по наследству, но Андрей тоже связался с наркотой. Вот только, в отличие от Глеба, парень сам не употреблял, он торговал кокаином, героином, экстази. Несколько раз его задерживали, но добрая маменька нанимала ушлого адвоката, который вытаскивал сыночка. Думаю, денег юрист брал немерено, а сынок ваши нервы основательно на кулак наматывал, довел мать до больницы. Ваша подруга, Василиса Васильевна, рассказала мне, что у Андрея был приятель Филипп Маслов. Тот пытался отвернуть Андрюшу от пагубного занятия, но ничего не получилось. А потом произошла совсем уж большая неприятность. Если раньше непутевый сынок попадался в клубах с пакетиками, где было не так уж много дури, и была возможность за взятку оформить все как герыч для личного употребления, то теперь студента взяли с сумкой, набитой героином. Это, простите, другой коленкор. Та же Василиса сообщила нам, что адвокат смог добиться для дилера подписки о невыезде. Но Андрею грозили следствие, суд и, скорей всего, отсидка. Вот тут вы, Эмилия Францевна, и попали в больницу с инфарктом. Пока вы лежали в клинике, непутевый сынок сел в машину, за рулем которой находился его друг Филипп. Шоссе, шофер не справился с управлением... Итог! Краснов в морге, Маслов в клинике, у него мелкие травмы. И вот что

странно! Мать не проклинает того, кто убил ее сына! Наоборот, она его изо всех сил поддерживает, парень заменяет ей родного ребенка, он зовет ее мамой. Вы не возражаете, обращаетесь к нему: «Сыночек». Прямо слов нет, какие прекрасные отношения. Простите мое любопытство, почему вы не прокляли того, кто убил Андрея? Девяносто девять женщин из ста мечтали бы зарезать Маслова.

– Фил давно стал членом нашей семьи, – спокойно ответила Эмилия, – он всегда мне помогал, старался удержать Андрея от торговли наркотиками. Я считала Маслова сыном еще до трагедии».

Димон щелкнул пультом. Большой экран на стене продемонстрировал рисунок.

– Перед нами схема, ее нарисовал сотрудник ГАИ, который первым приехал к месту аварии, – продолжал Коробков, – шоссе пустое. Ночь. Время: шесть ноль семь. Суббота. Обе полосы, одна в Москву, другая из столицы, пусты. Дождя нет. Сухо. Лето. Уже рассвело. Видимость прекрасная. Ни поворота, ни зигзага. И что происходит? По непонятной причине Маслов влетает в большое дерево, которое растет на обочине. Дуб буквально размазывает ту часть автомобиля, где сидит Краснов. У Андрея не было шансов выжить. Почему Филипп вильнул влево? Что случилось? Гаишнику на дороге Маслов ничего не ответил, он сказал: «Мне плохо, очень плохо, я умираю».

И «Скорая» его увезла.

Димон опять нажал на пульт, экран разделился на две части, во втором окне появился другой чертеж.

– А вот схема, которая оказалась у следователя, – сказал Коробков, – на ней видно, что по встречной полосе идут машины, их довольно много. Одна выскакивает на встречу, чтобы избежать столкновения, Маслов резко уходит влево. При спецподготовке шоферов, которые должны возить очень значимых персон, например президентов, специально до автоматизма отрабатывается маневр «спасай пассажира». В случае неизбежности лобового столкновения водитель обязан так вывернуть руль, чтобы удар пришелся в него, а не в ту часть транспортного средства, где сидит важный человек. Тот, кто держит руль, должен пожертвовать собой ради блага государства, спасти того, кто сидит на заднем сиденье. Но Маслов такой подготовки не проходил, следователя не удивило, что парень, пытаясь уйти от столкновения, машинально свернул влево, не заметил дерева... Несчастный случай. А вот я в недоумении. Каким образом схема вдруг так изменилась?

Я оторвала взгляд от экрана.

– Хочешь сказать, что Филипп убил Андрея? А потом кто-то подменил чертеж, который сделал гаишник на месте аварии?

– Ага, – по-детски ответил Димон, – только мне кажется, что это не простое ДТП. Скорей всего, адвокат объяснил Эмилии, что он не сможет на сей раз избавить Андрея от зоны. Вяземская поняла, что сын – ее постоянно действующее несчастье. И...

– Ой, нет, – возразила я, – она мать! Не может убить своего ребенка. Маслов любит Эмилию, она ему очень помогла, сделала операцию на лице. Филипп увидел, что та, кого он считал матерью, свалилась с инфарктом, и сам принял решение убрать Андрея. Он тоже понимал, что Краснов – постоянно действующее несчастье.

– А кто чертежник-то другой в дело подсунул? – усмехнулся Димон. – Забесплатно такое не сделают. Токмо за денежки. Причем немалые. У Маслова их не было. Вот только тот, кто шахер-махер затеял, все папочки не проверил. Схема хранилась в нескольких местах. В одном ее тью-тью, а про второе забыли. И судья небось жирный кусок получил. Большими расходами дело благоухает.

– Но... – начала я, – однако...

– Хватит, – остановил меня Иван, – как и что на самом деле произошло, мы не узнаем. Ни Филипп, ни Вяземская правды не сообщат. Ясно одно: Андрея убил Филипп. Может, случайно. А может, нет. Эмилия же, несмотря на то что случилось, благодарна Маслову, она его сыном считает.

– Что косвенно подтверждает: мамочка попросила парня об услуге. – Димон не упустил возможности бросить полено в костер своей версии. – Хорошо, проедем мимо Андрея, просто запомним: Вяземская готова все простить Маслову. Даже то, что он убивает своих пациентов. Таинственные буквы в записях Маслова «ВВ» и «ЯН» нашему отделу криптоаналитики^[3] не показались загадочными. Вова Смирнов поговорил со мной о деле и спокойно ответил:

– «ВВ» – определенно Василиса Васильевна. Так врач помечает клиентов, которых ему библиотекарь прислала. А «ЯН» – это «я нашел». Иногда Маслов сам отыскивал подходящего пациента, Татьяну нашу он лично откопал.

И только сейчас мне пришло в голову спросить:

– Каким образом я попала в лабораторию?

Глава 37

– Я все ждал, когда ты наконец поинтересуешься, – вздохнул Иван. – Чтобы попасть в медцентр, ты оформила контракт.

– Верно, – согласилась я, – иначе даже на территорию не пускают.

– И куда ты пошла, что за хворобу выдумала? – усмехнулся муж.

Я развела руками:

– Какую болезнь я могла придумать? Я здорова, как корова. А вот небольшая дырочка в каком-нибудь зубе у каждого найдется.

– То есть ты записалась к дантисту? – уточнил Федор.

Я пустилась в объяснения:

– Я оплатила контракт, менеджер меня спросила, есть ли жалобы. Мне очень хотелось погулять одной по территории, поискать Елизавету. По условиям договора мне полагалась бесплатная трехдневная диагностика. Я решила, что за это время смогу изучить клинику. Как правило, любые исследования проводят до обеда. Потом наступает тихий час. А после его окончания делай что хочешь. После того как я разорилась на годовое обслуживание, меня устроили в одноместную палату и предупредили, что завтра в девять утра мне надо посетить дантиста, а сейчас предстоит визит к терапевту. Все шло обычно: общие вопросы, жалобы. Потом я переместилась к кардиологу, онкологу, гинекологу. Надо отдать должное медикам, они оказались внимательными. На следующий день я побывала у стоматолога, следуя расписанию, прошла УЗИ сосудов, услышала от доктора: «Проблем не вижу, подождите в коридоре», – и устроилась в кресле. Минут через десять ко мне подошла медсестра, теперь я знаю, что это была Фаина, она протянула мне мензурку и попросила выпить содержимое. Я спросила:

– Зачем?

Девушка объяснила:

– Вам предстоит компьютерная томография, жидкость для того, чтобы хорошо все видеть.

Я удивилась:

– Контраст? Но его вводят уколом.

Фаина улыбнулась.

– На радиоактивный йод у многих аллергия. У вас нет подозрений на онкологию, зачем такое мощное небезопасное исследование. То, что я вам даю, легкий красящий элемент на растительной основе, надо подождать

полчаса, и проблем не будет. Пейте спокойно, погуляем в саду, время пройдет, а вы уже у порога томографа, он в другом помещении.

Я замолчала.

– И она тебя повела в лабораторию? – предположил Димон.

– Верно, – согласилась я, – завела внутрь, усадила в кресло, сказала: «Минут через пять можно приступать. Томограф пока занят...» Больше я ничего не помню, очнулась в палате, услышала про кому, а про то, что мне предложили пройти исследование на томографе, начисто забыла. Вспомнила об этом недавно.

Димон поднял пульт, на экране появилось изображение Карины и затылка Ивана Никифоровича.

– Да, да! – всхлипывала девушка. – Елизавета все мне объяснила! Я дочь врача Кротова. Меня Эмилия украла! Почему она так поступила? Меня на самом деле зовут Леночка! Я жила с мамой, отцом, бабушкой и сестрой! Боже! Елизавета моя родная... моя... а я ее терпеть не могла... Ну по какой причине Эмилия Францевна... ну...

Карина заплакала.

– Мы пока не беседовали с госпожой Вяземской, – заговорил Иван, – точного ответа на ваш вопрос я не знаю. Могу лишь сделать предположение...

– Знаю, – зашмыгала носом Карина, – Лиза объяснила, что у Вяземский погиб ребенок, мальчик. Мой папа, врач, не успел подойти к малышу, а тот скончался. Эмилия решила отомстить Кротову и украла его дочь. Меня! Я чувствовала, что мать не любит меня. Вяземская только Маслова обожает! А нас с Фаиной ругала, говорила:

– Ради вашей пользы вам замечания делаю, не хочу дур вырастить.

Фае она разрешила в мединститут пойти, а мне нет. О! Файку Вяземская тоже украла?

Иван Никифорович кашлянул:

– Карина, Елизавета опрометчиво сообщила вам о родстве. Ваш анализ ДНК она не делала.

– Нет, – уперлась девушка, – Лизавета сказала, что ее приятель провел исследование.

– Кто? – быстро спросил Иван.

– Не знаю, имени она не назвала, – растерялась медсестра. – Файку тоже Вяземская украла?

Мой муж побарабанил пальцами по столу.

– Версия Вяземской такова. Эмилия Францевна шла вечером мимо нежилого дома, услышала из подвального окна писк. Женщина очень

любит кошек, она подумала, что в помещении голодные котята, вошла туда и обнаружила двух маленьких девочек. Одной по виду было лет пять-шесть, другой – три-четыре. Та, что выглядела старше, была одета, как цыганка: цветастые юбки, соответствующая кофта. Вторая малышка была почище, в аккуратной одежде. Вяземская схватила несчастных, привела к себе домой, вымыла, накормила, спать уложила. На следующий день отвезла крошек в дорогой медцентр на обследование, купила им одежду. Лишь через пару суток Эмилия обратилась в милицию и позвонила Георгию Михайловичу Брулеву, молодому следователю, с которым познакомилась, когда из прихожей ее квартиры украли меховые шапки, а Брулев быстро нашел воришек.

– Георгий Михайлович? – опешила Карина. – Наш начальник охраны?

– Именно так, – подтвердил Иван. – Следователь предположил, что старшая девочка брошена цыганским табором. Она выглядела очень испуганной, молчала, не отвечала ни на какие вопросы. Возможно, ее украли, хотя у темноволосой, темноглазой, смуглой малышки была типичная внешность цыганки. Вероятно, ее заставляли просить милостыню, а когда она заболела воспалением легких и заполучила в придачу конъюнктивит, ее просто выкинули. По поводу второго ребенка даже догадок не было. Ни имен, ни фамилий, ни своих адресов дети не назвали, особых примет не имели. Таких, как они, никто из взрослых не искал. Девочкам предстояло отправиться в приют. Вяземская их удочерила, назвала Фаиной и Кариной. Давайте мы сделаем анализ ДНК?

– Хорошо, – всхлипнула Карина, – но я точно знаю, что украли меня.

– Сейчас придет наша сотрудница и возьмет у вас мазок изо рта, – пояснил Иван Никифорович. – Ну да вы медик, нет нужды объяснять вам процедуру. Можете рассказать, каким образом Сергеева оказалась в лаборатории?

Карина сделала глубокий вдох и быстро заговорила:

– Маслов искал крупную пациентку, хотел на ней новые лекарства испробовать. Он имел доступ к общей базе медцентра, рылся в ней и злился. Невезуха, никого найти не мог! И вдруг! Удача! Сергеева! Вот уж он ликовал! Возраст, вес, рост, образование – все прямо как он хотел. Тютелька в тютельку совпало. И проблем со здоровьем нет, Татьяне уже часть исследований провели, результаты, как у космонавта.

– Сергеева была найдена среди пациентов медцентра, она просто подошла по параметрам? – уточнил Иван.

– Да, – подтвердила Карина, – именно так. Далее покатило по стандартной схеме. Фаина принесла сильное лекарство, если его принять

орально, действовать оно начинает минут через десять-пятнадцать. В зависимости от веса и морального состояния пациентки. Сергеева заснула. Потом несколько дней ее держали на медикаментах, и она очнулась почти невменяемой. Лизу уже на тот момент из лаборатории вытурили, она в клинике оказалась. Не понимаю, почему ее вообще не выставили вон.

Я молча слушала медсестру. Почему Елизавету совсем не выгнали? Да потому, что Жора хотел, чтобы особая бригада освободила его сына. Он при разговоре с Иваном Никифоровичем сказал: «Лиза обещала полное содействие только при условии, что она работает у Маслова. Но ее оттуда турнули. Девчонка ко мне с претензией прилетела, пугала: «Ты не соблюдаешь договоренность». А я ей в ответ: «Следовало иначе себя вести. Натворила ерунды, пациента бросила, халат Эмилии порвала. Я в этом виноват? Сама набедокурила. Теперь некоторое время сиди тихо, пусть буря уляжется, а там посмотрим».

Карина тем временем продолжала:

– Лиза со мной мало общалась, потом ее выперли. И вдруг! Иду к Эмилии, из кустов Елизавета выскакивает: «Принеси пакет, который в сестринской остался». Я ей ответила: «Отвяжись». Лизавета меня за руку схватила и говорит: «Хочешь знать правду?» Вот так я все узнала.

– Поверили Лизе на слово? – удивился Иван.

– Она сказала, что анализ ДНК совпал, – ответила Карина.

– Результат показала?

Медсестра заморгала:

– Ну, нет. Но я сразу поняла: она не врет. Всегда ложь чую.

– Ох уж эта бабская чуйка, – не выдержал Димон. – Я нашел хакера, друга Лизы. Он никаких образцов ДНК от нее не получал.

– Дайте посмотреть до конца, – попросила я, не отрываясь от экрана.

А Карина вещала дальше:

– Мы договорились, что я вынесу ей пакет. А как? Фая постоянно была рядом. Она знала, что в сестринской находится шмотье Лизаветы, заявила мне: «Снегова, тварина противная, морда любопытная, везде свой нос сует. Один раз хотела твою чашку в сумку свою запихнуть. А я увидела случайно, отняла и спросила: «Зачем тебе кружка Кары? Свою имеешь!» Она затараторила: «Ой, я перепутала, думала, это моя чашка! Разбила ту, что в комнате держу, нет времени в магазин идти...» – и врет, и врет, и врет! Отвратительная баба, лживая, ленивая, мерзкая. А ты, Кара, жалостливая по-глупому. Запомни: я запрещаю отдавать ходячей дряни пакет с тапками. Пусть новые покупает. Знаю, что ты сейчас скажешь: «Лизка бедная, одна сына тянет, копейки считает». Нет! Она пакостница!

Не вздумай ей тайком обувь вынести! Поругаемся тогда!» Ну я и побоялась просьбу Лизы выполнить. Татьяна тогда к нам только поступила, спала она. Снегова притихла, не появлялась, меня не искала, в парке не ловила. Я удивлялась, почему она в подполье ушла. О! Вопросик есть!

Карина легла грудью на стол:

– Откуда тот симпатичный мужчина узнал, что я в салон пойду поздно вечером? Голову красить хотела. Он меня у входа остановил, и мы в его машину сели, говорили долго.

– Все слышали про симпатичного парня? – спросил гордо Федор. – Это я!

– Охо-хо, – протянул Коробков, – интернет очень удобен. А у меня для личного общения кнопочная трубка даже без фотокамеры. Онлайн-банком я не пользуюсь, наличкой расплачиваюсь, по карте редкие покупки делаю. Влезть в чужой айфон не каждый сумеет, но я и не на такое способен! Миркин, спору нет, ты красавчик! Но кабы не я, тебе Елизавету не очаровать, ты бы попросту не выяснил, куда и когда она порулит.

– Да тише вы, – шикнула я.

– Там больше ничего интересного нет, – пояснил Иван, – все остальное ты уже знаешь. Федор рассказал Карине, кто ты такая, объяснил, что мы все равно тебя вытащим. Можем прямо сейчас с мигалками и воем прикатить, но не хотим пугать Эмилию, больных людей. И надо выяснить, кто убил Лизу, разобраться: права ли она была, считая Кару своей сестрой по матери. Проинструировал Карину, как с тобой себя вести. Она рассказала про прием лекарств во время исследований, про то, что Филипп своим подопечным уколы делает, и мы придумали, как ему помешать.

– Только то, что мне несколько дней вливали разные лекарства, объясняет мою непонятливость, – вздохнула я. – И ведь в голове мелькали вопросы. Филипп Андреевич сказал, что скелет в его кабинете пугает пациентов. Зачем тогда его там держать? С какой стати Маслов живописал только что вышедшей из комы женщине про то, как она пару часов сидела в машине около трупа любовника, которому оторвало голову? Еще он мне показал фото: я и Коровин идем куда-то вместе. Мне снимок, несмотря на плохо работающий мозг, показался странным, но я на эту тему не размышляла. А сейчас-то сообразила. Меня запечатлели в синем платье, а наряд этот я давно выбросила, потому что лет семь назад пролила на него гранатовый сок и не отстирала. У меня был ученик, его отец – директор санатория на Истре. Он пригласил меня на выходные бесплатно отдохнуть. Местный фотограф щелкнул меня, когда я шла с пляжа. Понятия не имею, где Маслов взял это фото, но я не могла стоять около мифического

Коровина в этом наряде. И на берегу реки я находилась одна!

Глава 38

– Ау, Тань, – хмыкнул Димон, – глянь в ноутбук. У тебя есть страница в фейсбуке. Фальшак. Татьяна Сергеева, училка. Там фотки, в том числе и эта с подписью: «Старый снимок, но он напоминает о счастливой молодости». Я тебе профиль делал, он существует для тех случаев, когда ты представляешься педагогом, а не начальницей бригады. Ты забыла?

Мне пришлось признаться:

– Да. Только сейчас вспомнила. Продолжаю рассказ. Этти пришла в сад в маске, якобы у нее грипп, притопала ночью. Медсестра, которая читала на посту детектив, сказала, что только утром его купила, а обложка была потрепанная. Маслов не нашел новую книгу многолетней давности. И медальон на шее Лизы. Я на него смотрела и удивлялась: откуда его знаю? А ведь у меня такой же есть. Электронная отмычка, которую мне протянула Елизавета! Я вмиг сообразила, как ею пользоваться! Но мозг находился под воздействием лекарств, поэтому я удивлялась и тут же забывала, что меня поразило. Но почему Лиза, узнав меня и воскликнув: «Господи! Боже!», не призналась мне, кто она?

Михаил Юрьевич поднял руку:

– Точного ответа мы никогда не узнаем. Лиза скончалась. Но как психолог могу высказать несколько своих соображений. Трифонова была в курсе, как Маслов «лечит» пациентов. Ты могла быть одурманена, не сообразила бы, о чем ведет речь коллега. Беседа затянулась бы, а стоять под окном палаты опасно. Медсестру в любой момент могли увидеть. Вот Лиза и приняла правильное решение: позвать тебя в укромный уголок сада, где можно поболтать спокойно.

– Но ее убили, – вздохнула я. – Есть хоть какая-то версия, почему Трифонова скончалась? Возможно, что-то знает Василиса Васильевна! Последние слова на флешке: «Фаина меня ненавидит. И Василиса тоже. Ревнует к Жоре». А Лера, актриса, рассказала мне, что, когда она зашла в кафе Хали, в зале вспыхнул скандал. Василиса, Жора и Халя мирно пили чай, появилась Елизавета, которая заговорила с Георгием Михайловичем так, словно он ее любовник. Василиса Васильевна, о чьей ревности слагают легенды, набросилась на нахалку. Полетели в разные стороны пух, перья, подшерсток и зубы...

Иван взял чашку и пошел к кофемашине.

– Сейчас посмотришь запись допроса Брулева. Меня удивило, как

Елизавета ухитрилась попасть в лабораторию. Ее ведь сначала оформили в медцентр в терапевтическое отделение, но вскоре перевели к Маслову.

– То ли Карина, то ли Фаина, сейчас точно не помню, но определенно кто-то из них сказал, что Эмилия Францевна решила увеличить количество сотрудников в лаборатории Маслова, – сообщила я.

– Послушай Георгия, – попросил Коробков и включил запись.

– Я ж не импотент! – с чувством произнес начальник охраны. – И не пидор. Ну есть жена, и что? По глупости с ней расписался! Хотел на Васе жениться, а ее мать меня тряпкой из дома выгнала, орала: «Моя дочь не для тебя, мне нужен зять с деньгами-положением». Тьфу! Блин! Деньги-то к деньгам, а нищета к нищете. Васька голая, без приданого, в одних трусах. А мать визжит: «Пошел вон! Отдам дочь замуж за сына полковника». Я дверь хлопнул. Василиса насмерть обиделась, что не стал я за нее с душой-мамашей драться. Я ее у подъезда подкараулил, она разговаривать не захотела, ногой топнула:

– Вот ты какой! Убежал! Ну и досвидос.

Василиса губу надула, я нос вздернул, по двадцать лет нам было дуракам. Я назло ей наспех женился на той, что первой под руку подвернулась, дочка родилась. А Васе сын полковника не достался. Ее вообще никто в загс не звал, старой девой осталась. Мне с супругой было тошно, Ваське одной тоска. И тут жена моя налево зарулила. Я узнал, орать не стал, по морде бабе не надавал. Мы с ней сели, поговорили. Квартира у нас большая, я в одной комнате поселился, она в другой, живем соседями, решили: дочь вырастет, тогда и разойдемся, жалко малышку. Ну и сошлись мы с Васей. Я у нее часто на ночь остаюсь. Но я же мужик! Еще не пень трухлявый! А вокруг девочки-медсестрички. Я что, их заставляю себя любить? Нет! Общаюсь только с теми, кому нравлюсь, да они мне быстро надоедают. Но всегда подружкам по работе помогу.

Иван ухитрился вставить словечко в поток признаний Жоры:

– Елизавете тоже поспособствовали?

– Динамистка она, – усмехнулся Брулев, – пообещала Пашку из дерьма вытащить. Бартерная сделка: я ее на работу в центр устраиваю, она меня знакомит с людьми, которые Павлу помогут.

– А почему тогда Лизу динамисткой величаете? – удивился шеф. – Она все выполнила. Связала вас с Коробковым.

– Ха! – скривился начальник охраны. – Дело как было. Я ее в клинику определил и потребовал: «Выполнил твое условие, давай контакт!» А она: «Да, но только устроил не туда, куда надо, я хочу в лабораторию Маслова!» Разговор днем вели в обед в моем домике. И тут! Распахивается дверь,

влетает Василиса. Глаза горят, зубы оскалены, налетает на Лизу.

– Зачем к моему мужу пришла?!

Васька не впервые такое проделывала. Я ей говорю:

– Успокойся! Это совсем не то, о чем ты подумала! Перед тобой Лиза, девушка Паши, она его...

Договорить мне не удалось. Василиса от злобы посинела.

– Ну, вообще! Перестарка? Да ей не сегодня завтра полтинник прозвонит!

Георгий прищурился:

– Вот что я вам, Иван Никифорович, скажу. Нашу страну бабская истерика погубит. Ежели женщине вожжа под хвост залетела, уноси ноги, сматывайся! Я решил: сейчас драка пойдет. Но Лиза на Василису не бросилась. Хитрая стерва, мне такие очень нравятся! Обняла меня и мурлычет:

– Может, я и не вчера школу окончила, зато нам с Жориком хорошо. А ты тут лишняя. Это раз. В супругах у него не Василиса Васильевна, ты его любовница. Это два. Слезай с трона, власть переменялась, теперь я на золотом стуле. Это три! И четыре: Пашка на фоне Жорика проиграл, мне твой сын без надобности, забирай его себе навсегда. Из жалости ему помочь хотела, но раз ты против, то не стану.

Васька прямо серой стала...

Брулев почесал в затылке:

– Короче, я успел Лизу в другую комнату впихнуть, Василису остановить. Не случилось побоища. А вот в кафе я не проявил бдительности, сцепились кошки. Врать не стану, Лизка мне нравилась. Не смотрите на меня так! Не невестка она мне! И никогда ею не стала бы. Но у нас со Снеговой так ничего и не того. Я костями лег, устроил ее к Маслову, а она запела: «Болею, подождем недельку». Василиса мне ультиматум выдвинула: или я обедать только с ней хожу, или мне небо с тряпочку покажется, Василиса и Пашку хотела выволить, и меня под колпаком держать. Я ей растолковал: Елизавета нужна мне только для помощи Паше. Васька вроде поняла, а я подумал, что она недели две-три со мной таскаться на обед будет, потом ей надоест, жизнь-то не заканчивается. А Лизка никуда не денется. И! Вона как вышло!

Брулев цокнул языком и замолчал. Иван Никифорович кашлянул:

– Не очень хорошо закончилась история. Фаина и Карина невзлюбили Елизавету. Думаю, и Надежда, которая сейчас в отпуске, тоже внесла свою лепту. Лизу быстро выгнали, но уж тут к вам никаких претензий быть не может. Лиза не смогла найти общий язык с коллегами. В целом я понял ход

развития событий. Вот только есть вопрос. Как вы убедили Эмилию разрешить Елизавете работать в лаборатории?

– Мы давние друзья, – улыбнулся начальник охраны.

– Верно, – не стал спорить шеф, – но Маслова Эмилия Францевна очень любит, а Филипп Андреевич был не особенно доволен появлением Елизаветы. Ему хватало Фаины, Карины и Надежды. Вяземская впервые не пошла на поводу у того, кого именovala сыном. Какие вы нашли аргументы?

Брулев ухмыльнулся:

– Просто я умею с бабами беседовать, надо правильный тон подобрать...

– Георгий Михайлович, – остановил его Иван, – мы знаем правду о похищении Лены Кротовой.

Лицо начальника охраны на мгновение стало похожим на морду кролика, перед которым пролетела шаровая молния, потом он быстро заговорил:

– Я ни малейшего отношения к этому делу не имею. Без меня все проделали! Васька, Эмилия и еще две бабы. Все безбашенные! Я вот в доброго боженьку на небесах вообще не верю. Но считаю: не иначе дьявол в дело вмешался, когда он няньку, которая у Кротова работала, к Вяземской отправил. И ведь Эмилия меня попросила Ольгу Сергеевну Воропаеву проверить, нет ли за ней чего дурного. Я тетку по своим каналам простучал со всех сторон. Никогда ни она сама, ни ее родственники под судом-следствием не были. Коренная москвичка, с высшим образованием, с квартирой. Не гастарбайтерша. И замутилась история. Когда у Эмилии Игорь погиб, она все глаза выплакала, Василиса у нее поселилась, боялась, что подруга из окна выпрыгнет. И тут Воропаева ей про своего внука рассказала. Бабы вместе с Васькой план придумали, Ольга Сергеевна отправила к Кротову нянькой свою подругу и соседку. Та дождалась нужного момента и сделала так, чтобы доктор девочку к своей матери повез. Когда я узнал, что они провернули, поздно было что-то исправлять! Девочку привезли к Эмилии, а мне сказали: «Сделай документы, что якобы Вяземская ее удочерила».

Я молча слушала, как Брулев излагает историю похищения Лены. Оказывается, Лиза рассуждала правильно: ребенка из автомобиля забрала бывшая няня. Было куплено одеяло, как у Лены, точь-в-точь такая же шапочка. Малышка не проснулась, когда ее вытащили из салона. Ольга Сергеевна быстро юркнула в припаркованную рядом машину Эмилии, Вяземская положила на сиденье куклу. Процесс занял секунды. Девочка

открыла глаза в автомобиле Эмилии Францевны, но плакать не стала, рядом находилась Ольга Сергеевна. Няня пару недель возилась с Леной, та быстро забыла родную семью, стала звать Эмилию мамой. Потом Ольга уволилась, появилась другая няня, она, естественно, ничего плохого не заподозрила.

Георгий продолжил:

– Я ошалел.

– Как мне документы сделать?

Василиса рассердилась:

– Твоя печаль! Думай.

Георгий Михайлович взял стакан с водой и сделал несколько глотков.

– Я поднатужился и все провернул. Помог им. И нечего на меня так смотреть. Они уже натворили дел! Я их просто выручил! И никогда потом не напоминал об этом! Конечно, мы с Эмилией много лет дружим, но Пашка мне сын. Родная кровь сильнее чужой. Вот я Эмилии и сказал: «Устрой Елизавету к Маслову». Вяземская в ответ: «Никогда. Там Филипп всем распоряжается». А я просто спросил: «Что будет, если я случайно проговорюсь о том, где ты Кротову взяла? Скандал, понимаешь, грянет». И Елизавета попала в лабораторию.

Я изо всех сил сцепила зубы, чтобы сдержать негодование. «Я их просто выручил!» Ох, не верю я в бескорыстность Брулева! Вот только спрашивать его, сколько ему заплатила Вяземская, смысла нет. Георгий никогда никому правды не откроет. «Я их просто выручил!» Почему Жора не помчался к Кротовым, не рассказал, где Лена, а? Еще один зряшный вопрос. Ответ-то ясен. Брулеву заплатили за молчание.

– Ясно, – кивнул Иван, – но зачем понадобился второй ребенок? И по какой причине Вяземская не избавилась от малышки?

Глава 39

Георгий поморщился:

– Дуры план похищения составили, а о том, что будет дальше, не подумали! Куда деть ребенка? Бросить на улице? Девчонку быстро родителям вернут. Какой смысл был ее красть тогда? Лена-то не в пеленках, имя свое знает, фамилию, когда она дома окажется, расскажет про свою няню, которая ее из машины вытащила. Как решить проблему? Задушить девочку, закопать в лесу? Ну на это ни я, ни Эмилия, ни Василиса не способны. У меня был хороший приятель Митя, он работал в одной организации и занимался тем, что из одного человека другого делал. Документы, легенда... Вроде ваших бригад фирма, но не частная. Название у нее из трех букв, не подумайте чего неприличного. Ну? Поняли?

Иван кивнул, Жора продолжил:

– Я к нему примчался, стал просить: «Митька, помоги! Дуры кашу заварили, девчонку украли, сам знаешь, у женщин волосы длинные, а у короткий. Показалось кретинкам, что они здорово все спланировали. Не спорю, им удалось ребенка стырить, а вот дальше что с ним делать? Одно слово: бабы!»

Митя мозгами раскинул и на следующий день сказал:

– Эмилия девочку удочерит. Скажет, что она ее в подвале нашла...

И всю историю выложил. Я оторопел.

– То есть дочь врача останется жить с Вяземской?

Митька руками развел:

– А есть другие варианты? На улице девку бросить? Не катит, вмиг Эмилию и твою Ваську арестуют. Отдать ребенка кому-нибудь на воспитание? Всегда есть риск, что люди малышку расспросят, узнают, что она дочь Кротова, и далее две версии: шантаж Эмилии или сообщение родным о том, что Лена у них и как она в их руки попала. Конечно, весь сыр-бор из-за денег затеется. Ну и, конечно, есть вариант закопать ее где-нибудь, но это без меня. Греха на душу не возьму, невинное дитя жизни лишит мало кто способен, только совсем отмороженный.

Я растерялся:

– Не думаю, что Эмилия согласится с девочкой жить.

– Пусть тогда сухари сушит, – сказал Митя. – Единственный выход для нее не попасться – это Лену удочерить.

– Это ж сколько бумаг надо! – запаниковал я.

Приятель поморщился:

– Не твоя печаль. Все сам сделаю.

– Сколько? – прямо спросил я. – Знаю, ты мне по дружбе помогаешь, но ведь придется кое-кого задействовать.

– Забудь, – махнул рукой Митя, – помогу бесплатно. Пока я все проворачиваю, девочку из дома не выпускайте. Где она сейчас?

– На даче Вяземской, – ответил я.

– Вот пусть в ее доме безвылазно сидит, – распорядился Митя, – прикормите ребенка. Покупайте каждый день игрушки, мороженое. Леночкой не называйте, вот ее новое имя.

И бумажку мне протянул.

Брулев замолчал.

– Дальше как события развивались? – поинтересовался Иван.

Жора потер затылок:

– Недели через три Митя на встречу меня кликнул, поинтересовался, как ребенок себя чувствует. Я ему сказал, что малышка давно не плачет, отзывается на новое имя, про маму не спрашивает, вся игрушками завалена. Потом спросил: документы делаются? Митька оскалился, как акула.

– Жорик! Все ок. Готов пакет. Но! Его отдадут с одним условием.

Я прямо спиной почуял: готовится какая-то гадость! Приятель продолжил:

– Придется Эмилии еще одну девочку взять. Почти ровесницу той, что она украла.

Георгий Михайлович стукнул кулаком по столу:

– Я вопросами сыпать начал. Кто она? Откуда? С какой стати Вяземской двух удочерять?

Митька спокойно ответил:

– Берешь вторую. Получаешь документы об удочерении на первую и на довесок. Не берешь вторую? Не получаешь документов на первую! Расскажи Эмилии, пусть она решает.

Брулев опять застучал кулаком по столу.

– ...! Я понял! Он сразу придумал еще одну спиногрызку нам подсунуть. Знал, стервец, что Вяземской деваться некуда.

– И вот так у Эмилии Францевны появились две дочери, – подвел итог Иван Никифорович, – не простое дело чужих детей воспитывать.

– Эмилия их поселила в противоположном от своих комнат крыле, – объяснил Жора, – наняла няньку. Малышек она видела только вечером, их к ней в гостиную приводили со словами: «Скажите любимой мамочке спокойной ночи». Иногда «мама» своих «принцесс» водила в цирк или в

театр, раза два в год. Когда они подросли, общения чуть больше стало. Эмилия вроде хорошо с детьми общалась, не жалела денег на их обучение, еду, одежду, не ругала их. До того времени, как одна в институт поступила, а другая в училище, у них были воспитательницы. Но!..

Григорий понизил голос:

– Я заметил, что Эмилии нравится над ними морально издеваться. Карина считает себя глуповатой. Она и впрямь не очень в гимназии успевала. Так дня не проходило, чтобы Эмилия Карине ласково что-то вроде такого не сказала: «Доченька, не волнуйся. Не получается хорошую отметку по математике получить? Поменяю тебе репетитора. Возьму другого. Эх! Я сама виновата, наняла дешевую учительницу. Ничего, сейчас приглашу самую дорогую».

Карина в слезы:

– Мамочка! Не хочу тебя разорять!

Вяземская ей еще слаще в ответ:

– Какая ерунда! Да пусть я голой на улице останусь! Но ты получишь хорошее образование. Не беда, я и нищей прекрасно проживу!

Кара в истерике убежала, у нее комплекс развился: она такая дура, такая непонятливая, что мама огромные деньги на нее тратит! Мать разорится из-за дочери-дебилки.

– Моральное издевательство, – кивнул Иван, – любимое занятие мужчин и женщин, которые в реальности не испытывают к ребенку ни грамма любви. Такие особи со всхлипом говорят сыну или дочери: «Я так тебя люблю, все для кровиночки сделаю! Все для твоего счастья! Вот сейчас купила новые туфли не себе, а тебе кроссовочки. Ничего, я в старых, рваных побегая, а тебе нужна четвертая пара обуви, не может же мой любимый зайчик в одном и том же ходить». В результате у ребенка появляется жуткий комплекс вины перед матерью. А у Карины еще и твердая уверенность в собственном скудоумии возникла!

– Это верно, – прокомментировала я запись, – девушка постоянно твердит, что она не сообразительная.

– Фаина одни пятерки получала, – продолжал Георгий, – из нее дуру нельзя было сделать. Зато она неуклюжая, мимо чего-то пройдет, обязательно уронит, разобьет. Эмилия никогда не забывала ей напомнить, как дочь превратила в руины какую-либо дорогую для нее вещь.

«Или на ногу ей наступила, палец повредила», – подумала я, неотрывно глядя на экран.

Георгий Михайлович замолчал. Вместо него заговорил Иван:

– Эмилия Францевна решила отомстить доктору Кротову и с помощью

своей близкой подруги Василисы Васильевны и няни Ольги Сергеевны украла его дочь Лену. Дамы отлично организовали похищение, но не подумали, что делать с ребенком после того, как он окажется в их руках. Эмилия была вынуждена обратиться к Георгию Михайловичу. Тот с помощью приятеля Мити, который работал в организации, чье название состоит из трех букв, решил проблему. Лена обрела новые документы. Денег Митя с Георгия не взял, последний забыл крылатое выражение про бесплатный сыр и очутился в мышеловке. «Добрый» Митя поставил вопрос ребром: или берешь еще одного ребенка, или не получишь пакет документов на Лену вместе с историей о том, как Эмилия нашла в подвале беспризорную малышку. Насколько я понимаю, Митя в своей конторе служил «писателем», так там называют засекреченного сотрудника, который придумывает для агента под прикрытием биографию. Это тяжкий труд, одна маленькая ошибка, нестыковка может привести к гибели того, кто живет под чужим именем. Полагаю, у Мити была в разработке агент-женщина, ребенка которой следовало тщательно спрятать. Сдать девочку в приют было нельзя.

– Почему? – удивилась я.

Иван остановил запись.

– Разные обстоятельства могли помешать. Первое. У девочки был отец, не сотрудник организации, он мог начать искать ребенка, когда жена «умрет». Второе. Если малышка определена в интернат, то ее можно найти и шантажировать мать, которая работает под другой личиной, но о ней кто-то узнал правду. Бывает, что ребенка в таких обстоятельствах...

Муж замолчал, я поежилась:

– Ужасно! Лишить жизни девочку, чтобы мать могла спокойно работать?

– Интересы государства превыше всего, – мрачно сказал Михаил Юрьевич, – лучше нам кое о чем никогда не знать. Но, возможно, ребенка попросил спрятать кто-то из приятелей Мити, поэтому он не мог определить девочку в приют. Гадать можно бесконечно, правды мы не узнаем.

– Верно, – согласился Иван, – Жора назвал мне фамилию Мити, его отчество. Он умер пять лет назад. Все нити оборваны. Давайте дослушаем запись.

Картинка на экране ожила, Иван заговорил теперь уже с экрана:

– Вяземской пришлось согласиться с требованием, она удочерила малышей, но любящей матерью им не стала. Нет, внешне все выглядело лучше некуда, но в душе Эмилия терпеть не могла воспитанниц. Вяземская

– хитрая дама, все вокруг, включая приемных детей, считали ее идеальной матерью. Девочки страшно переживали, что они не могут стать лучшими дочерьми на свете. На самом деле Эмилия Францевна любила только Филиппа, который ради нее пошел на убийство. Последнее всего лишь моя догадка. Все правильно?

Жора чихнул:

– Про Маслова ей-богу ничего, кроме того, что его Эмилия обожает, не знаю. Остальное верно.

Иван кивнул:

– Теперь вопросы. Вы знаете, что Василиса Васильевна Терентьева имеет недвижимость в Москве?

– Конечно, – засмеялся Жора, – у нее есть квартира, но Вася живет в апартаментах при библиотеке. Это выгодно. Коммунальные расходы оплачивает «Солнечный сад», питание тоже. Василиса денег почти не тратит. Столичные метры она сдает. Деньги копит.

– С какой целью? – поинтересовался Иван.

Брулев откинулся на спинку стула:

– Дочь моя замуж собралась. Свадьба на осень назначена. Как только молодые уедут в путешествие, я на развод подам. Хочу малышку мою жениху вручить, и все! Мы с Васей решили купить домик где-нибудь на природе, оба любим в земле копаться. Заведем собаку, кота, огород-цветочки. Наломали мы дров в первой половине жизни, сейчас хотим наконец счастливо пожить вдвоем.

– У Терентьевой еще пять квартир, – уточнил Иван, – одна записана на Павла, но понятно, что сам он не мог трехкомнатную купить.

– Ну... – занервничал Жора, – кто как деньги копит. Одни в иностранный банк кладут, другие в российский. А я Васе посоветовал недвижимость покупать. Она только расти в цене будет.

– Возможно, вы правы, – согласился шеф. – Апартаменты в количестве пяти штук приобретены за последние четыре года. Возникает вопрос: откуда деньги? Я знаю размер ваших зарплат. Василиса Васильевна, с учетом бесплатного проживания и питания, может зарплату почти полностью откладывать. С вами другая картина. У вас тьма расходов: коммунальные услуги за апартаменты, где вы с законной женой прописаны, кредит за жилье, вы его приобрели в ипотеку. Зачем? Уж простите мое любопытство.

– Если дочь с мужем на одной площади с моей бывшей поселятся, – процедил Жора, – то быстро разведутся. Вот я и подобрал двушку. Купил ее на себя, подарю дочке к свадьбе. Вдруг она все-таки с супругом

разбежится, тогда жилье ей достанется. Подарки при разводе не половинятся. Если тебе родители, например, дачу презентовали, а ты состоял в законном браке, то дом всегда твоим останется, потому что он не совместно нажит, а подарен именно тебе. Я понятно объяснил?

Глава 40

– На данном этапе меня интересует не ваше материальное положение, – остановил собеседника Иван. – Вы аккуратный заемщик, выплаты не задерживаете, укладываетесь в свой доход, правда, на жизнь вам почти ничего не остается. А Василиса одна заработала на пять квартир. Как ей это удалось? Про наследство не говорите, мы проверяли, его никогда не было.

Брулев вскинул брови:

– Ну... я не знал, что квартир пять... Вася говорила, будто Паше на угол собирает... А я что? Я ничего! У меня дочь! Девочку отец обеспечить должен, а сын сам пусть пробивается, он мужик. Мне никто не помогал, и ничего, я стал успешным человеком.

– В записях Маслова напротив фамилий его пациентов стоят буквы «ЯН» и «ВВ», – продолжил шеф. – Раньше их не было, а потом появились. Дело в том, что Филипп Андреевич стал испытывать трудности с нахождением объектов исследования. И тогда ему на помощь пришла госпожа Терентьева. За последние четыре года через его лабораторию прошли двенадцать человек, не считая Сергееву. Из них троих нашел сам Маслов, они были клиентами медцентра, все без родственников, совершенно здоровые. Один пришел на прививку от гриппа, двое маялись зубами. После «лечения» у Маслова все оказались в «Солнечном саду». Филипп Андреевич сумасшедший в прямом смысле этого слова, он принадлежит к числу «ученых», которые изобретают калоши с феном и уверены, что их великое творение спасет человечество. Но калоши с феном безобидное изобретение, а вот Маслов лишает людей сначала рассудка, потом они умирают из-за того, что врач давал им какую-то невыносимую комбинацию лекарств. Сейчас в его лаборатории работают наши сотрудники, полного отчета у меня пока нет, могу только сказать, что Филипп Андреевич брал разные медикаменты, смешивал их и составлял свои «препараты». Он явно болен психически, мнит себя гением, у него абсурдная цель: избавить людей от плохих воспоминаний, заменив их на ужасные. А что с другими девятью пациентами? У них в документах стоит отметка «ВВ». И что интересно, эти больные никогда сами не приходили в медцентр, их привозили на «Скорой» в состоянии комы. Маслов выводил подопечных из этого состояния, лечил их и... вот беда! Они все лишались разума и уезжали домой. Мы тщательно изучили этих пациентов. Все они

имели близких родственников. Николая Евдокимова забрала дочь, которая из-за недееспособности отца возглавила сеть его автосалонов. Мария Творова, владелица нескольких торговых центров, в результате лечения Маслова очутилась на попечении сына и невестки, которые стали руководить ее предприятиями. Остальных перечислять не стану. Все они были успешны, богаты, вследствие разных обстоятельств попали в кому. Но проверить эти обстоятельства невозможно. Николай Евдокимов, например, занимался дома боксом. По свидетельству дочери, она нашла отца в подвальном помещении, где был оборудован спортивный зал. Отец лежал на полу, сверху его придавила здоровенная «груша». Вероятно, Евдокимов молотил ее кулаками, а снаряд ударил его по голове. Бизнесмен упал, «груша» оторвалась и плюхнулась на него. Травма мозга. Кома. Ничего криминального. И так со всеми. Бытовые случаи. Все эти девять пациентов уехали из лаборатории в относительно хорошем физическом состоянии, но испытывали огромные проблемы с памятью. И потом все скончались от инсульта. За эти четыре года Василиса купила свои квартиры.

– Эй, эй, – пробормотал Георгий. – Вы на что намекаете?

Иван выпрямился:

– Василиса Васильевна, чтобы осуществить свою мечту купить дом, завести огород-курочек-козу и скопить много денег на старость, использовала Филиппа Маслова в качестве убийцы втемную. Она доставляла ему людей, родственники которых хотели получить управление их имуществом. Вот откуда появились деньги на приобретение недвижимости. Сейчас мои люди работают с Терентьевой. Она призналась, что Филипп Андреевич в этом случае пешка, он понятия не имел, что является киллером, просто проводил свои эксперименты. Черода клиентов у Василисы не была непрерывной, иногда Филипп Андреевич оставался без пациента и очень злился. Порой ему самому удавалось найти нужного человека. Лаборатория по штамповке недолго живущих, потерявших память людей могла еще годами работать, но Маслову не повезло. У Василисы случился перебой с заказчиками. Филипп в очередной раз стал изучать базу пациентов медцентра. Начал он со стоматологии и нашел Татьяну Сергееву, именно ту женщину, которую искал: одинокую, здоровую, с высшим образованием, не анорексичку... Но он не знал, что Татьяна на самом деле не простая учительница, а начальница особой бригады.

– Да уж, – вздохнул Брулев, – круто парень ошибся, пустил лису в курятник.

– Василиса Васильевна утверждает, что Фаина и Карина ничего не

знали об истинном положении дел. Девушки подчинялись Маслову. А вот Эмилия Францевна покрывала любимого Филиппа, безропотно забирала в «Солнечный сад» тех, кого «лечил» безумный врач. Георгий же, по словам постоянной любовницы, полностью находился в курсе всех дел, помогал Василисе находить клиентов.

Зрачки Брулева начали медленно расширяться. Иван продолжал:

– Когда я узнал о том, чем занималась Терентьева, то удивился: почему она не побоялась обратиться к нам. И задал ей этот вопрос. Ответ был прост. Василиса Васильевна души не чает в Павле, готова ради сына на все, она не думала, что мы раскопаем историю с доведением до безумия больных в лаборатории. То, что наличие у библиотечарши пяти купленных за короткое время квартир вызовет удивление, ей и в голову не пришло!

Глаза Жоры почти вылезли из орбит, он стал здорово похож на французского бульдога Роки, перед носом которого неожиданно возникла жаба. Вот только наши собаки, к счастью, не умеют говорить. Брулев же заорал:

– ...! ...! ...! Ах она ...! ...! Дура ...! Полная кретинка! Идиотка! Ну раз она так со мной, то и я... в ответ урою эту падаль! У Васьки в голове гвоздем засело, что мы с Лизкой того-самого... Ревнивица вбежала ко мне в дом, хотела в очередной раз неожиданно на голову свалиться и проверить, может, я там со Снеговой развлекаюсь. Глядь! Лизка на скамейке сидит! И что эта сучка придумала? Схватила с дорожки камень и как даст им медсестре сзади по шее. Лиза упала на лавку, лежит, не шевелится. И вдруг шаги вдали. Васька испугалась и бегом ко мне, влетела в дом, трясется, сопли-слезы... я кое-как успокоил ее, выяснил, что произошло, пошел к скамейке и увидел: Лиза умерла... Ну и...

Брулев замолчал.

– Вы позвали своих сотрудников, те спешно отправили тело в больничный морг, – предположил Иван, – а потом вы полетели к Эмилии, напомнили ей, как много хорошего для нее сделали. Владелица медцентра велела патологоанатому написать фальшивый отчет, тело Лизы быстро кремировали.

– Типа того, – пробормотал Брулев.

Экран телевизора погас. Теперь заговорила я:

– Пока Жора в своем коттедже успокаивал Василису, я пришла на место встречи с Лизой и увидела ее труп. Трифонова лежала на спине, голова повернута, я не поняла, что у нее сломан позвоночник. Крови не было.

– Василиса Васильевна не рассекла ей кожу камнем, – пояснил

Аверьянов, – она повредила Лизе позвонки. Елизавета скончалась в секунду. Об аффекте речи быть не может. Я говорил с врачом, который делал вскрытие. Елизавету ударили камнем дважды, у нее пара переломов: в шее и грудном отделе. Нарушилось поступление крови в мозг и дыхание. Аффект – это когда ударили один раз. Если больше, это уже намеренное убийство.

– Это же с какой мощью она ее треснула! – воскликнул Федор. – Терентьева-то не девочка! Откуда такие силы?

– Злость, ревность, обида, – перечислил Михаил Юрьевич. – У меня в бытность психотерапевтом была пациентка восьмидесяти лет, она набросилась на зятя, который отметил сороковой день рождения, тот испугался и заперся в своей квартире, они на одной лестничной клетке жили. Худенькая больная старушка сняла с петель железную дверь и так стукнула зятя, что тот через весь коридор пролетел.

– Упаси господь иметь дело с обезумевшей бабой, – поежился Федя. – Татьяна, к тебе это не относится.

– Спасибо, что не считаешь меня опасной для окружающих, – поблагодарила я. – И что теперь со всеми участниками этой истории будет?

Эпилог

Иван подровнял стопку бумаг на столе.

– Полагаю, Маслова после необходимых обследований отправят на лечение. Василиса Васильевна, если экспертиза признает ее вменяемой, станет центральной фигурой следствия, которое затянется надолго. Придется беседовать со всеми родственниками пациентов Филиппа Андреевича, изучать его записи. Давайте вспомним, что любовница Брулева убила Елизавету. Думаю, госпожу Терентьеву под подписку о невыезде не отпустят. Судьбу Эмилии предсказать не берусь. С Георгием Михайловичем тоже не один день придется разбираться. Карина и Фаина...

Иван начал вертеть карандаш.

– Они ни при чем, – воскликнула я, – девушки ничего не знали.

– Кто, по мнению Лизы, является Леной? – спросил муж.

Я удивилась вопросу:

– Конечно, Карина.

– Почему? – не успокаивался Иван. – Чем она мотивировала этот вывод?

– Возраст подходит, внешность, – перечислила я, – Карина русая, светлокожая, она похожа на Трифонову. Фаина смуглая, волосы темные, вьются мелким бесом. Ну и еще Лиза говорила: «Спиной почуяла, Кара моя сестра, Фаина сразу вызвала у меня отторжение, очень уж противня, вредная.

– Спиной почуяла, – повторил Иван, – хорошо не тем местом, которое ниже. Елизавета не делала...

– Стоп! – воскликнула я. – Совсем забыла спросить! Зачем Елизавета оторвала воротник у халата Эмилии? Идиотский поступок!

– Прости, ответ есть на другой записи, – спохватился Иван и взял пульт, – я задал тот же вопрос Брулеву.

На экране снова появился Жора.

– Да бабам в голову всякая хрень приходит! Когда Лизка ко мне прилетела, стала жаловаться: «Эмилия меня выперла». Я ей сказал: «Какого черта ты порвала халат Вяземской?» Вот не угадаете, что я услышал! «Я подумала, раз старуха Маслова обожает, сыночком его называет, все ему прощает, может, он Андрей? Вдруг в катастрофе тогда погиб на самом деле Маслов? Эмилия испугалась, что сына посадят, и выдала его за Филиппа». Тю!

Жора повертел пальцем у виска:

– Тушите свечи! Я не выдержал, рассмеялся: «Ты, краса ненаглядная, не пробовала сценарии для сериалов писать?» Она набычилась.

– Все равно проверю. Вдруг я права!

Иван Никифорович выключил запись.

– Кому Елизавета отдала генетический материал, мы не выяснили. Но точно никому из наших сотрудников. Мы сделали анализы. И стало понятно, что Лиза не видела результатов исследования. Или их вообще не проводили. Маслов это Маслов, Андрею даже близко не родственник. Филипп не является родным сыном Эмилии. Эта версия Трифоновой никак не подтвердилась. И Карина не Лена.

Карина не Лена!

– Как так? – подпрыгнула я.

Аверьянов развел руками:

– Вот так. Лена это Фаина! Конечно, родственники часто похожи, испытывают друг к другу расположение, но случается подчас иначе. Кстати, Лена Лизе не родная сестра, у них лишь половина общей крови, материнской. А теперь глянь на фото прабабушки Елены, на бабушку ее отца.

Экран мигнул, появился снимок.

– Это же Фаина, – ахнула я.

– Нет. Перед тобой балерина Изабелла Никитина, известная танцовщица, потом педагог-репетитор, – ответил Иван.

– Просто одно лицо, – изумилась я. – И кто теперь расскажет Лене правду?

Михаил Юрьевич поднял руку:

– Конечно, психолог. Я уже беседовал с девушками.

– И как они? – не успокаивалась я.

Ершов развел руками:

– Обе в шоке. В беседе участвовали обе медсестры, Василиса Васильевна и Эмилия Францевна. Карина была в курсе истории, Фаина ее впервые услышала. Первая рыдала, спрашивала:

– А кто я тогда? Кто мои родители?

Фаина кричала:

– Нет, нет! Моя мама – Вяземская.

Тяжелый вышел разговор.

– Мы можем найти правду о Карине? – спросила я.

Иван Никифорович молчал, за него ответил Димон:

– Не уверен. И порой некоторые скелеты лучше не выкапывать из могил. Но что, Таняша, хорошо мы организовали тебе запасной выход из

комы?

– Запасной выход из комы, – засмеялась я, – мне эта фраза очень нравится. Да, спасибо, ваш запасной выход из комы намного лучше выхода, который организовал Филипп Андреевич.

У меня зазвонил телефон, я схватила трубку и спросила:

– Рина, ты опять сломала ногу?

– Ну почему ты такая тревожная? – удивилась свекровь. – Сразу: «Ты опять сломала ногу».

– Потому что когда ты в последний раз звонила мне в рабочее время, – еще сильнее забеспокоилась я, – ты сломала ногу. А до этого, когда ты мне в офис звякнула, у нас в доме загорелся лифт. Что случилось сейчас? Почему в квартире шум?

– Да пусть! – слишком беспечно ответила Рина. – Рокетта как-то сорвала кран, теперь вода хлещет.

– Кто такая Рокетта? – спросила я.

– Сегодня я пошла гулять с Мози и Роки, – защебетала мать моего мужа, – смотрю, Роки кого-то в зубах тащит. Сначала я решила, что это тряпка. Потом разглядела: котенок! Не бросать же его голодного! Так он плакал! Ветеринар сказал: это девочка! О! Приехали электрики! И аварийная по газу! Прости, Танюша. Я-то звоню сказать: из-за того, что Рокетта устроила наводнение, дома нет света, газа, поешьте в городе! Все! Надо мастерами заняться.

Я вскочила.

– Ты куда? – удивился Иван.

– Рина подобрала котенка, назвала его Рокеттой, – крикнула я, – думаю, в честь Роки, который ее принес. Кошатаина устроила потоп, отключение газа, электричества. Рина велела тебе поужинать в кафе. Я еду домой.

Иван встал.

– Ты куда? – спросила я.

– Посмотреть на Рокетту, – улыбнулся муж, – изучу котенка и займусь починкой электричества, газа и всего прочего. А ты пока сделаешь из бумажки бантик и поиграешь с Рокеттой. Не нервничай, я решу все проблемы.

– Две собаки, кот, теперь еще и маленькая кошка, – перечислил Димон. – Тань, вам определенно не хватает попугая.

– Ты им просто завидуешь, – засмеялся Михаил Юрьевич, – Рокетта пришлась очень кстати. Танюша, ты теперь никогда не будешь визжать от ужаса при виде мыши, вылезавшей из-под холодильника.

– Сомневаюсь, что Таня трясется при виде грызуна, – вздохнул Федя.
– Все женщины, даже начальница особой бригады, впадают в панику, увидев мышку, – присоединился к Миркину Димон, – это нормально.

Я молча шла за Иваном к двери. На мой взгляд, женщинам не стоит опасаться мышей, им надо бояться котов.

notes

Примечания

1

Таблеток с таким названием нет. Есть аналогичного действия препарат, его наименование автор не дает из этических соображений.

Биография Тани и то, что с ней случилось после смерти мужа Михаила, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Старуха Кристи – отдыхает!»

3

К р и п т о а н а л и т и к – специалист по разгадыванию шифров.